

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Редакционный совет

Александрова О. В., д. филол. н., проф. (Россия, МГУ)
Балина М., д-р, проф. (США, ун-т Иллинойс Везлиан)
Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт русской литературы РАН)
Краузе М., д-р, проф. (Германия, ун-т Гамбурга, Институт славистики)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт лингвистических исследований РАН)
Овчинникова И. Г., д. филол. н., проф. (Израиль, ун-т Хайфы)
Полякова Е. Н., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрГУ)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, ТюменГУ)
Фэр-Дюпэтр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)
Чернявская В. Е., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Редакционная коллегия

<i>Новокрещенных И. А.</i> (гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Данилевская Н. В.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
<i>Русинова И. И.</i> (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Дускаева Л. Р.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, СПбГУ)
<i>Шутёмова Н. В.</i> (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Ерофеева Е. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Абашев В. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Кондаков Б. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Абашева М. П.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)	<i>Кочкарева И. В.</i> , к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
<i>Алексеева Л. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Кушнина Л. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
<i>Арустамова А. А.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Мишланов В. А.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Баженова Е. А.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Мышкина Н. Л.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
<i>Боронникова Н. В.</i> , к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Нестерова Н. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
<i>Бочкарёва Н. С.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Петрова Н. А.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГГПУ)
<i>Братухин А. Ю.</i> , к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Подюков И. А.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
<i>Бурдина С. В.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Проскурнин Б. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
	<i>Серова Т. С.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
	<i>Фоминых Т. Н.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)

Адрес учредителя и издателя: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литератур, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <http://www.rfp.psu.ru>.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям 10.01.00 – литературоведение, 10.02.00 – языковедение от 01.12.2015 г.

Founder: Perm State University

Editorial Council

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Marina Balina (USA, Illinois Wesleyan University)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Marion Krause (Germany, University of Hamburg, Institute for Slavic Studies)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Irina Ovchinnikova (Israel, University of Haifa)
Elena Polyakova (Russia, Perm State University)
Mary Rut (Russia, Ural State University)
Ranjana Sxaena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen State University)
Anne Faivre Dupaigne (France, University of Poitiers)
Valeriya Chernyavskaya (Russia, Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University)

Perm Editorial Board

<i>Irina Novokreshchennykh</i> – <i>Editor-in-Chief</i> (Perm State University)	<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)
<i>Irina Rusinova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Natalya Shutemova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Valerij Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)	<i>Nelly Myshkina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Larissa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Irina Ovchinnikova</i> (Perm State University)
<i>Elena Bazhenova</i> (Perm State University)	<i>Natalya Petrova</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podukov</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Nina Bochkareva</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Alexandr Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	<i>Tatyana Fominykh</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)	
<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)	
<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)	

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai.

Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai (Faculty of Modern Languages and Literatures, Faculty of Philology). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Web-site of the journal: <http://www.rfp.psu.ru>.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Ван Минь, Тань Ин СТЕРЕОТИП <i>ЖЕНЩИНА</i> В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ (по материалам пилотного эксперимента)	5
Зверева Ю. В. НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРИЛИЧНО / НЕПРИЛИЧНО ОДЕТОМ ЧЕЛОВЕКУ В ПЕРМСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ	13
Колмогорова А. В., Маликова А. В. ОПЫТ ТЕЗАУРУСНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ СПОСОБОВ ОБЪЕКТИВАЦИИ ИНТЕРЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА (на материале произведений русских писателей-франкофонов)	24
Кудрявцева И. П. ОККАЗИОНАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ «TIME» В РОМАНАХ ИРВИНА ШОУ	32
Неровная Н. А. ДИАХРОНИЧЕСКОЕ СРАВНЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТА «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ	39
Осипова К. В. <i>ЩИ</i> НА РУССКОМ СЕВЕРЕ: КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ СИМВОЛИКА	47
Larina L. G., Ermakova E. V. MEANS OF METAPHOR TRANSLATION IN THE STORY <i>BERLIN, CITY OF BIRDS</i> BY E. ÖZDAMAR	55
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	61
Абашева М. П. СТРУКТУРА ГЕРОЯ В РОМАНАХ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ: СЛУЧАЙ КУКОЦКОГО	61
Баранова А. В. ПЕРВЫЕ ПЕРЕВОДЫ РОМАНА ТОМАСА ГАРДИ «ДЖУД НЕЗАМЕТНЫЙ» В РОССИИ	73
Кононова А. В. «ОЧЕРТАНИЯ ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЫ»: СИБИРЬ В МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ У. Б. ЙЕЙТСА И ШЕЙМАСА ХИНИ	82
Рабинович В. С., Бабкина М. И. ДИАЛОГ МУЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ОЛДОСА ХАКСЛИ	90
Селитрина Т. Л., Халикова Д. Г. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В РОМАНЕ К. ИСИГУРО «ПОГРЕБЕННЫЙ ВЕЛИКАН»	97
Хабибуллина Л. Ф. МОНСТР КАК ДРУГОЙ (ДРУГАЯ) В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	108
К 100-ЛЕТИЮ УНИВЕРСИТЕТА	117
Бочкарева Н. С., Новокрещенных И. А. ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ДРУГИХ ИСКУССТВ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ (опыт кафедры мировой литературы и культуры Пермского государственного национального исследовательского университета)	117

CONTENTS

LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY	5
Wang Min, Tan Ying STEREOTYPE <i>WOMAN</i> IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN AND CHINESE STUDENTS (Based on a Pilot Experiment)	5
Iuliia V. Zvereva TRADITIONAL NOTIONS OF A DECENTLY / INDECENTLY DRESSED PERSON IN THE PERM DIALECT VOCABULARY	13
Anastasia V. Kolmogorova, Alina V. Malikova THESAURUS MODELING TO PRESENT INTERLINGUOCULTURAL WORLDVIEW (Based on the Material of Works by Russian Francophone Writers)	24
Irina P. Kudriavtseva OCCASIONAL USAGE OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF MODERN ENGLISH WITH THE COMPONENT “TIME” IN NOVELS BY THE AMERICAN WRITER IRWIN SHAW	32
Nadezhda A. Nerovnaya DIACHRONIC COMPARISON OF THE CONCEPT “TOLERANCE” CONTENTS IN THE RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS	39
Ksenia V. Osipova <i>SHCHI</i> IN THE RUSSIAN NORTH: CULTURAL AND LINGUISTIC SYMBOLISM	47
Larisa G. Lapina, Evgeniia V. Ermakova MEANS OF METAPHOR TRANSLATION IN THE STORY <i>BERLIN, CITY OF BIRDS</i> BY E. ÖZDAMAR	55
LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT	61
Marina P. Abasheva THE STRUCTURE OF THE CHARACTER IN LYUDMILA ULITSKAYA’S NOVELS: <i>THE KUKOTSKY ENIGMA</i>	61
Anastasia V. Baranova THE FIRST RUSSIAN TRANSLATIONS OF THOMAS HARDY’S <i>JUDE THE OBSCURE</i>	73
Alla V. Kononova “A CONTOUR COLD AS PERMAFROST”: SIBERIA IN THE MYTHOPOETIC SYSTEM OF W. B. YEATS AND SEAMUS HEANEY	82
Valery S. Rabinovitch, Maria I. Babkina THE DIALOG OF LITERATURE AND MUSIC IN ALDOUS HUXLEY’S WORKS	90
Tamara L. Selitrina, Dilara G. Khalikova FICTIONAL WORLD OF THE MIDDLE AGES IN K. ISHIGURO’S NOVEL <i>THE BURIED GIANT</i>	97
Liliya F. Khabibullina MONSTER AS THE OTHER IN MODERN LITERATURE IN ENGLISH	108
ON THE 100th ANNIVERSARY OF PERM STATE UNIVERSITY	117
Nina S. Bochkareva, Irina A. Novokreshchennykh PROBLEMS OF RELATIONS BETWEEN LITERATURE AND OTHER ARTS IN THE CONTEXT OF INTERMEDIALITY (Research Experience of the Department of World Literature and Culture of the Perm State University)	117

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 81'37(81.161.1+811.581)
doi 10.17072/2037-6681-2017-2-5-12

СТЕРЕОТИП ЖЕНЩИНА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ (по материалам пилотного эксперимента)

Ван Минь

аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. wmrussia@163.com

доцент кафедры русского языка
Шаньдунский женский институт
250100, Китай, провинция Шаньдун, г. Цзинань
SPIN-код: 3165-4566
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5749-5927>
ResearcherID: Q-3940-2016

Тань Ин

аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. masha.tan23@mail.ru
SPIN-код: 6957-7028
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0880-2185>
ResearcherID: C-4654-2017v

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Ван Минь, Тань Ин Стереотип женщины в языковом сознании русских и китайских студентов (по материалам пилотного эксперимента) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 2. С. 5–12. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-5-12

Please cite this article in English as:

Wang Min, Tan Ying Stereotip *zhenshchina* v yazykovom soznanii russkikh i kitayskikh studentov (po materialam pilotnogo eksperimenta) [Stereotype *Woman* in the Linguistic Consciousness of Russian and Chinese Students (Based on a Pilot Experiment)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 2, pp. 5–12. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-5-12 (In Russ.)

Исследуется стереотип *женщина* в языковом сознании русских и китайских студентов. Язык рассматривается не только как орудие познания, источник информации о человеке и обществе, но и как средство фиксации некоторого представления об окружающей действительности. Это дает возможность исследовать хранящиеся в сознании социальные стереотипы, которые характеризуются определенным набором реакций, связанных с языковой формой. Гендерные стереотипы являются разновидностью социального стереотипа и тесно связаны с социальной ролью мужчины и женщины. Постоянные представления об образах и поведении разных полов формируются и хранятся в обыденном сознании людей. Эти представления выражают как объективные различия между женщиной и женщиной, так и субъективное отношение к мужчине и женщине, разные ожидания от мужчины и женщины и требования, предъявляемые обществом к ним. Эти ожидаемые стандарты мужественности и женственности выражаются в гендерных стереотипах.

Разные культуры и этносы создают собственные представления о мужчине и женщине, которые существуют в сознании человека в виде гендерных стереотипов. В этой статье в качестве предмета исследования выбран стереотип *женщина*, применена методика лингвистических экспериментов, на экспериментальном материале рассмотрен гендерный стереотип *женщина* (автостереотип и гетеростереотип) в языковом сознании представителей разных этносов. На основе результатов эксперимента предлагаются предварительные выводы о гендерном стереотипе *женщина* у китайских и русских студентов. Стереотип *женщина* в языковом сознании китайской и русской молодежи имеет различия и сходства, но в китайской группе он в большей степени типичен и компактен, чем в русской.

Ключевые слова: гендер; стереотип; сознание; русские; китайцы.

Гендерные исследования получили распространение, когда формировалась новая философия науки – постмодернизм. Во второй половине XX в. под влиянием постмодернизма изменилась научная парадигма гуманитарных наук. Постмодернистская философия в основном направляла свою критику на западную логотрицентрическую традицию, т. е. на стремление обнаружить рациональную истину, существующую вне человеческой деятельности и независимо от нее [Кирилина, Томская 2005: 113]. Постмодернистская философия отрицает существование объективной истины, считая, что только через языковые формы возможно познание реальности, «так как действительность всегда опосредована дискурсивной практикой. Но и дискурс не отражает реальности, а лишь раскрывает отношения власти и подчинения в обществе» [там же]. Под влиянием постмодернизма повышается интерес к субъективному, к частной жизни человека, развитию новых теорий личности, в частности теории социального конструктивизма. Язык рассматривается «как орудие познания, источник информации о человеке и обществе» [Пермякова, Гаранович 2009: 4]. Язык представляет собой не только продукт сознания человека, но и средство мышления и выражения идей. Путем анализа языка можно изучать наивную картину мира человека.

Термин «стереотип» впервые был использован американским ученым У. Липпманом в труде «Общественное мнение» еще в 1922 г. Для него стереотипы – это упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека. Функция стереотипа состоит в экономии усилий человека при восприятии сложных объектов мира [Липпман 2004].

Гендерные стереотипы являются разновидностью социальных стереотипов и тесно связаны с социальной ролью мужчины и женщины. Постоянные представления об образах и поведении разных полов формируются и хранятся в обыденном сознании людей. Эти представления выражают как объективные различия между мужчиной и женщиной, так и субъективные отношения к мужчине и женщине, разные ожидания от мужчины и женщины и требования к ним. Эти

ожидаемые стандарты мужественности и женственности выражаются в гендерных стереотипах: в повседневной жизни мужчина должен быть сильным, активным, самостоятельным, агрессивным, рациональным, ориентированным на индивидуальные достижения, инструментальным, а женщина – слабой, зависимой, пассивной, нежной, эмоциональной, ориентированной на других, экспрессивной и т. п.

Как считает М. В. Гаранович, гендерная стереотипизация формируется в процессе социализации людей и зависит от разных факторов, например: социальной дифференциации людей, их культурного фона, образованности и уровня научного знания, речевого поведения индивидов, представлений о различных характеристиках индивидов в языковом сознании [Гаранович 2011].

Гендерные стереотипы изучаются разными научными направлениями, такими как социолингвистика, психолингвистика, социология, психология и др. В данной статье гендерные стереотипы исследуются в социопсихолингвистическом аспекте.

В Китае многие ученые также обращали внимание на исследование гендерных стереотипов, в том числе на функции гендерных стереотипов в коммуникации как между разными культурами, так и между разными полами [Фан Цзепин 2003; Ло Хун 2005; Янь Зуэй; Ли Саохуа 2008]. Фан Цзепин с точки зрения межкультурной коммуникации раскрывает определение стереотипа и объясняет разницу между стереотипом и предубеждением. По его мнению, в учебном процессе умение обращать внимание на стереотипы в разных культурах помогает студентам повысить уровень межкультурной коммуникации [Фан Цзепин 2003].

Луо Хун считает, что гендер – это явление субкультуры, а женщина и мужчина – это две субкультурные группы. В его представлении, в межполовой коммуникации стереотипы играют пассивную роль, мешают эффективности коммуникации между разными полами и с целью обеспечения полноценной межполовой коммуникации нужно удалить, насколько возможно, гендерные стереотипы [Ло Хун 2005]. Мы полагаем, что автор недооценивает роль гендерного сте-

реотипа в коммуникации. Гендерные стереотипы – это результат социализации человека. Чтобы достичь эффективной коммуникации между мужчинами и женщинами, с одной стороны, надо иметь представление, какие гендерные стереотипы существуют в обществе, а с другой – следует глубже исследовать механизм и причины возникновения стереотипов.

В нашей статье рассматривается стереотип в языковом сознании в зависимости от факторов «гендер» (юноши и девушки) и «этнос» (китайские студенты и русские студенты).

Для исследования гендерных стереотипов в языковом сознании русских и китайцев проводится эксперимент, направленный на выявление суждений о женщине. В эксперименте приняли участие студенты в возрасте от 21 года до 25 лет. По мнению Д. Бромлей (Bromley), этот возраст считается первой стадией цикла взрослости – ранней взрослостью (21–25 лет) [Bromley 1966], – когда у молодого человека формируется самосознание и собственное мировоззрение; он стремится заново и критически осмыслить себя и всех окружающих. Это возраст активного общения: «У молодых людей большой круг знакомств, множество различных интересов, увлечений. В это время формируется и закрепляется

стиль общения» [Моргун, Ткачева 1981: 15]. К этому возрасту молодой человек уже сформировался как языковая личность со своим мнением и гендерными представлениями.

По мнению А. В. Кириловой, можно «рассматривать гендерные стереотипы с двух позиций: в мужском и женском самосознании, с одной стороны, и в коллективном общественном сознании, с другой» [Кирилова 1999: 74]. В данной статье мы анализируем гендерные стереотипы через самосознание женщин (автостереотип) и мнение мужчин о них (гетеростереотип).

В нашем эксперименте приняли участие 104 студента из России и Китая, по 52 человека в каждой группе (31 девушка и 21 юноша). Информанты должны были ответить на два вопроса: *Женщина – это кто? Женщина, какая она?*, т. е. они должны были дать свое суждение о женщине (подробнее о методике эксперимента см.: [Васнева 2012]). Русские информанты получали вопросы и писали ответы на русском языке, китайские – на китайском (в статье приводятся только переводы реакций китайских информантов на русский язык).

Рассмотрим реакции информантов, данные на первый вопрос: *Женщина – это кто?* (см. табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Реакции информантов на стимул *Женщина – это кто?*
Reactions of informants to the stimulus *Woman – who is it?***

Реакция русских на вопрос	Кол-во реакций русских		Реакция китайцев на вопрос	Кол-во реакций китайцев	
	М	Ж		М	Ж
Человек	9	11	Мать	9	
Мать		10	Жена	5	20
Хранительница очага	1	1	Подруга	2	1
Богиня	1	1	Спутница	1	1
Тайный / загадочный человек	1	1	Красавица	1	1
Жена	1		Женщина		4
Колдун	1		Человек		1
Тварь	1		Любящий книги человек		1
Бабочка	1		Девушка		1
Возникающие проблемы	1		«Белый воротничок»		1
Бабочка	1		Родной	1	
Спутница	1		Бабушка	1	
Женщина	1				
Красавица	1				
Кошка		1			
Актриса		1			
Вселенная		1			
Добрый человек		1			
Жизнь		1			
Герой		1			
Помощница		1			

При анализе полученных данных мы отметили, что в ответах на вопрос *Женщина – это кто?* между китайскими и русскими студентами суще-

ствуют заметные этнические различия. В русской группе и юноши, и девушки дали следующие общие реакции: *человек* (9 и 11 у девушек и

юношей соответственно), *хранительница очага* (1 и 1), *богиня* (1 и 1), *тайный/загадочный человек* (1 и 1); в китайской группе общими суждениями стали следующие: *мать* (9 и 20), *подруга* (2 и 1), *спутница* (1 и 1), *красавица* (1 и 1). Исходя из количественных данных видно, что в основе стереотипа *женщина* у русских студентов лежит категориальный признак (*Женщина – это человек*), а у китайских студентов – ролевой признак (*Женщина – это мать*).

Гендерный гетеростереотип у русских и китайских юношей имеет такие общие признаки: *жена* (1 и 5 у русских и китайцев соответственно), *бабочка* (1 и 1), *подруга* (1 и 2), *спутница* (1 и 1), *красавица* (1 и 1). Однако в реакциях русских и китайских юношей наблюдается большая разница между частотными реакциями. У русских лексема *человек* появилась 9 раз. У китайцев лексема *мать* встретилась 9 раз, лексема *жена* – 5 раз, *подруга* – 2 раза. Все частотные лексемы у китайских юношей связаны с ролью женщины в семье. Кроме того, китайцы дали единичные реакции *бабушка* (1), *родной* (1), которые имеют отношение к родственным связям. Русские юноши, в отличие от китайцев, дают отрицательную оценку женщине: *колдун* (1),

тварь (1), *возникающие проблемы* (т. е. женщина создает проблемы) (1).

Гендерный автостереотип у русских и китайских девушек имеет общий ролевой признак – *мать* (10 и 20 у русских и китайцев соответственно). Однако обратим внимание на то, что у русских девушек, в отличие от китайянок, имеется еще одна высокочастотная реакция – *человек* (11). Довольно интересно, что китайские женщины отвечают на вопрос повтором, словом *женщина* (4 ответа), это значит, что в сознании китайских женщин присутствуют совокупные представления об образе женщины. Единичные реакции русских девушек представляют облик женщины с разных сторон: *кошка* (1), *актриса* (1), *вселенная* (1), *жизнь* (1), *добрый человек* (1), *помощница* (1). Единичные реакции у китайских женщин: *девушка* (1), *любящий книги человек* (1), *«белый воротничок»* (1) – говорят о том, что в Китае женщины высоко оценивают молодость, образование и высокооплачиваемую работу. Анализ количественных данных показывает, что стереотип *женщина* у китайцев имеет более жесткую структуру, чем у русских.

Рассмотрим ответы, полученные на второй вопрос *Женщина – какая она?* (см. табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

**Реакции информантов на стимул *Женщина – это какая?*
Reactions of informants to the stimulus *Woman – what is she like?***

Реакция русских на вопрос	Кол-во реакций у русских		Реакция китайцев на вопрос	Кол-во реакций у китайцев	
	М	Ж		М	Ж
Красивая	7	9	Красивая	5	17
Заботливая	3	2	Нежная	5	1
Женственная	1	1	Добродетельная	3	3
Милая	1	1	Добрая	1	2
Добрая		4	Великая	1	1
Сильная		4	Чуткая	1	1
Нежная		1	Сильная	1	1
Терпеливая		1	Изящная	1	1
Очаровательная		1	Любящая	1	1
Сексуальная		1	Симпатичная	1	
Плодовитая		1	Мягкая	1	
Слабая		1	Интересная		1
Грациозная		1	Трудолюбивая		1
Обольстительная		1	Разная		1
Элегантная		1			
Любящая		1			
Разная	1				
Невероятная	1				
Интересная	1				
Привлекательная	1				
Хитрая	1				
Умная	1				
Коварная	1				
Живая	1				
Простая	1				

Отметим, что при ответе на вопрос *Женщина – какая она?* русские и китайские информанты дали более разнообразные реакции. Все участники эксперимента – и китайцы, и русские – называют признак *красивая*. Однако этот признак в большей степени важен для автостереотипа женщин, чем для гетеростереотипа мужчин.

Для русских юношей и девушек общими ответами являются: *заботливая* (3 и 2 у юношей и девушек соответственно), *женственная* (1 и 1), *милая* (1 и 1); для китайских юношей и девушек – *добрая* (1 и 2), *добродетельная* (3 и 3), *великая* (1 и 1), *чуткая* (1 и 1), *изящная* (1 и 1), *сильная* (1 и 1), *нежная* (5 и 1), *любящая* (1 и 1). Эти ответы отражают разные признаки гендерного стереотипа *женщина* у русских и китайцев. Русские считают, что самой главной чертой женщины является *заботливость* (3 и 2), а китайцы – *доброта* (4), *добродетельность* (5) и *нежность* (5 и 1).

Рассмотрим отличительные черты гендерного гетеростереотипа и автостереотипа. Русские женщины, в отличие от русских мужчин, отметили еще два важных женских качества: *добрая* (4 ответа) и *сильная* (4 ответа). В их ответах единичные реакции занимают 38,7 % от общего количества ответов, среди них: *нежная*, *терпеливая*, *очаровательная*, *сексуальная*, *плодовитая*, *слабая*, *грациозная*, *обольстительная*, *элегантная*, *любящая*. В своих ответах русские женщины называют только положительные черты. Единичные реакции русских мужчин составляют 52,4 %, таковыми являются: *разная*, *женственная*, *невероятная*, *интересная*, *привлекательная*, *хитрая*, *умная*, *милая*, *коварная*, *живая*, *простая*. В единичных реакциях мужчин отмечаются как положительные, так и отрицательные черты женщин.

У китайских информантов картина гендерного стереотипа *женщина* более компактна. Китайские юноши выделяют в качестве наиболее важной женской черты – *нежная* (5 раз), а девушки назвали это качество только один раз. Единич-

ные реакции у китайских юношей занимают 38 %, а у девушек – 29 % от общего количества реакций. По одному разу в обеих группах отмечены такие качества женщин, как *великая*, *чуткая*, *сильная*, *изящная*, *любящая*. Только для гетеростереотипа мужчин характерны качества *симпатичная*, *мягкая*, а для автостереотипа женщин – *интересная*, *трудолюбивая*, *разная*.

По результатам анализа частотных реакций табл. 2 можно сделать следующие выводы. Во-первых, и в русском, и в китайском языковом сознании на первый план выдвигается внешний образ женщины – *красивая*. Во-вторых, кроме красоты, для русских важными оказались признаки: *заботливая* (5 раз), *добрая* (4 раза) и *сильная* (4 раза), при этом русские мужчины акцентируют свое внимание на качестве *заботливая* (3 раза), а женщины – на качествах *добрая* (4 раза) и *сильная* (4 раза). Для китайцев, кроме женской красоты, значимыми оказались признаки: *нежная* (6 раз), *добродетельная* (6 раз), *добрая* (3 раза).

Анализ единичных реакций табл. 2 показал, что ответ *Женщина – разная* является общим и для русских, и для китайцев. Другие реакции, называющие положительные характеристики: *великая*, *чуткая*, *сильная*, *симпатичная*, *мягкая*, *изящная*, *любящая*, *интересная*, *трудолюбивая*, – являются общими только для китайских юношей и девушек. У русских юношей стереотип *женщина* включает в себя и положительную (*умная*, *привлекательная*, *интересная*, *живая*), и отрицательную (*хитрая*, *коварная*), и нейтральную оценку (*простая*, *разная*). У русских девушек реакции связаны как с внутренними (*сильная*, *слабая*, *любящая*, *терпеливая*), так и с внешними характеристиками женщины (*очаровательная*, *элегантная*, *обольстительная*, *сексуальная*).

На основе ответов, полученных на два разных вопроса: *Женщина – это кто?* и *Женщина – какая она?* – мы составили таблицу параметров корпуса ответов-реакций (см. табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Параметры корпуса реакций, полученных в результате двух экспериментов
Parameters of the corpus of responses in two experiments

Параметры выборки	Информанты					
	Русские			Китайцы		
	М	Ж	Всего	М	Ж	Всего
Количество информантов	21	31	52	21	31	52
Объем выборки	42	62	104	42	62	104
Объем словника	26	28	47	19	21	27
Плотность словника	1,6	2,2	2,2	2,2	3,0	3,9
Объем корпуса частотных слов	3	6	10	6	5	15
Объем корпуса единичных слов	23	22	37	13	16	9

В таблице приведены параметры выборки: объем выборки – количество реакций, полученных на вопросы-стимулы; объем словника – количество разных реакций; плотность словника – соотношение объема выборки к объему словника (плотность – показатель стандартности, типичности реакций, чем выше плотность словника, тем выше стандартность реакций) [Агibalов 1995]; объем корпуса частотных слов показывает количество слов, встреченных в реакциях больше одного раза; объем корпуса единичных слов показывает количество реакций, встреченных один раз [Васнева 2012].

Как видим, все информанты дали по одному ответу на одно слово-стимул, поэтому в каждой этнической группе было получено по 104 реакции.

Рассмотрим параметры корпуса реакций русской группы информантов. В ней получены 47 разных лексем, в том числе объем корпуса частотных слов составил 10, а единичных – 37. Плотность словника в целом по группе русских информантов – 2,2.

Русские юноши (21 чел.) дали 26 разных лексем. Из них только 3 лексемы встречены в реакциях больше одного раза, остальные 23 лексемы появились только по одному разу. Плотность словника у русских юношей составила 1,6. Русские девушки (31 чел.) дали 28 разных лексем. Из них 6 лексем появились больше одного раза, а 22 лексемы встречены только по одному разу. Плотность словника у русских девушек составила 2,2. Как видим, явной разницы между объемами подкорпусов ответов русских юношей и девушек не отмечается. Однако следует указать, что у мужчин объем корпуса частотных слов в 2 раза меньше, чем у женщин, и плотность словника значительно ниже, чем у девушек. Это можно трактовать следующим образом: русские юноши гораздо менее согласованы в своих представлениях о женщине, чем девушки, т.е. гетеростереотип в данном случае менее «стереотипен», чем автостереотип.

По сравнению с русской группой в китайской почти в два раза меньше объем словника: в русской группе объем словника составил 47, а китайской – 27. Корпус частотных слов в китайской группе больше, чем в русской (в русской группе – 10, а в китайской группе – 15). Явная разница замечена в объеме единичных реакций: в русской группе получено 37 лексем, которые встретились только один раз, а в китайской группе – только 9 лексем. Плотность словника в целом равна 3,9. Следовательно, в китайской группе стереотип *женщина* в большей степени типичен и компактен, чем в русской группе, т.е. в китайском языковом сознании данный стерео-

тип более устойчив, имеет более определенные черты.

В реакциях китайских юношей 6 лексем встретились больше одного раза и 13 лексем появились только один раз. У девушек объем корпуса частотных слов и объем корпуса единичных слов соответствует 5 и 16 лексемам. Это указывает на то, что у китайских юношей и девушек нет большой разницы в представлении стереотипа *женщина*. В то же время плотность словника у китайских юношей составила 2,2, у девушек – 3,0, что соответствует тенденции, отмеченной на русских информантах: гетеростереотип имеет более расплывчатые границы, чем автостереотип.

Итак, результаты двух экспериментов позволили прийти к следующим выводам:

1. В языковом сознании русских слово-стимул *женщина* прежде всего ассоциируется с понятием *человек*, а в языковом сознании китайских студентов подчеркивается ее социальная роль – роль *матери*. Кроме того, ответы русских студентов более разнообразны, среди них встречаются положительные и даже отрицательные представления о женщине; большинство китайских информантов связывает стереотип *женщина* с ее ролью в семье.

2. В ответах на вопрос *Женщина – какая она?* больше всего внимания уделяется красоте женщин, несмотря на различия пола и национальности информантов. Кроме качеств внешности, информанты разного пола и разной национальности обращают внимание на разные аспекты: для русских юношей важным является качество *заботливая*, а для русских девушек – *добрая* и *сильная*; для китайских юношей – *нежная*, а для китайских девушек – *добродетельная*. К тому же как китайские юноши, так и китайские девушки подчеркивают положительные и внутренние характеристики женщины. Русские юноши дали и положительные, и отрицательные, и нейтральные оценки женщине; русские девушки обратили внимание и на внутренние, и на внешние характеристики женщины.

3. У китайских студентов объем словника, фиксирующий стереотип *женщина*, получился в два раза меньше, чем у русских. Плотность словника китайской группы тоже выше в два раза, чем у русских. Таким образом, мы считаем, что гендерный стереотип *женщина* в большей степени типичен и компактен, чем в русской группе.

Список литературы

Агibalов А. К. Вероятностная организация внутреннего лексикона человека: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995. 18 с.

Васнева О. И. Гендерные стереотипы в языковом сознании русских и татар // Проблемы социо- и психолингвистики. 2012. Вып. 16. С. 144–154.

Гаранович М. В. Вариативность гендерных стереотипов в зависимости от социальных параметров говорящих: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2011. 272 с.

Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1999. 155 с.

Кирилина А. В., Томская М. В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2. С. 112–132.

Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчунова; под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М.: Общественное мнение, 2004. 384 с.

Ло Хун Стереотип и межполовая коммуникация // Вестник Юньнаньского педагогического университета. 2005. № 3. С. 60–63. 骆洪. 定型现象与跨性别交际 // 云南师范大学学报. 2008(3). P. 60–63. (Luo Hong. Ding xing xian xiang yu kua xing bie jiao ji // Yun nan shi fan da xue xue bao. 2008(3). P. 60–63.)

Моргун В. Ф., Ткачева Н. Ю. Проблема периодизации развития личности в онтогенезе: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-га, 1981. 82 с.

Пермякова О. В., Гаранович М. В. Гендерная стилистика / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. 159 с.

Фан Цзепин О содержании и функции «стереотипов» в межкультурной коммуникации // Иностранные языки и обучение иностранным языкам. 2003 № 10. С. 27–30. 范捷平. 论 Stereotype 的意蕴及在跨文化交际中的功能 // 外语与外语教学. 2003 (10). P. 27–30. (Fan Jieping. Lun Stereotype de yi yun ji zai kua wen hua jiao ji zhong de gong neng // Wai yu yu wai yu jiao xue. 2003 (10). P. 27–30.)

Янь Хуэй, Ли Сяохуа О гендерных стереотипах в коммуникации // Вестник Яньнаньского университета (гуманитарные науки). 2008 (3). С. 108–111. 延辉, 李小华. 略论交际中的性别定型 // 延安大学学报. 2008 (3). P. 108–111. (Yan hui, Li Xiaohua. Lue lun jiao ji zhong de xing bie ding xing // Yan an da xue xue bao. 2008(3). P. 108–111.)

Bromley D. B. The Psychology of Human Ageing. England: Penguin Books, 1966. 366 p.

References

Agibalov A. K. Veroyatnostnaya organizatsiya vnutrennego leksikona cheloveka. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Probabilistic organization of the

internal lexicon. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 1995. 18 p. (In Russ.)

Vasneva O. I. Gendernye stereotipy v yazykovom soznanii russkikh i tatar [Gender stereotypes in the linguistic consciousness of Russian and Tatars]. Problemy sotsio- i psikholingvistiki. [Problems of socio- and psycholinguistics]. Perm, 2012, issue 16, pp. 144–154. (In Russ.)

Garanovich M. V. Variativnost' gendernykh stereotipov v zavisimosti ot sotsial'nykh parametrov govoryashchikh. Diss. kand. filol. nauk [The variability of gender stereotypes depending on the social features of the speakers. Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2011. 272 p. (In Russ.)

Kirilina A. V. Gender: lingvisticheskie aspekty [Gender: the linguistic aspects]. Moscow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ., 1999. 155 p. (In Russ.)

Kirilina A. V., Tomskaya M. V. Lingvisticheskie gendernye issledovaniya [Linguistic gender studies]. Otechestvennye zapiski [Notes of the Fatherland], 2005. issue 2, pp. 112–132. (In Russ.)

Lippmann U. Obshchestvennoe mnenie [Public Opinion]. Transl. by T. V. Barchunova. Ed. by K. A. Levinson, K. V. Petrenko. Moscow, Obshchestvennoe mnenie Publ., 2004. 384 p. (In Russ.)

Luo Hong. Stereotip i mezhpоловая kommunikatsiya [Stereotype and Transgender Communication]. Vestnik Yun'nan'skogo pedagogicheskogo universiteta [Journal of Yunnan Normal University], 2005, issue 3, pp. 60–63. (In Chinese.)

Morgun V. F., Tkacheva N. Yu. Problema periodizatsii razvitiya lichnosti v ontogeneze: ucheb. posobie [The Problem of periodization of the personality development in ontogenesis]. Moscow, Moscow University Press, 1981. 82 p. (In Russ.)

Permyakova O. V., Garanovich M. V. Gendernaya stilistika [Gender stylistics]. Perm, Perm State University Press, 2009. 159 p. (In Russ.)

Fan Jieping. O soderzhanii i funktsii «stereotipov» v mezhekul'turnoy kommunikatsii [On Implications of “Stereotype” and its Functions in Cross Cultural Communication]. Inostrannye yazyki i obuchenie inostrannym yazykam [Foreign Languages and Their Teaching], 2003, issue 10, pp. 27–30. (In Chinese.)

Yan Hui, Li Xiaohua O gendernykh stereotipakh v kommunikatsii [A Brief Analysis of Sex Stereotypes in Communication]. Vestnik Yun'nan'skogo universiteta (gumanitarnye nauki) [Journal of Yanan University (Social Science Edition)], 2008, issue 3, pp. 108–111. (In Chinese.)

Bromley D. B. The Psychology of Human Ageing. England, Penguin Books, 1966. 366 p. (In Eng.)

**STEREOTYPE *WOMAN* IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS
OF RUSSIAN AND CHINESE STUDENTS
(Based on a Pilot Experiment)**

Wang Min

Postgraduate Student in the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. wmrussia@163.com

Associate Professor in the Department of Russian Language

Shandong Women's University

Jinan, Shandong province, 250100, China

SPIN-code: 3165-4566

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5749-5927>

ResearcherID: Q-3940-2016

Tan Ying

Postgraduate Student in the Department of Theoretical and Applied Linguistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. masha.tan23@mail.ru

SPIN-code: 6957-7028

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0880-2185>

ResearcherID: C-4654-2017v

This article considers the stereotype *woman* in the linguistic consciousness of Russian and Chinese students. Language is considered to be not only an instrument of cognition, a source of information about a person and society, but also a means of fixing a particular notion of the reality. This makes it possible to explore social stereotypes stored in consciousness, which are characterized by a certain set of reactions connected with the linguistic form. Gender stereotypes are a kind of the social stereotype and closely related to the social role of men and women. Constant ideas of the images and behavior of different sexes are formed and stored in ordinary consciousness of people. These notions express both objective differences between men and women and subjective attitudes to men and women, different expectations and demands from them. These expected standards of masculinity and femininity manifest themselves in gender stereotypes. Different cultures and different ethnic groups create different ideas about a man and a woman, which exist in a person's mind in the form of gender stereotypes. In this article, the authors deal only with the stereotype *woman*, applying the method of linguistic experiments; the gender stereotype *woman* (auto-stereotype and hetero-stereotype) is studied in the linguistic consciousness of representatives of different ethnic groups. Based on the experiment results, preliminary conclusions about the gender stereotype *woman* are drawn. There are some differences and similarities of this stereotype among the Chinese and Russian youth. On the whole, the stereotype *woman* in the Chinese group is more typical and coherent than in the Russian group.

Key words: gender; stereotype; consciousness; Russians; Chinese.

УДК 81.373 + 81'282
doi 10.17072/2037-6681-2017-2-13-23

НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРИЛИЧНО / НЕПРИЛИЧНО ОДЕТОМ ЧЕЛОВЕКЕ В ПЕРМСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ

Юлия Владимировна Зверева

к. филол. н., доцент кафедры гуманитарного образования в начальной школе

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. zvereva_yuliya_2013@mail.ru

SPIN-код: 9483-8453

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0129-2565>

ResearcherID: D-9469-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Зверева Ю. В. Народные представления о прилично / неприлично одетом человеке в пермской диалектной лексике // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 2. С. 13–23. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-13-23

Please cite this article in English as:

Zvereva Yu. V. Narodnye predstavleniya o prilichno / neprilichno odetom cheloveke v permskoy dialektnoy leksike [Traditional Notions of a Decently / Indecently Dressed Person in the Perm Dialect Vocabulary]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 2, pp. 13–23. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-13-23 (In Russ.)

В статье рассматриваются диалектные языковые единицы тематической группы «Одежда», а также наименования человека, характеризующие особенности внешнего облика. Эти единицы позволяют выявить представления носителей пермских говоров о том, что является допустимым и недопустимым во внешнем виде. В системе представлений противопоставляется одежда старая и новая, чрезмерно широкая и сшитая по фигуре, грязная и чистая, традиционная и современная. В говорах отмечено большое количество единиц, называющих старую, изношенную одежду. Часто они имеют негативную окраску, что связано с незначительной ценностью такой одежды для крестьянина. Наименования человека, образованные от названий старой одежды, всегда обладают отрицательной коннотацией. Возможно, это объясняется тем, что носители диалекта считают человека в подобной одежде неопрятным и (или) ведущим асоциальный образ жизни. Негативно воспринимается также слишком просторная, широкая одежда. Такое отношение вызвано не только эстетическими, но и утилитарными причинами: в мешковатой одежде неудобно заниматься хозяйственной деятельностью. От наименований мешковатой одежды образуются также семантические дериваты со сниженной характеристикой человека. Отрицательно оценивается и слишком короткая, обтягивающая одежда, которая постепенно входит в обиход во второй половине XX в. Пожилые жители деревни считали такую одежду не только неприличной, но и неудобной.

Ключевые слова: пермские говоры; тематическая группа; наименования одежды; наименования человека; оценочная лексика.

В данной статье анализируются представления сельских жителей о приличном (одобряемом) / неприличном (неодобряемом) во внешнем облике, в одежде. Одежда во многом определяет внешний вид человека, является маркером его социального статуса, а также характеризует привычки и некоторые внутренние качества личности. Лексика, связанная с традиционной одеж-

дой, изучается с точки зрения мотивации [Вановская 2003; Гапонова 2008; Крылова 2001], происхождения [Судаков 2010], системных отношений [Калинина 2007], территориального распространения [Осипова 2002], культурной значимости [Левкиевская 2011; Осипова 1999; Тихомирова 2013а, 2013б], особенностей лексикографирования [Крылова 2010]. Диалектные названия одеж-

ды на материале пермских памятников письменности и говоров рассматривались в работах Е.Н. Поляковой [Полякова 2006], Ю.В. Зверевой [Зверева 2009].

В пермских говорах фиксируется большое количество диалектных лексем и фразеологических сочетаний, характеризующих человека с точки зрения его облика и манеры одеваться. Часто оценка внешнего вида человека связана с характеристикой его внутренних качеств и социального статуса. Анализ подобных антропонимантов также позволяет выявить представления сельских жителей о допустимом внешнем облике.

Настоящее исследование основано на данных картотеки «Словаря русских говоров севера Пермского края», материалах «Словаря русских говоров Коми-Пермяцкого округа», «Словаря пермских говоров», «Словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области», «Словаря русских говоров Южного Прикамья». Картотеки вышеперечисленных словарей начали собираться в 50-х гг. XX в., сбор диалектных материалов продолжается до сих пор, в основном рассматриваемые языковые единицы были зафиксированы во второй половине XX в.

Часто для наименования одного предмета одежды в пермских говорах используются различные слова, среди них преобладает нейтральная лексика, лишённая оценочности. Однако некоторые языковые единицы, относящиеся к тематической группе «Одежда», могут выражать отношение носителей диалекта к ней. Оценку получают и люди, имеющие какие-либо особенности в облике. Большую часть оценочных языковых единиц, называющих виды одежды, а также характеризующих внешний вид человека, вполне ожидаемо составляют пейоративы. Человеку свойственно обращать внимание на то, что отличает другого, одобряемый внешний облик воспринимается как норма. Таким образом, представления сельских жителей об одобряемом облике и одежде можно воссоздать, если отталкиваться от того, что во внешнем виде не принимают диалектоносители.

Тематическая группа «Одежда» неоднородна с точки зрения экспрессивной окраски, чаще всего негативная оценка появляется у языковых единиц, называющих пришедшую в негодность, изношенную одежду. Н. В. Злыднева отмечает, что «в традиционной культуре ценность имеет добротная одежда» [Злыднева 2011: 548], закономерно, что старая одежда не обладает такой значимостью. В некоторых случаях оценочность языковых единиц выражается с помощью суффиксов: -ин(а) (*барахлина*), -овин(а) (*хламовина*), -ёшка(а,о) (*латанёшка*, *хламёшко*), однако чаще всего они отсутствуют или же слово включает

суффикс собирательности -j- (*лоскутьё*, *ремезьё*, *тряпьё*).

Отчасти пренебрежительное отношение к старой одежде выражается в том, что большое число единиц образовано от слов, обозначающих 'отрезок, кусок чего-либо'. Так, прозрачную внутреннюю форму имеют слова *ло'скуть*, *лоскутьё* (*Сказали этому мужику: «Собирай свой лоскуть и отправляйся домой»* (Козьмодемьянское Караг.); *Худое лоскутьё – тряпьё называют – на хлеб меняли тогда* (Каргино Ильинск.) [СПГ 1: 490]); *трепло'*, *тряпьё* (*Было бы чё у неё, дак не носила бы экое тепло. У неё нечем перемениться, всё приносила* (Купчик Черд.) [КСРГСПК]; *У нас у старика вон сколько обносков, тряпья* (Акчим Краснов.) [АС 6: 44]). В некоторых случаях требуется найти однокоренные слова или обратиться к этимологии слова. Например, лексема *латанёшка* (*Латанёшка на нас, хлам-от; на нас чё, латанёшка, а у вас пальта* (Володино Сол.) [СПГ 1: 465]) является однокоренной к словам *лата* 'заплата' [СРНГ 16: 286], *латань* 'старая изношенная, залатанная одежда' [там же]. В русских говорах фиксируется слово *ле'пень* 'обрезок, лоскут, кусочек' [там же: 360], которое в пермских говорах приобретает значение 'старая одежда' (*Да сними ты этот лепень!* (Оса Ос.) [СПГ 1: 472]). Слово *обмотья* (*А старьё – старая одежда, называлось ремки, обмотья, отретья* (Ныроб Черд.) [КСРГСПК]) связано с *обмотки* – 'портянки', 'тряпки, которыми обматывают ноги вместо обуви' [СРНГ 22: 135]. В пермских говорах фиксируется также слово *клепо'* (*Чё ныне жизнь-то супротив нашей! А я ишь како клепо за весь век износила... Эки-те гуни худы-те и звали клепо* (В. Мошево Сол.) [СПГ 1: 393]), которое связано с литературным *кляп* 'кусочек дерева или тряпки, насильно всовываемый в рот животному или человеку, чтобы не дать ему возможности кусаться или кричать' [БАС 8: 151]. В диалекты и литературный язык лексема попала из праславянского языка, в котором *кльць(ьй) имел значение «гнутой, кривой, скомканный (о колышке дверной петли)» [Шапошников 1: 404]. В диалектах слово является многозначным, в пермских говорах на базе семы 'кусочек тряпки' развивается значение 'пришедшая в негодность одежда'.

Большое число слов со значением 'старая одежда' включают корень *рям-(рем-): ремезьё* (*Ремезьё – худа-то лопоть* (Рожнево Черд.) [КСРГСПК]); *ремезьё* (*У нас все снаряжённы, одетьё. Это уж кака пьаница – придёт, ремезём тресёт!* (Акчим Краснов.). *Ты вот в хорошем ходишь пальте, а я в ремезьё! Шалолошка только на мне...* (Акчим Краснов.) [АС 5: 28]); *ремзы'* (*Я приду мокрая, она меня разболкала.*

Ремзы мои сушит (Редикор Черд.). *А старьё* [старая одежда] называлось *ремки, обмотья, отрёпья* (Ныроб Черд.) [КСРГСПК]; *ремки'* (*Ремки – одёжа старая* (Редикор Черд.) [КСРГСПК]); *реми'за* (*Поеду на зиму-то к дочери в Боровск. Дом заколачивать не буду. Добра не много, ремиза только* (Толстик Сол.) [СПГ 1: 288]); *ремо'жное* (*Надька-то все времечко в реможном ходит, вся одёжа в заплатках* (Опалихино Сукс.) [СРГЮП 3: 36]); *ремошо'лья* (*Всё пропиват, одне ремошолья носит* (Вильгорт Черд.) [КСРГСПК]); *рему'га* (*Шуликины – парень наденет бабье, девка штаны опять. Маски делали чё-нибудь из ремуги наденут, плат завяжутся, ходят* (Сёйва Гайн.) [СРГКПО: 210]); *рехмо'тьё* (*Худое рехмотьё, кто его возьмёт?* (Мосяно Ильинск.) [СПГ 2: 290]); *рехму'тка* (*Раньше ведь как, маломальскую рехмутку купишь, в том и ходишь* (Сарс Окт.) [там же]); *рямошо'лки* (*Рямошолки. А то же это, что шолошолки* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК]); *ряму'ха* (*Дак они же не за знамя рямухи-то утаишьыли – думали, чё-то путное* (Дуброво Ел.) [СРГЮП 3: 60]); *ряму'шка, ряму'шки* (*Ремушка – вот совсем поношенная одежда, вот и ремушка* (Черд.). *Ремушки – бросовые тряпки и изорванная одежда* (Покча Черд.) [КСРГСПК]); *рямьё* (*Сними ты это рямьё* (Брёхово Сукс.) [СПГ 2: 312]). Появление чередования с х в корне, возможно, связано с метатезой: *рему'ха, ремо'ха* → *рахмо'тье, рехму'тка, рехмо'шки*. В этимологических словарях лексемы с этим корнем связываются со словом *ремень* [Фасмер 3: 469; Черных 2: 110]. Однако происхождение общеславянского корня *rem- неясно. В качестве одного из предположений П. Я. Черных приводит следующую версию: лексема может быть заимствована из древневерхненемецкого языка, в котором *rioto* – «лента», «пояс», «ремень» [там же]. В этимологическом словаре А. К. Шапошникова происхождение слова объясняется через связь с основой *йармо (с расширителем основы -м-), восходящей к индоевропейскому корню *ag 'связывать' [Шапошников 2: 277].

Наименования пришедшей в негодность одежды могут быть образованы от слов со значением 'отходы, отбросы, что-либо ненужное'. Например, сочетание *требухе'нь-брюхе'нь* (*А чё у нас там одёжа – требухень-брюхень. Нече было носить* (Ермия Чернуш.) [СРГЮП 3: 243]) связано со словом *требуха* 'внутренности (кишки, желудок) убитого животного' [Ожегов, Шведова: 809]. По сравнению с мясом животного, *требуха* может осмысляться носителями диалекта как отходы, кроме того, ее внешний вид непривлекателен.

Слова, обозначающие старую одежду, могут возникнуть в результате метафорического пере-

носа с названий волос. Так, лексемы *кочубьё* (*Раньше носить нечего было, кочубьё накинешь да и бежать* (Н. Бычино Краснов.) [СПГ 1: 430]) и *хохо'лье* (*Дак какой трепьё, хохолё* (Акчим Краснов.) [АС 6: 133]) образованы от слов со значением 'клок, пучок волос'. В пермских говорах фиксируются лексемы *кочи* 'волосы' [СПГ 1: 430], *кочка* 'вихор волос' [КСРГСПК], *хо'хол* 'клок волос' [КСРГСПК], *хохлатушки* 'длинные волосы' [СПГ 2: 510]. Лексемы *кочка* и *хохол* приобретают значение 'клок, обрывок, кусок чего-либо', в которое уже не входит сема 'волосы' (например, *Я сена ни хохла не привезла нынче* [там же]). От лексем с этим, более широким значением, с помощью суффикса -j- образуются собирательные существительные, обозначающие поношенную одежду.

В пермских говорах для обозначения изношенной одежды используется также слово *ши'шки*, кроме того, зафиксировано сочетание *ши'шки-мары'шки* (*У меня шишки-марышки тут, вы уж не смейтесь* (Нилиги Ильинск.) [СПГ 2: 555]) и фразеологизм *только ши'шки воют* 'о старой, изношенной одежде'. Скорее всего, у лексемы *шишка* в диалектном значении 'вид прически, волосы, собранные на затылке в волосы' [АС 6: 232] развивается новое – 'непричесанные волосы'. Это подтверждается существованием в пермских говорах лексемы *шишко* 'растрепанные, поднятые кверху волосы' (*Подняла кверху. Ишь, какой шишко. Ну все волосы вверху стоят. У, какой шишко стоит* (Черд.) [КСРГСПК]). Далее в говорах происходит следующая трансформация семантики слова *шишки*: 'растрепанные волосы' → 'лохмотья' → 'старая, поношенная одежда. Растрепанные, поднятые дыбом волосы также являются маркером отступления от нормы, недаром во многих русских говорах существуют наименования *шиши* и *шишига* для обозначения черта [Березович: 472]. Таким образом, в наименованиях ветхой, изорванной одежды, образованных от слов со значением 'волосы', тоже выражается отрицательное отношение к подобной одежде, поскольку пересечение с семантикой 'нечистая сила' всегда ведет к появлению негативной коннотации.

Для усиления экспрессии в говорах в некоторых случаях при назывании старой одежды используются повторы в виде рифмующегося сочетания слов. Кроме сочетаний *требухе'нь-брюхе'нь, ши'шки-мары'шки*, в говорах фиксируется еще одно подобное – *шоро'м-боро'м* 'старье, тряпье' (*Откроешь ящик, а там всякой шором-бором, всё чё-нибудь разно, не укладено, не уверчено* (Вильва Сол.) [СПГ 2: 559]). В некоторых случаях на основе повтора формируется фразеологизм, в его состав входит слово, обозна-

чающее 'кусоч, отрезок', и предлог на-: **рубѣ'ц на рубѣце'** (*Я – рубеч на рубче – резала юбки. Не могу драть-то* (Акчим Краснов.) [АС 5: 37]); **рямо'к на ряжке'** (*Ты на чѣ ещё эту кофту надеваешь; ведь рямок на ряжке висит* (Ненастье Окт.) [СПГ 2: 312]). Во фразеологизме **рубѣ'ц да запла'та** (*А не путна стирка-то у меня: каки-то шолошолки, рубеч да запла'та да* (Акчим Краснов.) [АС 5: 37]) повторяются слова, близкие по значению. Слово **рубѣц** в пермских говорах имеет значения 'сильно изношенная одежда' (*Рубѣцы, обноски выбрасываете. Которы годны, на тряпкѣ дерѣм* (Акчим Краснов.) [АС 5: 37]) и 'плохо, грубо сшитая одежда' (*Какой рубѣц сошьют, такой и носишь* (Акчим Краснов.) [там же]). В литературном языке представлены однокоренные слова к лексеме рубѣц: *рубаха* и *рубище*. Исследователи отмечают, что все эти лексемы восходят к праславянскому корню *rǫbъ, *rǫba 'отрез полотна, кусок ткани' [Шапошников 2: 287].

В пермских говорах отмечаются и другие фразеологизмы, обозначающие старую, пришедшую в негодность одежду: **мару'сины трофе'и** (*Марусины трофеи каки-то! Шолошолочки* (Акчим Краснов.) [АС 6: 43]); **на веретне'** (**на веретѣшко) стрясти'** (*Курточка-то – на веретне стрясти. Чѣй-но рехмотья одне, дак вот и говорят: на веретне стрясти* (Трушники Чернуш.) [СРГЮП 3: 194]. *Экой-то моды не было, чтобы ребёнку новый матерьял на пелѣнки брать, собирают чѣ на веретѣшко стрясти, лопотину разную, старенькоѣ, выстирают на пелѣнки* (Пыскор Ус.) [ФСПГ: 364]), **только ши'шки во'ют** (*Полы, куфайка-та – только шишки воют; надо новую брать, да нету* (Мусонкино Караг.) [СПГ 2: 555]). В первом фразеологизме иронически переосмыслиется слово *трофеи* 'имущество, боеприпасы, техника, захваченные у противника' [Ожегов, Шведова: 813], притяжательное прилагательное *марусины*, образованное от неполного имени Маруся, также вносит шуточный оттенок. И. А. Подюков так объясняет возникновение фразеологизма **на веретне стрясти**: «Смысл фразеологического образа заключается в уподоблении ветхой одежды куделе, поскольку диалектное выражение *веретеном трясти* устойчиво использовалось как обозначение процесса прядения» [Подюков 2012: 10]. Уподобление ветхой одежды куделе (куделя – 'волокно льна, обработанное для приготовления пряжи') связано с тем, что хотя куделя – полезная вещь, однако внешне выглядит неприглядно. Т. В. Матвеева, характеризуя дериваты от этого слова, отмечает: «Кудель – это всегда нечто бесформенное, неаккуратное, некрасивое» [Матвеева 1981: 147].

В отношении поношенной одежды носители диалекта часто используют лексику, имеющую

пренебрежительную или шутовую окраску. Если подобную одежду надевает человек, то для его характеристики обычно используются единицы с отрицательной коннотацией: **барахо'льщик, барахо'льщица** (*Барахо'льщик – это парень в худом ходит, его пускать не надо, а девка, так та барахо'льщица* (Редикор Черд.) [СРГСПК 1: 60]); **лоску'тник** (*А я сказать-то ничего не могу, за мной гонятся каки-то лоскутники, да каки-то беглые, таящиеся* (Толстик Сол.) [СПГ 1: 490]); **лохмо'тник, лохмо'тница** (*Вон идёт какой лохмотник, лохмотница* (Покча Черд.); *Лохмотники всё старьё наденут* (Покча Черд.) [КСРГ-СПК]); **отере'бок** 'что-либо изорванное, тряпка' → **отеребок** (*Отеребок – кто плохо одетый человек* (Воскресенское Уинск.) [СРГЮП 2: 256]); **ремезе'нник** (*Ремушник, чѣ-то оборвѣтся, как ремезенник ходит* (Велгур Краснов.) [КСРГ-СПК]); **ремеше'льник и ремешо'льница** (*Ремешельник, когда плохо одет. Ох, ты ремешельник, в плохой одежде который* (Кикус Черд.); *Ремешольницы каки-то, ничѣ у них нет, она уехала, дак они всю лопоть еѣ носили* (Редикор Черд.) [КСРГСПК]); **шалашо'лка** 'старая, рваная одежда' → **шалашо'льник и шалашо'льница** (*Человека в худой одежде называют шолошольник* (Акчим Краснов.); *Человек такой – шолошольник, женьшына – шолошольница* (Акчим Краснов.) [АС 6: 216]); **шишкотря'с** (*Дак ты чѣ, шишкотряс ли чѣ? Будто ничего получше не нашла надеть!* (Нердва Караг.) [СПГ 2: 555]). Слова со значением 'плохо одетый человек' могут также обозначать бедного человека: **ряму'шник** (*А чѣ у нашего брата, рямушника, возьмѣшь... бедно жили* (Тетерина Сол.); **ряму'шница** (*Наряжались мы уж больно плохо, ничѣ у нас не было – нас, бедных, рямушницами звали* (В. Мошево Сол.) [СПГ 2: 312]).

Учитывая то, что деревенские жители редко жили зажиточно и обычно не выбрасывали даже обрывки одежды, возникает вопрос о том, чем вызвано такое негативное отношение к людям, одетым в ветхую одежду. Возможно, это связано с тем, что постоянное ношение старой одежды, по мнению носителей диалекта, свидетельствует о крайней скупости человека, а также о его неопрятности. Часто у лексем со значением 'плохо одетый (человек)' возникает добавочное значение 'неопрятный, неаккуратный (человек)', как, например, у слова **шалашо'льный**: *Лѣнька, чѣ он хороший? Неумытой. Шалашо'льный* (Акчим Краснов.) [КАС]. Кроме того, в некоторых случаях диалектоносители считали отсутствие хорошей одежды у человека следствием того, что он плохо работает или же не может купить одежду, потому что чрезмерно употребляет спиртное: *А плохо работат, дак и трясѣт шолошолочками,*

как нищий живёт: ни пожить, ни поесть! (Акчим Краснов.); *Пирует. На себе-то путной-то нет шолошолки! Пьяница!* (Акчим Краснов.) [АС 6: 215]. Интересно, что у антропонимантов, образованных от наименований старой одежды и слов со значением ‘тряпка’, может появляться значение ‘распутный человек’: *шалашо'лка* ‘о распутной женщине’ (*Шалашолка – гуляющая девка, она вся истаскалась, про мужчину – скандалист, хулиган* (Покча Черд.) [КСРГСПК]); *имо'тень* (*имо'тник*) ‘об опустившемся, деградировавшем человеке’ (*Приехал из Москвы и живёт здесь. Стал имотень, пьяница* (Акчим Краснов.) [АС 6: 236]); *шалашо'льник* ‘распутник’ (*Мушшывна разгул ... шолошольник, он имеет несколько жён, разгуливает* (Покча Черд.) [КСРГСПК]). Пришедшая в негодность одежда воспринимается как маркер опустившегося человека, его асоциального поведения. В результате этого группа слов со значением ‘пришедшая в негодность одежда, лохмотья’ служит донором для единиц, обозначающих бедных, неимущих, неопрятных, а также опустившихся, ведущих распутный образ жизни людей.

Неодобрение вызывает не только ветхая, изношенная одежда, но и неаккуратно сшитая, не по фигуре одежда. Неодобрительную окраску имеют языковые единицы *балахня'* (*балахо'ня*) ‘о непомерно широкой и длинной одежде’ (*Надел каку-то балахню* (Акчим Краснов.); *Балахоня – кака-нибудь шкурка, лопотина. Она не по туше какая, балахоня* (Акчим Краснов.) [АС 1: 49]); *малаха'й* ‘всякая неаккуратно сшитая, а также мешковатая одежда’ (*У нас в деревне ладом-то не сошьют; сошьют как-от малахай, токо матерьял испортят* (Толстик Сол.) [СПГ 1: 502]); *Малахаем зовём верхнюю неаккуратную одежду* (Акчим Краснов.) [АС 2: 119]); *охлепёста* ‘о широком, неаккуратно сшитом платье, кофте и т. п.’ (*Мануфактуру режут на каку-то летягу* (о широком платье с клиньями). *Настоящая охлепёста!* (Акчим Краснов.) [АС 3: 151]); *поло'хало* ‘об очень широком платье’ (*Нынче вам надо какой полохало надевать – то и костюм. А ни выемки ничё нет, ни в талии, нигде* (Пянтег Черд.) [КСРГСПК]). Обращение к однокоренным словам и семантическим связям лексем *охлепёста* и *поло'хало* позволяет предположить их отрицательную окраску. Скорее всего, слово *охлепёста* связано с диалектным глаголом *охлопать* ‘отрясти, отряхнуть’ и существительным *охлопок* ‘лохмотья, изношенная одежда’ [СРНГ 25: 35] или же со словом *охлёт* ‘грязный, забрызганный или рваный подол одежды [там же 25: 38]. Первое значение лексемы *полохало* – ‘пугало в поле, на огороде’ [СРНГ 29: 128]. Обычно на пугало надевали старую, пришедшую

в негодность одежду, поэтому у лексемы возникает переносное значение – ‘широкая, некрасиво сшитая одежда, балахон’ [там же]. Возможно, негативная оценка подобной одежды связана с тем, что она воспринимается носителями как некрасивая, несуразная. Кроме того, слишком широкое, просторное одеяние было неудобно при работе.

От наименований неаккуратно сшитой одежды в результате переноса образуются наименования людей, которые небрежно, неаккуратно одеты: *балахня'* (*Кто-ко наша братия и есь балахня-та. Плохо одетый, грязный ходит да чё да, пьяный да: «О, он, говорит, балахня»* (Гашкова Черд.) [СРГСПК 1: 52]); *как балахо'ня* (*Чё, говорит, так ты оделася как балахоня? Плохо одеватся, неряха вот он* (Гашкова Черд.). *Как балахоня, говорит, ходит. Который за собой не следит ничё* (Бондюг Черд.) [СРГСПК 1: 52]); *малахай* (*Идёт малахай, по-нашему, нехорошо нарядилась* [СРГСУ 2: 112]). Отрицательное отношение к людям в неаккуратной одежде проявляется в возникновении переносных значений. Так, у слова *балахня* отмечаются значения: 1) ‘неуравновешенный, суматошный человек’ (*Балахня, бойкая она. Кинется, изломат чё-ко* (Велгур Краснов.); *Балахня-де ты, дикий человек, ничего не понимает* (Редикор Черд.); 2) ‘ленивый человек’ *А ничё, говорит, она не понимает, балахня, ничё не робит* (Гашкова Черд.); *Это лентяй. Он говорит: «Чё из его толку, чё-де он балахня»* (Бондюг Черд.) [СРГСПК 1: 52]; *Они балахня, в колхозе не робят* (Воскресенское Караг.) [СПГ 1: 19]. У лексемы *малаха'й* переносные значения фиксируются в русских говорах Среднего Урала: 1) ‘небрежно, неряшливо одетый человек’ (*Идёт малахай, по-нашему, нехорошо нарядилась* [СРГСУ 2: 112]), 2) ‘растяпа, разиня, нерасторопный человек’ (*Малахай я есть, без хлеба пришёл* [там же]). Таким образом, на основе лексем со значением ‘излишне просторная одежда’ развивается семантика ‘ленивый человек’ и ‘человек, поведение которого отличается от общепринятых норм’. Появление первого значения связано с представлением о том, что мешковатая одежда мешает хорошо работать (здесь можно вспомнить историю фразеологизма *спустя рукава*). Возникновение второго значения (‘неуравновешенный, суматошный человек’ и ‘нерасторопный человек, растяпа’) объясняется тем, что человек в мешковатой одежде воспринимался как неспособный одеться в соответствии с определенными правилами, а следовательно, сумасбродный или рассеянный. Отметим, что подобный семантический перенос в говорах довольно распространен, Л. И. Шелепова пишет: «Среди диалектных имен существительных с

характеризующе-оценочным значением лица выделяется многочисленная группа семантических дериватов от названий плохой, ветхой или неуклюжей одежды...» [Шелепова 2014: 28]. «Одежная метафора» активно используется для обозначения человека: значение 'пришедшая в негодность одежда' часто реализуется в характеристике социального положения, семантика 'излишне просторная одежда' – при обозначении личностных качеств человека (неопрятности, неуравновешенности, нерасторопности, лениности).

Особых лексем для грязной одежды в пермских говорах не отмечено, зафиксированы только два фразеологизма: *жму'лька жму'лькой* 'о мятой, неопрятной одежде' (*Одѣжа на ём дак жму'лька жму'лькой* (Трушники Чернуш.) [СРГЮП]) и *как ба'нная заты'чка* 'о крайне мятой, грязной вещи, одежде' (*Юбка-та небаская, как банна затычка; стирать бы надо* [СПГ 1: 313]). Однако в говорах существует много языковых единиц, которые характеризуют человека в грязной, неопрятной одежде, например, *бахме'тко, гала'х, грязноподо'лка, ка'ля-ма'ля, как ку'кша, как оже'говна, как пу'жсика, ку'та'фья, ма'ша-чува'ша, му'ля, обмолы'зга, орѣпа, распозни'ха, ря'па, хо'вря* и др. Неопрятность в одежде вызывает резко негативную реакцию носителей диалекта: «*Ряпа она настоящая, така неаккуратная баба, заряпистая, она сама себя не дозорит: пойдѣт к скоту в том, и стряпать будет в том, и на народ пойдѣт в том*» (Толстик Сол.) [СПГ 2: 312]. Интересно, что большинство таких лексем относится к женщинам, т. е. неопрятный вид женщины вызывал больше неприятия, чем грязная одежда мужчины. В представлении носителей диалекта внешний вид мужчины и детей во многом зависит от жены и матери: *Вот, скажете, кака баба необходимлива, ничѣ у иѣ не прибрано; и старик-от у иѣ тоже необходимливой, ведь страм* (Володино Сол.) [СПГ 1: 591]. Таким образом, грязная одежда женщины характеризовала не только особенности ее внешнего облика, но и ее хозяйственные способности. Так, фиксируемое в пермских говорах слово *обихо'дница* содержит семы 'рачительная, расторопная и чистоплотная хозяйка' и 'опрятная женщина' (*Обиходница всё хорошо ведѣт в избе. Знацит, цистоплотная, сама себя хорошо ведѣт. В цѣм она утром стряпат, переодинется и циста* (Покча Черд.) [КСРГСПК]). Наши наблюдения подтверждают и данные других русских говоров: исследователь сибирских говоров Т. А. Демешкина пишет о том, что лексемы в группе слов со значением 'опрятный/неопрятный' в большинстве случаев употребляются по отношению к женщинам, поскольку «хранительницей чистоты в восприятии

носителей диалекта является женщина» [Демешкина 1995: 64].

Названий хорошей, нарядной одежды в говорах гораздо меньше, чем изношенной, плохо скроенной, грязной. В пермских говорах эти единицы, как правило, образуются от корней ряд- (*вы'ряды, наря'д, обря'д, снаря'д, сряд, сря'ды*) и люд- (*вы'людник, вы'людное, вы'людье*). Во втором случае образование лексем мотивировано тем, что праздничные наряды обычно одевались «в люди» (*Вылюдьѣ – в гости идти. На вылюдьѣ платьѣ снарядно надеваш* (Покча Черд.); *Вылюдное – токо вот в праздник поносят и положат* (Илаб Сол.) [СРГСПК 1: 325]). Все перечисленные слова не имеют эмоциональной окраски, в некоторых случаях окраску приобретает наименование человека, который носит хорошую одежду, следит за своим внешним видом. Интересно, что только существительное *наря'дница* (*Нарядница нарядная ходит-от. Нарядница, а мушшына нарядной* (Покча Черд.) [КСРГСПК]) и несколько однокоренных прилагательных *вы'рядный, обря'дный, снаря'дный, сря'дный* 'нарядный, хорошо одетый' образованы от слов с корнем ряд-.

В пермских говорах отмечены и другие языковые единицы, называющие хорошо одетого человека, однако они образованы от слов с другими корнями. Например, для наименования человека, который заботится о своем внешнем виде, любит наряжаться, используются слова и выражения: *басѣна, баси'ха, басу'ля, басу'лька, бодрѣна, вы'тулка, как ку'кла, кра'ля бубно'вая, моди'стка, мо'дная пе'нка, ня'ленка, у'бранный, форсу'нья, как чечѣтка*. Чаще всего эти языковые единицы характеризуют женщин, очень редко применяются и по отношению к мужчинам, особых единиц для именованья хорошо одетых лиц мужского пола в пермских говорах очень мало (*басо'к* 'любитель модно одеваться, щеголь'). Возможно, такая несоразмерность связана с тем, что наружность и одежда мужчины реже оценивается, чем внешний облик женщины. Обычно лексемы со значением 'хорошо одетый человек' либо лишены коннотации, либо имеют шутовскую окраску. Видимо, у носителей диалекта такой человек вызывает двойное чувство. С одной стороны, хорошая одежда воспринимается как один из признаков внешней красоты, так, корень *бас-* (присутствующий в словах *басѣна, баси'ха, басу'ля*) имеет значение 'красота'. В иллюстрации к слову *убранный* 'нарядно одетый' (*Жених хороший будет: белой, чистой, упрятный, убранный* (Акчим Краснов.) [АС 6: 66]) также выражается представление о красивом, одобряемом внешнем виде. С другой стороны, привлекательный внешний вид может

быть связан с тратой времени на прихорашивание около зеркала, что вызывает у жителей деревни отрицательное отношение. Негативно оценивается и нарядная, не соответствующая будничной обстановке, одежда: *Николаевна за коровами пойдёт и то как на сряды вырядится* (Ненастье Окт.) [СПГ 2: 391], в обычные дни крестьяне носили будничную (*вожидённую*) одежду. Кроме того, в некоторых случаях красиво одетый человек воспринимается как одетый в соответствии с городской модой, что тоже нередко оценивается негативно.

Таким образом, в пермских говорах отрицательное отношение вызывают люди, одежда и внешний облик которых не соответствуют представлению носителей диалекта о норме, резко отличаются (по опрятности, ситуации) от других. Подобные наблюдения сделаны также исследователями других русских говоров. Так, Ж. К. Гапонова отмечает, что наименования человека в ярославских говорах отражают с одной стороны, неодобрительное отношение, к людям, одетым небрежно, в рваную и неопрятную одежду, с другой стороны – порицание безвкусно и вычурно одетых людей [Гапонова 2008: 136].

На протяжении XX в. одежда претерпела ряд изменений: в крестьянский быт вошли новые предметы одежды, ее покрой сильно изменился, постепенно самодельная одежда сменилась покупной. Все эти процессы нашли отражение в лексике пермских говоров. Так, были зафиксированы слова, называющие городскую, военную одежду, одежду из современных тканей, например, *вельветка* ‘куртка, сшитая из вельвета, жемперок ‘детская кофточка фабричной вязки’, *кожанка* ‘куртка из кожи или брезента’ и др. Однако современная одежда в обиход жителей деревни входила медленнее, чем в городе, диалектные записи свидетельствуют о том, что еще в середине XX в. в деревнях носили некоторые из предметов традиционной одежды. Е. Е. Левкиевская отмечает, что на селе в советское время, особенно в довоенное, традиционный костюм, вследствие тяжелого экономического положения и отсутствия денег и промышленных товаров, оставался почти единственной повседневной одеждой [Левкиевская 2011: 141]. Естественно, что современная одежда вызывала эмоциональные суждения диалектоносителей и появление оценочно окрашенных языковых единиц.

Обычно негативно оценивалась излишне короткая или обтягивающая одежда, например: *как обмоло'ток* ‘о коротком платье’ (*Ноне платья как обмолотки носят* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК]); *обу'зда* ‘узкое, стесняющее бельё’ (*Нонче оденут обузды-то – сколь небаско, девки* (Трушники Чернуш.) [СРГЮП 2: 214]); *свистива'ль*

‘узкое современное платье’ (*Весной Нюра платье наладила, а нынче уж не полизит, как свистиваль. Узкое платье – свистиваль, как насмежку. Ну ешо которое подходя, а которое две четверти, куды уж она шагнёт. Соберёмся старые люди, дак смеёмся* (Пянтег Черд.) [КСРГСПК]); *хохотунчик* ‘короткая одежда’ (*Чё это нонче – одежда рази, носят хохотунчики* (Осинцево Сукс.); *Надела как-от хохотунчик, конечно, замерзнёшь* (Суксун) [СРГЮП 3: 326]). В сравнительном обороте *как обмоло'ток* одежда сравнивается с обмолоченным снопом, само сравнение основано на общем признаке ‘лишенный важных частей’. Лексемы *обу'зда* и *свистива'ль* относятся к узкой одежде, первое слово, скорее всего, образовано от глагола *обузить* ‘сделать узким’, второе – контаминация слов *свистеть* и *фестиваль*. Окказиональное образование подчеркивает ироничное отношение носителей говора к такой одежде. Лексема *хохотунчик* встречается не только в пермских говорах, но и в говорах Среднего Урала, в которых имеет схожее значение ‘короткое пальто, старый, обрезанный плащ’ [СРГСУ 6: 153], внутренняя форма слова свидетельствует о насмешке по отношению к человеку в короткой одежде. В течение XX в. кардинально изменилась длина юбок у женщин, естественно, что в большинстве упомянутых лексем характеризуется именно женское платье.

Осуждают жители деревни и женщин в чрезмерно короткой одежде, используя лексемы *голенда'й* (*Голендайка, голендайка – полураздетый человек, видно части тела* (Искор Черд.) [КСРГСПК]); *И женщина котора, как голендайка, идёт, на босую ногу, юбка коротенька, необолочёная* (Толстик Сол.) [СПГ 1: 591]); *подхалю'за* (*Приходят – юбки коротенькие со всякими оборочками. Нам-то, старухам, это позорно кажется, смотреть стыдно: не молодухи, а подхалюзы* (Ушакова Сол.) [СПГ 2: 133]) и *одерганка* (*У деушки короткое платье было, дак «Как одерганка ходит» – говорят* (Илаб Сол.) [КСРГСПК]). Фразеологизм *рукава' соба'ки оборва'ли* ‘о безрукавой одежде’ (*Ходят нонче – рукава собаки оборвали, мне не надо такое платье* (Пож Юрл.) [СРГКПО: 224]) свидетельствует о том, что отсутствие рукавов также вызывает у пожилых жителей деревни неприятие. В представлении диалектоносителей, излишнее обнажение ног и рук неприлично. Об этом свидетельствуют и отрицательные характеристики человека *голена'стый, голени'стый* ‘с обнаженными ногами, без чулок и т. п.’ (*Сёдня мать-то не обула. Голенастая бегашь* (Акчим Краснов.); *Она загнула штаны и ходит голенистая* (Акчим Краснов) [АС 1: 209]) и *голору'кий* ‘с обнажен-

ными, голыми руками' (*Вон эта идёт, голорукая* (Шульгино Бер.) [СПГ 1: 174]). Критическое отношение у носителей диалекта вызывает также чрезмерное, по их мнению, обнажение мужчин и детей. Так, человек в расстегнутой одежде, через которую видно тело, или снявший часть одежды, вызывает осуждение, его могут назвать *голя'щий* или *гола'н*: *Что рубашку расстегнул – совсем голящий* (Дедюхино Сол.) [КСРГСПК]. *Иди, голан, оденься! Без майки ходит, дак голан и есть* (Свалова Сол.) [СПГ 1: 170].

Отрицательное отношение можно объяснить не только этическими, но и прагматическими причинами: короткая и узкая одежда не подходила для работы, как и слишком длинная и свободная одежда. Так, носители диалекта называют удлиненную сзади юбку *хвосту'щей* и считают ее неудобной: *Юбка хвостушшая, у иё передняя часть намного короче задней. Наденут девки юбки хвостушшие да всю грезь и собирают* (Каргино Ильинск.) [СПГ 2: 498], а сильно расклешенную юбку *раздува'лом* (*Косоклинные дубасы-те были; кроят же эки-те раздувала нонче: идёшь, дак раздуват* (Вильва Сол.) [СПГ 2: 263].

Прагматические причины также лежат в основе негативной оценки людей, одетых не по погоде. Известно, что неумение выбрать одежду в соответствии с условиями внешней среды может привести к болезни. Недостаточно одетого человека чаще всего называют, используя корни *гол-* и *наг-*, *голенда'й* (*голенда'йка*), *наго'й* (*Ты не знашь голендаев? Голендай – которые бежит необолочёной, робёнок...* (Толстик Сол.) [СПГ 1: 71]; *Всё ещё голендаикой бегаешь. Оденься, холодно уж стаёт* (Сарс Окт.) [там же]; *Вот нагая бегат, а?! Погоди ужо, добегашь!* (без пальто) (Акчим Краснов.) [АС 3: 15]). Человек, надевший на себя слишком много одежды, именуется *сби'тнем*: *Он чё-нибудь три-четыре лопотины наденет, ровно сбитень оделся* (Нытв.) [ДАК-ТиПЯ]; *Оденется, много на себя наденет, дак сбитнем называют* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК].

Итак, анализ рассмотренных языковых единиц позволил выявить представления диалектоносителей об одежде, о том, что является приличным или неприличным (недопустимым). Чаще всего в говорах фиксируются оценочные наименования неподходящей одежды; одежда, соответствующая условиям и традиции, обычно не получает эмоциональной оценки. Оценочные наименования человека, одетого определенным образом, помогают также выявить традиционные представления диалектоносителей об одежде. В говорах нередко происходит семантический перенос: наименования пришедшей в негодность, излишне просторной или грязной одежды могут

использоваться для именованья личностных характеристик человека (неопрятности, лени, неуравновешенности) или же его социального положения (бедности). Носители диалекта чаще обращают внимание на внешний облик женщины, чем мужчины: большая часть оценочных единиц, характеризующих одежду и внешность, относится к женщинам. В целом можно говорить о сложившейся системе представлений носителей диалекта о приличном / неприличном во внешнем виде человека и в одежде. В этой системе можно выделить ряд противопоставлений: старый / новый, мешковатый / скроенный по фигуре, грязный / чистый, современный / традиционный, не соответствующий / соответствующий погоде.

Сокращения

Бер. – Берёзовский район
Гайн. – Гайнский район
Ел. – Еловский район
Ильинск. – Ильинский район
Караг. – Карагайский район
Краснов. – Красновишерский район
Нытв. – Нытвенский район
Окт. – Октябрьский район
Сол. – Соликамский район
Сукс. – Суксунский район
Ус. – Усольский район
Черд. – Чердынский район
Чернуш. – Чернушинский район
Юрл. – Юрлинский район

Список источников

- АС – *Словарь* говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь, 1984–2011. Вып. 1–6.
- БАС – *Большой академический словарь* русского языка / под ред. А. С. Герда. М.; СПб., 2007. Т. 8. 640 с.
- ДАКТиПЯ – *Диалектологический архив*, хранящийся на кафедре теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ.
- КАС – *Картотека* словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области.
- КСРГСПК – *Картотека* словаря русских говоров севера Пермского края.
- Ожегов, Шведова – *Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2008. 944 с.
- СПГ – *Словарь* пермских говоров / под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. Пермь: Книжный мир, 2000. Вып. 1: А–Н. 480 с. 2002. Вып. 2: О–Я. 576 с.
- СРГКПО – *Словарь* русских говоров Коми-Пермяцкого округа / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь: ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРГСПК – *Словарь русских говоров севера Пермского края* / гл. ред. И.И. Русинова. Пермь, 2011. Вып. 1. А–В. 364 с.

СРГСУ – *Словарь русских говоров Среднего Урала*. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. Т. 1–7. 1964–1988.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров* / под ред. Ф. П. Филина (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетова (вып. 23–42), С. А. Мызникова (вып. 43–46). М.; Л.; СПб.: Наука, 1966–2016. Вып. 1–49 (издание продолжается).

СРГЮП – *Словарь русских говоров Южного Прикамья*. Вып. 1–3 / И. А. Подюков (науч. ред.), С. М. Поздеева, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Т. 3. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

ФСНГ – *Прокошева К. Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. 432 с.

Черных – *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь русского языка. М.: Рус. язык, 1999. Т. 1–2.

Шапошников – *Этимологический словарь русского языка* / сост. А. К. Шапошников: в 2 т. М.: Флинта, Наука, 2010. Т. 1–2.

Список литературы

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.

Вановская Л. А. Семантика русской одежды (на материале тамбовских говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2003. 212 с.

Гапонова Ж. К. Наименования одежды в мOLOGских ярославских говорах // Ярославский педагогический вестник. 2008. № 2. С. 134–139.

Демешкина Т. А. Способы описания концептов диалектной культуры // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее. Томск, 1995. Вып. 4. С. 63–65.

Зверева Ю. В. «Одежда для ног» в пермских говорах // Лингвокультурное пространство Пермского края. Материалы и исследования / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. С. 128–142.

Злыднева Н. В. Одежда и время: мотив ветхой одежды как палимпсест // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда / отв. ред. Н. В. Злыднева. СПб.: Алетейя, 2011. С. 547–556.

Калинина М. В. Общие названия одежды в донских казачьих говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007. СПб.: Наука, 2007. С. 112–117.

Крылова О. Н. Наименования сарафана в севернорусских говорах // Лексический атлас рус-

ских народных говоров (Материалы и исследования). 1998. СПб.: Наука, 2001. С. 249–253.

Крылова О. Н. Этнографическая лексика в диалектном словаре: проблемы лексикографирования (на материале лексики одежды) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб.: Наука, 2010. С. 81–87.

Левкиевская Е. Е. Народная одежда. Семантика и прагматика // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда / отв. ред. Н. В. Злыднева. СПб.: Алетейя, 2011. С. 135–144.

Матвеева Т. В. Оценочная внутренняя форма как средство экспрессивности // Этимологические исследования. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1981. С. 142–148.

Осипова Е. П. Диалектные наименования одежды в лингвогеографическом аспекте // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб.: Наука, 2002. С. 208–216.

Подюков И. А. Русская диалектная лексика в речи лупьинских коми-пермяков // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 3(19). С. 14–21.

Полякова Е. Н. Что носили модницы в Прикамье в XVII – начале XVIII века (по данным лексики пермских памятников письменности) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 2(8). С. 14–24.

Судаков Г. В. История русского слова / Вологод. гос. пед. ун-т. Вологда, 2010. 334 с.

Тихомирова А. В. Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013а. 350 с.

Тихомирова А. В. Символика наименований одежды и обуви в русской диалектной лексике и фразеологии свадебного обряда // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013б. Вып. 1(21). С. 43–50.

Шеленова Л. И. Данные диалектов и история русского слова (семантический и словообразовательный аспекты) // Филология и человек. 2014. № 1. С. 16–30.

References

Berezovich E. L. *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and traditional culture: ethnolinguistic studies]. Moscow, Indrik Publ., 2007. 600 p. (In Russ.)

Vanovskaya L. A. *Semantika russkoy odezhdy (na materiale tambovskikh govorov)*. Diss. kand. filol. nauk. [Semantics of Russian clothing (based on Tambov dialects) Cand. philol. sci. diss.]. Tambov, 2003. 212 p. (In Russ.)

Gaponova Zh. K. *Naimenovaniya odezhdy v mologskikh yarovskikh govorakh* [The names of

clothes in the Mologa Yaroslavl dialects]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2008, issue 2, pp. 4–27 (134–139). (In Russ.)

Demeshkina T. A. Sposoby opisaniya kontseptov dialektnoy kul'tury [Methods for describing the concepts of dialect culture]. *Kul'tura Otechestva: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Culture of the Fatherland: past, present, future]. Tomsk, 1995, issue 4, pp. 63–65. (In Russ.)

Zvereva Yu. V. «Odezhda dlya nog» v permskikh govorakh [“Clothes for feet” in Perm dialects]. *Lingvokul'turnoye prostranstvo Permskogo kraya. Materialy i issledovaniya* [Linguistic and cultural space of the Perm region. Materials and studies]. Perm, Perm State University Publ., 2009, pp. 128–142. (In Russ.)

Zlydneva N. V. Odezhda i vremya: motiv vetkhoy odezhdy kak palimpsest [Clothes and time: a motif of worn clothes as a palimpsest]. *Kody povsednevnosti v slavyanskoy kul'ture: eda i odezhda* [Codes of everyday life in the Slavic culture: food and clothing]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2011, pp. 547–556. (In Russ.)

Kalinina M. V. Obshchie nazvaniya odezhdy v donskikh kazach'ikh govorakh [Common names of clothes in the Don Cossack dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and studies)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, pp. 112–117. (In Russ.)

Krylova O. N. Naimenovaniya sarafanov v severnorusskikh govorakh [The names of sarafans in the Northern Russian dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and studies)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, pp. 249–253. (In Russ.)

Krylova O. N. Etnograficheskaya leksika v dialektnom slovare: problemy leksikografirovaniya (na materiale leksiki odezhdy) [Ethnographic vocabulary in the dialect dictionary: problems of lexicography (on the material of the clothing vocabulary)] *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and studies)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 81–87. (In Russ.)

Levkievskaya E. E. Narodnaya odezhda. Semantika i pragmatika [Folk clothes. Semantics and pragmatics: eda i odezhda]. *Kody povsednevnosti v slavyanskoy kul'ture* [Codes of everyday life in the Slavic culture: food and clothing]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2011, pp. 135–144. (In Russ.)

Matveeva T. V. Otsenoch'naya forma kak sredstvo ekspressivnosti [Evaluation form as a means of expressiveness]. *Etimologicheskiye issledovaniya* [Etymological studies]. Sverdlovsk, Ural State University Press, 1981, pp. 142–148. (In Russ.)

Osipova E. P. Dialektnye naimenovaniya odezhdy v lingvogeograficheskom aspekte [Dialectal names of clothing in the linguo-geographical aspect]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and studies)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, pp. 208–216. (In Russ.)

Podyukov I. A. Russkaya dialekt'naya leksika v rechi lup'inskikh komi-permyakov [Russian dialect vocabulary in the Lupinsk Komi-Permyak speech]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2012, issue 3(19), pp. 14–21. (In Russ.)

Polyakova E. N. *Chto nosili modnitsy v Prikam'e v 17 – nachale 18 veka (po dannym leksiki permskikh pamyatnikov pis'mennosti)* [Fashion in Prikamye of the 17th – beginning of the 18th centuries (based on the lexicon of Perm written monuments)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2010, issue 2(8), pp. 14–24. (In Russ.)

Sudakov G. V. *Istoriya russkogo slova* [History of the Russian word]. Vologda, Vologda State Pedagogical University Publ., 2010, 334 p. (In Russ.)

Tikhomirova A. V. *Assotsiativno-derivatsionnaya i frazeologicheskaya semantika naimenovaniy odezhdy v russkoy yazykovoy traditsii*. Diss. kand. filol. nauk [Associative-derivational and phraseological semantics of names of clothes in the Russian language tradition. Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2013. 350 p. (In Russ.)

Tikhomirova A. V. Simvolika naimenovaniy odezhdy i obuvi v Russkoy dialektnoy leksike i frazeologii svadebnogo obryada [Symbolism of clothes and shoes' names in Russian dialectal lexis and phraseology of the wedding ritual]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2013, issue 1(21), pp. 43–50. (In Russ.)

Shelepova L. I. Dannye dialektov i istoriya russkogo slova (semanticheskiy i slovoobrazovatel'nyy aspekty) [Data of dialects and history of the Russian word (in terms of derivation and semantics)]. *Filologiya i chelovek* [The Philology and a Person], 2014, issue 1, pp. 16–30. (In Russ.)

TRADITIONAL NOTIONS OF A DECENTLY / INDECENTLY DRESSED PERSON IN THE PERM DIALECT VOCABULARY

Iuliia V. Zvereva

**Associate Professor in the Department of Humanities Education in Primary School
Perm State Humanitarian Pedagogical University**

24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russian Federation. zvereva_yuliya_2013@mail.ru

SPIN-code: 9483-8453

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0129-2565>

ResearcherID: D-9469-2017

The article discusses the dialectal linguistic units of the thematic group “clothing”, as well as the designations of a person in terms of his or her appearance. These lexical units make it possible to identify the traditional ideas of the Perm region citizens as to what is acceptable and unacceptable in appearance. Within the dialectal worldview, the names of old clothes are contrasted with those of new ones, excessively loose clothes – with tight-fitting, dirty – with clean, traditional – with modern. In the dialects, there is a considerable number of lexical units denoting old, worn-out clothes. They often have a negative connotation since such clothes are of low value to peasants. Designations of people derived from the names of old clothes always have a negative connotation. Perhaps this is due to the fact that the dialect speakers believe people in untidy clothes lead an antisocial way of life. Too large and loose clothing are also negatively perceived. This attitude is due not only to aesthetics, but also to utilitarian reasons: people feel it uncomfortable to work in baggy clothes. Semantic derivatives which negatively characterize the person are also formed from the names of baggy clothes. Unreasonably short and tight clothing, which gradually comes into use in the second half of the 20th century, is also negatively evaluated. Elderly villagers thought such clothing to be not only indecent but also uncomfortable.

Key words: Perm dialects; thematic group; names of clothes; designation of a person; evaluative vocabulary.

УДК 811.133.1
doi 10.17072/2037-6681-2017-2-24-31

ОПЫТ ТЕЗАУРУСНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ СПОСОБОВ ОБЪЕКТИВАЦИИ ИНТЕРЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА (на материале произведений русских писателей-франкофонов)

Анастасия Владимировна Колмогорова

д. филол. н., профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации

Институт филологии и языковой коммуникации

Сибирского федерального университета

660041, г. Красноярск, просп. Свободный, 82, стр. 1, оф. 3–33. nastiakol@mail.ru

SPIN-код: 4582-4134

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6425-2050>

ResearcherID: D-9618-2017

Алина Вячеславовна Маликова

студентка 4 курса направления «Лингвистика»

Институт филологии и языковой коммуникации

Сибирского федерального университета

660041, г. Красноярск, просп. Свободный, 82, стр. 1, оф. 3–33. banka1996@mail.ru

SPIN-код: 2439-6710

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3438-1839>

ResearcherID: D-9625-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Колмогорова А. В., Маликова А. В. Опыт тезаурусного моделирования способов объективации интерлингвокультурной картины мира (на материале произведений русских писателей-франкофонов) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 2. С. 24–31. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-24-31

Please cite this article in English as:

Kolmogorova A. V., Malikova A. V. Opyt tezaurnsnogo modelirovaniya sposobov ob'ektivatsii interlingvokul'turnoy kartiny mira (na materiale proizvedeniy russkikh pisateley-frankofonov) [Thesaurus Modeling to Present Interlinguocultural Worldview (Based on the Material of Works by Russian Francophone Writers)] *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 2, pp. 24–31. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-24-31 (In Russ.)

Статья посвящена описанию опыта тезаурусного моделирования способов объективации интерлингвокультурной (русско-французской) картины мира (ИКМ). Актуальность проведенного исследования связана с возрастающей популярностью применения в лингвистике технологий компьютерного моделирования, в частности, в формате различных баз данных, а также с тенденцией к изучению межкультурного аспекта языковых контактов, а именно к исследованию репрезентации интеркультурных объектов на лексическом уровне языка.

Объектом исследования стала ИКМ и ее основные единицы – ксенонимы. В качестве ксенонимов в настоящей работе рассматриваются языковые единицы, используемые для введения русских реалий во французский текст. В ходе проведенного анализа была подтверждена гипотеза о возможности типизировать данные единицы. Составлена содержательная классификация ксенонимов, выявленных в текстах художественных произведений русских писателей-франкофонов Ирэн Немировски, Анри Труайя и Андрея Макина, которая включает 8 подгрупп: объекты ономастики, высказывания с высокой лингвокультурной плотностью, названия советских организаций и учреждений, прецедент-

ные феномены, лингвокультурные типажи, социальные роли и профессии, элементы народной культуры и собственно реалии. Кроме того, установлены использованные перечисленными выше авторами средства семантизации ксенонимов в иноязычном тексте. Анализ полученных данных продемонстрировал, что между типами ксенонимов и оптимальными средствами их семантизации существует корреляция, учет которой позволил разработать компьютерный тезаурус для формализации полученных результатов. База данных для тезауруса была описана в системе управления базами данных MongoDB при использовании языка структуры данных JSON (JavaScript Object Notation). В результате анализа текстов французских романов был составлен тезаурус, насчитывающий 203 объекта.

Ключевые слова: лингвокультура; интерлингвокультура; интерлингвокультурная картина мира; интерлингвокультурная личность; реалия; ксеноним; тезаурус.

Введение

Проводимое исследование находится в рамках лингвокультурологии и интерлингвокультурологии, касаясь в том числе сфер исследований когнитивной, компьютерной лингвистики, а также теории перевода. Под *интерлингвокультурологией* понимается лингвистическая дисциплина, изучающая проблему вторичной культурной ориентации языка, обращенного в область иноязычной культуры [Кабакчи 2007], т. е. изучаются вопросы, связанные с формированием лексики, возникающей в процессе взаимодействия двух лингвокультур. Данную лексику вторичной вербализации культурного континуума составляют *ксенонимы*, представляющие собой языковые единицы данного (в нашем случае – французского) языка, используемые для наименования особых элементов внешней (русской) культуры [Кабакчи, Белоглазова 2012: 27].

Целью данного исследования стала формализация корреляции между типами таких ксенонимов и оптимальными средствами их текстовой семантизации в виде компьютерного тезауруса. Актуальность выбранной нами проблематики обусловлена тем, что всё большую востребованность в лингвистике получают различные формы и технологии компьютерного моделирования и обработки речи, возрастает интерес исследователей к межкультурному аспекту не только в коммуникации, но и в собственно языковой сфере, вследствие чего развиваются направления лингвокультурологии и интерлингвокультурологии. Исследование ориентировано на решение практических задач формализации процессов объективации интерлингвокультурной картины мира для дальнейшего использования полученного тезауруса другими исследователями, переводчиками, писателями и их читателями или изучающими язык данной языковой пары.

Алгоритм и материал исследования

Любая лингвокультура неотъемлемо связана с соответствующей ей концептосферой. При переносе концептов одной лингвокультуры в другую на концептуальном уровне (уровне абстракций) возникает некое лингвокультурное пространство,

в котором происходит перевод (или «внутренний перевод» [Кабакчи 2000] – в случае с творческой деятельностью интерлингвокультурных личностей) концептов из одной концептосферы в другую. Данное пространство носит название *интерлингвокультурной картины мира (ИКМ)* [Юзефович 2013]. Перевод концептов подразумевает рассмотрение возможных путей передачи концепта, что на языковом уровне выглядит как подбор способов объективации (вербализации) и семантизации возникающего культуронима.

Изучение именно двух данных процессов легло в основу нашего исследования. Первоначально нами были проанализированы искомые средства объективации ИКМ – ксенонимы, которые мы сочли возможным разбить на некоторые смысловые группы. Нужно отметить, что на данный момент не существует единой и исчерпывающей классификации ксенонимов, а классификации А. А. Реформатского [Реформатский 1967: 139], В. В. Кабакчи [Кабакчи, Белоглазова 2012: 28], С. Влахова и С. Флорина [Влахов, Флорин 1980: 59–64] и другие не охватывают всех выделенных нами смысловых групп ксенонимов. В связи с этим мы посчитали необходимым сформировать интегрированную типологию, позаимствовав уже существующие термины, предложенные лингвистами, и назвать ее «содержательной» классификацией.

Затем были проанализированы средства семантизации ксенонимов из нашей выборки во французском тексте и получены данные о корреляции между типом ксенонима и тяготеющими к нему средствами семантизации. Под *средствами семантизации* принято понимать средства выявления значения языковой единицы [Розенталь, Теленкова 1985: 245]. В нашем случае под средствами семантизации понимаются способы введения в текст и экспликации ксенонима для понимания его лексического значения представителем инолингвокультуры. Для именования тех или иных способов введения ксенонима в текст мы использовали уже принятые в классификациях различных исследователей термины [Казакова 2001; Ефремов 1969; Комиссаров 1990; Федоров 2002].

Как правило, в процессе перевода при наличии множества средств семантизации ксенонимов принимаемое переводчиком решение о выборе того или иного из них зависит от подхода к переводу реалий, которого он придерживается, – собственно лингвистического [Бархударов 1975; Федоров 2002; Швейцер 1973] или интерпретативного [Lederer 1994], – а также от личностных характеристик и навыков переводчика.

Релевантным в связи с проблемой выбора оптимального способа перевода реалий становится опыт *интерлингвокультурных личностей*, т. е. билингов-профессионалов, обладающих знанием контактирующих лингвокультур, навыками вербального кодирования и перекодирования, в том числе переводческими навыками, и отличающихся интерлингвокультурной концептуальной системой, объективируемой в соответствующем тезаурусе, языковой картине мира [Юзефович 2013: 70–71]. В соответствии с другой терминологией такие личности именуются *транслингвальными авторами* [Kellman 2003].

Материалом нашего исследования стали оригинальные тексты художественных произведений таких интерлингвокультурных личностей, как Ирэн Немировски (Irène Némirovsky, 1903–1942), Анри Труайя (Henri Troyat, 1911–2007) и Андрей Макин (Andrei Makine, 1957), являющихся представителями среды русских писателей-франкофонов, выросших и воспитанных в русскоязычном обществе, но по той или иной причине ставших французскими гражданами. Их произведения – романы «Собаки и волки» («Les Chiens et les loups», 1942) И. Немировски, «Братство красных маков» («Les Compagnons du Coquelicot», 1959) А. Труайя, «Дочь Героя Советского Союза» («La fille d'un héros de l'Union soviétique», 1990) и «Музыка одной жизни» («La musique d'une vie», 2001) А. Макина – стали источником материала, позволившего нам при помощи методов лингвокультурологического, семантического анализа художественного текста и метода тезаурусного моделирования проследить особенности введения данными авторами во французский текст русских реалий.

Результаты исследования

Для выявления средств адаптации ксенонимов для представителей франкоязычного сообщества мы сочли наиболее приемлемым использование содержательного критерия, в связи с чем общий пласт ксенонимов, обнаруженных в текстах произведений И. Немировски, А. Труайя и А. Макина, в сформированной нами *содержательной классификации* был разделен на две подгруппы: *собственно вербальные средства*

объективации ИКМ и вербализованные этнокультурные средства.

К собственно вербальным средствам объективации ИКМ мы отнесли все *объекты ономастики* (в большинстве случаев это антропонимы или топонимы), а также *высказывания с высокой лингвокультурной плотностью*. Среди антропонимов нам встретились, например, следующие: Алёша (*Aliocha*), Дмитрич (*Dmitritch*), Семёнов (*Semionov*) и др., а среди топонимов – Ленинград (*Leningrad*), Нижний (Новгород) (*Nijni*, разг.), Урал (*Oural*), Сибирь (*Sibérie*), Чукотка (*Tchoukotka*), Арбат (*Arbat*), МГУ (*M.G.U.*) и т. д. Примерами высказываний с высокой лингвокультурной плотностью являются: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» («*Merci au camarade Staline pour notre enfance heureuse!*»), «Ах, Боже! Боженька!» («*Ah! Bojé, Bojenka!*») и «Горько!» («*Gorko!*»).

Во второй подгруппе оказалось больше типов ксенонимов: *названия советских организаций и учреждений, прецедентные феномены, лингвокультурные типажы, социальные роли и профессии, элементы народной культуры и собственно реалии*. В текстах встретились советские организации НКВД (*N.K.V.D.*), КГБ (*K.G.B.*), Политбюро (*Politburo*) и т. д. Среди прецедентных феноменов – имена Белка и Стрелка (*Belka et Strelka*), Гагарин (*Gagarine*), Сталин (*Staline*); прецедентное высказывание «Что такое хорошо и что такое плохо?» («*Qu'est-ce qui est bien? Qu'est qui est mal?*») из детского стихотворения В. В. Маяковского; прецедентный текст песни «Вот кто-то с горочки спустился...» («*Quelqu'un descend de la colline, C'est sûrement mon bien-aimé...*»); прецедентные ситуации – взятие Казани (*prise de Kazan*) и Бородино (Бородинское сражение) (*Borodino*). Примером апелляции в тексте к лингвокультурному типажу может служить лексема *casagues* (казаки), а социальной роли – *koulak* (кулак) или *vétéran* (ветеран). Среди элементов народной культуры была найдена, например, поговорка «Своя рубашка ближе к телу» («*La chemise qui vous appartient est plus près de votre corps que l'habit du prochain*»). Группу собственно реалий составили лексемы *bortch* (борщ), *kommunalka* (коммуналка), *léjanka* (лежанка), *pokhoronka* (похоронка), *valenki* (валенки), «*Vremia*» (программа «Время»), *propiska* (прописка) и мн. др.

Результаты анализа показали, что во всем объеме изученных произведений (около 1000 стр. художественного текста) было найдено 235 ксенонимов. Среди них наиболее употребляемым оказался тип, репрезентирующий объекты ономастики (137), второе место по частотности занял тип «собственно реалии» (34), с небольшим отры-

вом превысивший количество прецедентных феноменов (31). Позднее при создании электронной базы данных общее количество ксенонимов было уменьшено до 203 вследствие объединения не-

скольких антропонимов в один объект (например, *Ivan, Vania, Vanioucha, Vaniouch*).

Количественное распределение ксенонимов по типам можно проследить в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Количественные показатели ксенонимов
Quantitative indicators of xenonyms

Типы ксенонимов		Количество ксенонимов	
1) Объекты ономастики	антропонимы	137	84
	топонимы		53
2) Высказывания с высокой лингвокультурной плотностью		7	
3) Названия советских организаций и учреждений		11	
4) Прецедентные феномены	прецедентные имена	31	22
	прецедентные высказывания		2
	прецедентные тексты		6
	прецедентные ситуации		4
5) Лингвокультурные типы		3	
6) Социальные роли и профессии		7	
7) Элементы народной культуры		2	
8) Собственно реалии		34	
Всего		235	

При переносе концептов одной языковой картины мира в другую писатели-билингвы прибегают к различным средствам их семантизации для адекватного восприятия и понимания читателем-французом русских концептов. Найденными нами в художественных произведениях средствами семантизации оказались: *транслитерация, калькирование, трансформация, уподобляющий перевод, семантические аналоги, контекст, дефиниции*, а также *уточнение типа высказывания и трактовка прагматики*. «Трактовка прагматики» как средство семантизации ксенонима предполагает наличие дополнительного пояснения касательно иллюкативной силы или ожидаемого перлокутивного эффекта высказывания или сопровождающего его действия. Например, высказывание-ксеноним «Ах, Боже! Боженька!» («*Ah! Bojé, Bojenka!*») помещено в следующий контекст: «Или ещё: когда дела шли

плохо, люди обращались к Нему *шёпотом, вздыхая*: «Ах, Боже! Боженька!», – *со слабой надеждой и грустным покорным упрёком: за что ты меня оставляешь?*» («*Ou encore quand tout allait mal, on se rappelait à Lui dans un murmure, dans un soupir: "Ah! Bojé, Bojenka! (Ah! mon Dieu, mon petit bon Dieu!)"*», *avec un faible espoir, avec un triste reproche résigné: pourquoi t'abandonnes-tu?*»). Автор романа вводит данный ксеноним, воспроизводя эмоциональную и иллюкативную его составляющие посредством обстоятельств «шёпотом, вздыхая» и «со слабой надеждой и грустным покорным упрёком...».

Мы сопоставили наиболее характерные для каждого типа ксенонима средства семантизации и выяснили, что, как правило, к определенному типу ксенонимов тяготеют сразу несколько типов средств семантизации. Результаты сопоставления представлены в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Корреляции между средствами семантизации и типами ксенонимов
Correlation between semantization technics and xenonym types

Типы ксенонимов	Типы средств семантизации
1) Антропонимы, топонимы	Транслитерация, калькирование, трансформация, контекст
2) Высказывания с высокой лингвокультурной плотностью	Дефиниция, трактовка прагматики, уточнение типа высказывания, аналог
Типы ксенонимов	Типы средств семантизации
3) Названия советских организаций и учреждений	Транслитерация, калькирование, контекст, дефиниция
4) Прецедентные феномены	Транслитерация, калькирование, уподобляющий перевод, контекст, дефиниция
5) Лингвокультурные типы	Калькирование, контекст
6) Социальные роли и профессии	Транслитерация, калькирование, контекст, дефиниция
7) Элементы народной культуры	Трактовка прагматики, уточнение типа высказывания
8) Собственно реалии	Транслитерация, калькирование, дефиниция, контекст

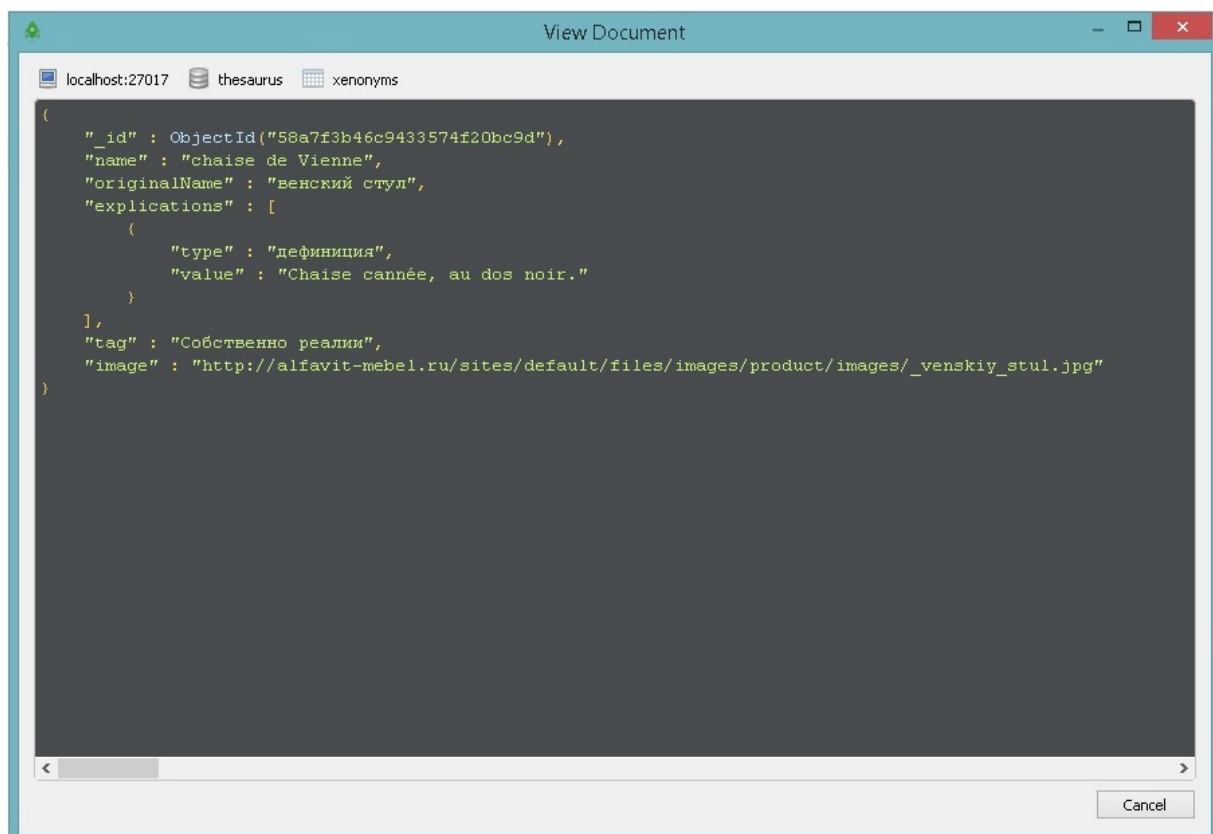
Так, для экспликации антропонимов и топонимов авторы использовали в основном «первичные» средства семантизации – приемы транслитерации, калькирования и трансформации, а для введения в текст прецедентных феноменов, лингвокультурных типажей и социальных ролей и профессий релевантным оказалось наличие контекста, представленного лексикой одного семантического поля.

В результате лингвистического анализа лексем и средств их семантизации было принято решение об оцифровке результатов в виде электронной базы данных для более удобного их использования. Для осуществления этой задачи был выбран такой тип компьютерных семантических представлений, как *тезаурус*, т. е. такой лексикографический ресурс, для которого характерна полнота охвата значений сегмента языка, тематический способ упорядочения значений, а также наличие не только связей «понятие-понятие», но и «понятие-значение», а также «значение-значение» [Николаев, Митренина, Ландо 2016: 78].

Для составления базы данных тезауруса была привлечена система управления базами данных MongoDB с использованием текстового формата обмена данными JSON (JavaScript Object Notation). Каждый объект тезауруса включает лексемы на французском и русском языках, су-

ществующие варианты французской лексемы (для антропонимов и топонимов), оптимальный тип ее семантизации, при необходимости комментарии к данному средству семантизации, а также, по возможности, иллюстративный материал. Тезаурус имеет внутреннее деление по типу ксенонимов.

Рисунок иллюстрирует описание объектов тезауруса в базе данных на примере единицы «chaise de Vienne». Заданным свойствам 'name' (наименование единицы) и 'originalName' (наименование единицы в исходном языке) соответствуют значения строк 'chaise de Vienne' и 'венский стул' соответственно. Свойству 'explanations', обозначающему средства семантизации, присваивается значение в виде массива, который может включать несколько средств семантизации: 'дефиниция', 'контекст' и т. д. В данном случае единица 'chaise de Vienne' эксплицируется при помощи дефиниции 'Chaise cannée, au dos noir' ['Плетеный стул с черной спинкой']. Указывается также и отнесенность языковой единицы к определенному типу ксенонимов: при помощи свойства 'tag' – 'chaise de Vienne' относится к типу 'собственно реалии'. Свойство 'image' вводит возможность добавить иллюстрацию стула в соответствующей строке при помощи URL-кода.


```
{
  "_id": ObjectId("58a7f3b46c9433574f20bc9d"),
  "name": "chaise de Vienne",
  "originalName": "венский стул",
  "explanations": [
    {
      "type": "дефиниция",
      "value": "Chaise cannée, au dos noir."
    }
  ],
  "tag": "Собственно реалии",
  "image": "http://alfavit-mebel.ru/sites/default/files/images/product/images/_venskiy_stul.jpg"
}
```

Программный код объекта «chaise de Vienne»
Program code for the object “chaise de Vienne”

На базе собранной коллекции данных было создано приложение с интерфейсом, предполагающим возможность поиска лексических единиц на французском и русском языках с целью выбора наиболее эффективного средства семантизации при переводе.

Выводы

Проведенный нами лингвокультурологический анализ текстов художественных произведений И. Немировски, А. Труайя и А. Макина позволил выявить некоторые особенности интерлингвокультурной (русско-французской) картины мира, классифицировать использованные авторами средства объективации интерлингвокультурной картины мира, а также обнаружить корреляцию между типами ксенонимов и наиболее часто используемыми средствами их введения в иноязычный текст.

Важным результатом работы явилось создание компьютерного тезауруса русско-французских ксенонимов объемом в 203 объекта. В дальнейшем планируется работа по расширению этой базы данных.

Список источников

Makine A. La Fille d'un héros de l'Union soviétique. P.: Gallimard, 1996. 224 p.

Makine A. La Musique d'une vie. P.: Éditions du Seuil, 2004. 127 p.

Némirovsky I. Les Chiens et les Loups. P.: Albin Michel, 2004. 335 p.

Troyat H. La Lumière des Justes. P.: Omnibus, 2000. 1177 p.

Список литературы

Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Междунар. отношения, 1975. 240 с.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Междунар. отношения, 1980. 360 с.

Ефремов Л. П. Лексическое и фразеологическое калькирование // Труды Самарканд. гос. унта. Вопросы фразеологии. Самарканд, 1969. Вып. 106. С. 115–123.

Кабакчи В. В. Неисследованный вид переводческой деятельности: «Внутренний перевод» // *Studia Linguistica* 9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. СПб.: Тригон, 2000. С. 65–75.

Кабакчи В. В. Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. СПб.: СПбГУЭФ, 2007. С. 51–70.

Кабакчи В. В., Белоглазова Е. В. Введение в интерлингвокультурологию: учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012. 252 с.

Казакова Т. А. Практические основы перевода. СПб.: Изд-во Союз, 2001. 178 с.

Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

Николаев И. С., Митренина О. В., Ландо Т. М. Прикладная и компьютерная лингвистика. М.: ЛЕНАНД, 2016. 320 с.

Реформатский А. А. Введение в языковедение. М.: Просвещение, 1967. 544 с.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985. 399 с.

Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. языков. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Изд. дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. Вып. 5. 416 с.

Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика: газетно-информационный и военно-публицистический перевод. М.: Воениздат, 1973. 280 с.

Юзефович Н. Г. Интерлингвокультурная картина мира в английском языке вторичной культурной ориентации (на материале описания российской действительности). Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2013. 268 с.

Kellman St. G. Switching Languages: Translingual Authors Reflect on their Craft. L.: University of Nebraska Press, 2003. 339 с.

Lederer M. La traduction d'aujourd'hui. Le modèle interprétatif. P.: Hachette, 1994. 224 p.

References

Barkhudarov L. S. *Yazyk i perevod* [Language and translation]. Moscow, International Relations Publ., 1975. 240 p. (In Russ.)

Vlakhov S., Florin S. *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation]. Moscow, International Relations Publ., 1980, 360 p. (In Russ.)

Efremov L. P. *Leksicheskoe i frazeologicheskoe kal'kirovaniye* [Lexical and phraseological calquing. *Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta. Voprosy frazeologii* [Proceedings of the Samarkand State University. Issues of Phraseology]. Samarkand, 1969, issue 106, pp. 115–123. (In Russ.)

Kabakchi V. V. *Neissledovannyi vid perevodcheskoy deyateli'nosti: "Vnutrenniy perevod"* [Unresearched type of translation activity: "Internal translation"]. *Studia Linguistica* 9. *Kognitivno-pragmaticheskie i khudozhestvennyye funktsii yazyka* [Studia Linguistica 9. Cognitive-pragmatic and creative functions of language]. St. Petersburg, 2012. 252 p. (In Russ.)

Kabakchi V. V. *Tipologiya teksta inoyazychnogo opisaniya kul'tury i inolingvokul'turnyy substrat* [The typology of foreign culture description texts and foreign linguocultural substratum]. *Lingvistika*

teksta i diskursivnyy analiz: traditsii i perspektivy [Text linguistics and discourse analysis: traditions and perspectives]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics Press, 2007, pp. 51–70. (In Russ.)

Kabakchi V. V., Beloglazova E. V. *Vvedenie v interlingvokul'turologiyu: ucheb. posobie* [Introduction to interlinguoculturology: tutorial]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics Press, 2012. 252 p. (In Russ.)

Kazakova T. A. *Prakticheskie osnovy perevoda* [Practical fundamentals of translation]. St. Petersburg, Soyuz Publ., 2001. 178 p. (In Russ.)

Komissarov V. N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty): Uchebnik dlya institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov* [Theory of translation (linguistic aspects): Textbook for institutes and departments of foreign languages]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 253 p. (In Russ.)

Nikolaev I. S., Mitrenina O. V., Lando T. M. *Prikladnaya i komp'yuternaya lingvistika* [Applied and computational linguistics]. Moscow, LENAND Publ., 2016. 320 p. (In Russ.)

Reformatsky A. A. *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to Linguistics]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1967. 544 p. (In Russ.)

Rozental' D. E., Telenkova M. A. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of

linguistic terms]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1985. 399 p. (In Russ.)

Fedorov A. V. *Osnovy obshchey teorii perevoda (lingvisticheskie problemy): uchebnoe posobie dlya institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov* [Fundamentals of the general theory of translation]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, Moscow, Filologia Tri Publ., 2002. 416 p. (In Russ.)

Schweitzer A. D. *Perevod i lingvistika: gazetno-informatsionnyy i voenno-publitsisticheskiy perevod* [Translation and linguistics: newspaper informational and military publicistic translation]. Moscow, Voenizdat Publ., 1973. 280 p. (In Russ.)

Józefowicz N. G. *Interlingvokul'turnaya kartina mira v angliyskom yazyke vtorichnoy kul'turnoy orientatsii (na materiale opisaniya rossiyskoy deystvitel'nosti): monografiya* [Interlinguocultural worldview in the secondary-culture-oriented English (based on the description of Russian realities): monograph]. Khabarovsk, Far Eastern State University of Humanities Press, 2013. 268 p. (In Russ.)

Kellman St. G. *Switching Languages: Translingual Authors Reflect on Their Craft*. London, University of Nebraska Press, 2003. 339 p. (In Eng.)

Lederer M. *La traduction d'aujourd'hui. Le modèle interprétative* [Translation: The Interpretive Model]. Paris, Hachette, 1994. 224 p. (In French).

THESAURUS MODELING TO PRESENT INTERLINGUOCULTURAL WORLDVIEW (Based on the Material of Works by Russian Francophone Writers)

Anastasia V. Kolmogorova

**Professor in the Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication
Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University**
82/1, Svobodny prospekt, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation. nastiakol@mail.ru
SPIN-code: 4582-4134
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6425-2050>
ResearcherID: D-9618-2017

Alina V. Malikova

**Bachelor's Student, Deptment of Foreign Languages
Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University**
82/1, Svobodny prospekt, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation. banka1996@mail.ru
SPIN-code: 2439-6710
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3438-1839>
ResearcherID: D-9625-2017

The article describes thesaurus modeling of ways to present interlinguocultural (Russian and French) worldview. The research is of current interest due to the increasing popularity of applying computer modeling techniques, in particular various databases, in linguistics, as well as due to the tendency towards studies of the intercultural aspect in language, particularly towards studying the representation of intercultural objects at the lexical level of language.

The object of this research work is the interlingual cultural worldview and its main units – xenonyms. In the present paper, these are the linguistic units that are used to introduce Russian realia into French text. In the course of research, we verified our initial hypothesis that a set of such units can be typified. A content classification was developed for xenonyms found in texts of Russian francophone writers: Irène Némirovsky, Henri Troyat, Andreï Makine. The classification includes 8 subgroups: objects of onomastics, utterances with a high linguocultural density, names of Soviet organizations and institutions, precedential phenomena, linguocultural types, social roles and professions, elements of folk culture and realia themselves. We have also determined the technics the Russian authors used for the semantization of xenonyms in the foreign language text. The analysis of the data obtained allowed us to find a correlation between the types of xenonyms and optimal technics of their semantization. A computer-based thesaurus was designed for the formalization of the results obtained. The database for the thesaurus was described in the document store MongoDB with the use of JSON (JavaScript Object Notation), which is a language-independent data format. Based on the analysis of text of French novels, a thesaurus was created that contains 203 objects.

Key words: linguoculture; interlingual culture; interlinguocultural worldview; interlinguocultural identity; realia; xenonym; thesaurus.

УДК 81'367: 821.111
doi 10.17072/2037-6681-2017-2-32-38

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ «TIME» В РОМАНАХ ИРВИНА ШОУ

Ирина Петровна Кудрявцева

к. филол. н., старший преподаватель кафедры иностранных языков

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»

115409, г. Москва, Каширское шоссе, 31. ikudriavtseva@bk.ru

SPIN-код: 5580-2645

ORCID: <http://orcid.org/0000-002-7405-0292>

ResearcherID: D-9351-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кудрявцева И. П. Окказиональное использование устойчивых выражений с компонентом «time» в романах Ирвина Шоу // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 2. С. 32–38. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-32-38.

Please cite this article in English as:

Kudriavtseva I. P. Okkazional'noe ispol'zovanie ustoychivykh vyrazheniy s komponentom «time» v romanakh Irvina Shou [Occasional Usage of Phraseological Units of Modern English with the Component “Time” in Novels by the American Writer Irwin Shaw]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 2, pp. 32–38. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-32-38 (In Russ.)

В статье приводится проанализированный автором материал для проведения семинара или спецзанятия по фразеологической стилистике для студентов-филологов, обучающихся по специальности «Преподаватель английского языка». Даются сведения по освещению произведений американского писателя второй половины двадцатого века Ирвина Шоу в отечественных языковых исследованиях. В практической части анализируются контексты авторского употребления устойчивых выражений современного английского языка с компонентом «time». Фразоупотребления извлекались из текстов четырех наиболее известных романов автора: «The Young Lions» (1948), «Rich Man, Poor Man» (1969), «Nightwork» (1975), «Bread Upon Waters» (1981) – общим объемом 2062 стр. Исследуемые контексты (всего около сорока) подразделяются на группы по стилистическому приему окказионального преобразования устойчивого выражения. Рассматриваются вклинивание, замена компонента, повтор и инверсия. Проводится семантический анализ и оценивается влияние каждого приема на значение устойчивого выражения. Делается вывод об особенностях авторского стиля относительно использования устойчивых выражений современного английского языка. Заключается, что проанализированные окказиональные преобразования почти всегда носят системный характер, могут встречаться у разных авторов, а также в быденной речи, где творческое начало сведено к минимуму. Фактический материал и выводы по данной работе могут быть использованы преподавателем при обучении студентов в целях развития навыков такого использования устойчивых выражений современного английского языка в речи.

Ключевые слова: компонент «time»; устойчивое выражение; авторская стилистика; окказиональное использование фразеологической единицы; фразеологическая стилистика.

Стилистические особенности авторского стиля традиционно являются предметом изучения филологов. Исследователи при анализе отдельно выделяют фразеологический аспект. В отечественной лингвистической школе этому направ-

лению посвящены многочисленные работы. Из последних по времени стоит отметить исследование фразеологического аспекта авторского стиля И. Тургенева [Ван Сэнь 2007], В. Набокова [Бугаева 2010]. На материале немецкого языка

изучались особенности идиостиля с точки зрения фразеологии в работах, посвященных произведениям И. Нолль [Горчакова 2009], Э. Кестнера [Сулимова 2014]. На материале английской фразеологии проводилось исследование авторского стиля романа «Собственник» Дж. Голсуорси [Лысенко 2010].

Отечественные ученые проявляли интерес и к творчеству американского писателя Ирвина Шоу (1913–1984) (см.: [Форшток 2010], [Щеголькова 2012]), однако таких обращений немного. Автор принадлежал к создателям качественной массовой литературы и писал об актуальных для его времени проблемах общества. Художественная литература, предназначенная для массового читателя, определяет характер того или иного периода культурного развития общества. Ирвин Шоу отличался «нравственным оптимизмом» [Форшток 2010: 6], который оказался крайне востребованным на рубеже XX–XXI вв., в эпоху утраты этических ценностей. Так, например, собранный, целеустремленный характер Рудольфа из романа «Богач, бедняк» помогает читателю правильно сориентироваться в современном мире [Щеголькова 2012: 98].

Литература для широкого круга читателей сочетает в себе каноничность, нормативность, простоту и понятность с оригинальностью языка, языковыми находками, частью которых являются преобразованные фразеологические единицы [Прокопова 2015: 80]. Использование авторами художественной литературы устойчивых выражений в качестве основы для разнообразных трансформаций неслучайно интересуют современных исследователей [Кривецкая 2016; Абдуллина 2007]. Как считает Т. В. Левинова, трансформация фразеологии и создание на ее базе индивидуально-авторских фразеологических единиц может являться авторской стратегией, направленной на создание нужного образа [Левинова 2015: 67]. Индивидуальный характер употребления позволяет возродить первоначальную экспрессивность устойчивых выражений, придать им былую новизну и яркость, выразительность. Своеобразные преобразования, производящие значительный эффект, дают возможность автору развивать сюжет и заинтересовать читателя, превращать свое произведение в «page-turner». Устойчивые сочетания слов с осложненным значением обладают раздельно-оформленной структурой, что позволяет трансформировать их компонентный состав с помощью таких распространенных приемов, как: вклинивание, замена компонента, повтор, инверсия и нек. др.

В статье предлагается проанализированный автором и систематизированный материал для

проведения семинара или спецзанятия по фразеологической стилистике для студентов-филологов, обучающихся по специальности «Преподаватель английского языка».

Исследуется около сорока контекстов авторского употребления устойчивых выражений или фразеологических единиц (далее – ФЕ) современного английского языка с компонентом «time» в тексте четырех наиболее известных романов Ирвина Шоу: «The Young Lions» (1948), «Rich Man, Poor Man» (1969), «Nightwork» (1975), «Bread Upon Waters» (1981), общим объемом 2062 стр. Исследуемые контексты подразделяются на группы по стилистическому приему. Узувальному использованию языковой единицы, т. е. ее употреблению в зафиксированной словарем форме, противопоставляется окказиональное использование. Окказиональное преобразование фразеологической единицы может быть исключительно авторским, единичным, а может носить более распространенный, системный характер и приближаться по частотности к узувальному. Трансформации фразеологических единиц являются стилистическим приемом и дифференцируются на несколько типов. Автором статьи главным образом рассматриваются вклинивание, замена компонентов, повтор, инверсия.

Кратко охарактеризуем каждый из приемов. Под **вклиниваем** традиционно понимается включение в состав фразеологической единицы переменных компонентов. **Замена компонентов** подразумевает использование слов-заменителей в составе фразеологической единицы. Слова-заменители, как правило, находятся с замещаемыми компонентами в системных отношениях: синонимических, антонимических, идеографических, родовидовых и подобных. **Повтор** означает повторение отдельных компонентов фразеологической единицы или повторное употребление всей единицы целиком с целью создания текстового единства. Под **инверсией** понимается изменение структуры фразеологической единицы путем перестановки компонентов, что влечет за собой грамматические и семантические преобразования.

Начнем с приема **вклинивания**. Этот прием позволяет автору сделать необразное устойчивое выражение ярким и несущим дополнительный смысл. Вклиниваемый элемент значительно не изменяет семантики устойчивого выражения, но может уточнять степень проявления признака. Всего с приемом вклинивания было зафиксировано 20 контекстов. Приведем наиболее выразительные. Например: вклинивание усиливающего компонента в состав ФЕ «have a good time – (informal) enjoy oneself generally or on a particular occasion» (Cowie):

I guess she was having too good a time where she was (Rich m.); *He had a very good time with the girl and by five o'clock he decided that he had been foolish to think that she had grown cool towards him, very foolish indeed* (Young L.). В следующем контексте наблюдаем вклинивание количественного компонента (квантификатора) «a lot of» в состав ФЕ «have time on one's hands»: *She opened Rudolph's letter. It was a long one. When he was in America, he preferred to phone, but now that he was wandering around Europe, he used the mails. He must have had a lot of time on his hands, because he wrote often* (Rich m.). ФЕ «have time on one's hands» означает «to have more free time than one can usefully fill with work or other activities» (Longm.) Вклинивание количественного компонента «a lot of» подчеркивает еще в большей степени тот факт, что обычно сильно занятый работой Рудольф во время путешествия по Европе имел в своем распоряжении много свободного времени.

Сразу несколько примеров вклинивания встретилось для ФЕ «waste time» в тексте одного и того же романа: *I don't want to waste any more of your time. It's a pure waste of time; They're wasting their valuable time; I wasted enough time* (Rich m.). Вклиниваемые компоненты усиливают значение «напрасно тратить время» и подчеркивают нежелание расходувать чужое время без причины, акцентируя ценность ресурса времени.

Прием **замена компонента** также позволяет автору сделать необычное устойчивое выражение ярким и несущим дополнительный смысл. Замена компонента осуществляется для усиления или ослабления значения всего выражения или для его уточнения. Всего с приемом замены компонента было зафиксировано 15 контекстов. Приведем в качестве примера наиболее выразительные замены компонента «good» в составе уже упомянутой ранее ФЕ «have a good time»: *She leaned over and touched my hand. "I had a lovely time in Florence", she said softly* (Nightw.); *It seems like such a waste to go rushing off to crumbling, noisy Rome when we're having such a lovely time here* (Nightw.); *He was having a wonderful time on his journey across France* (Young L.). Замены компонента «good» на компоненты «lovely», «wonderful» делают устойчивое выражение более выразительным, представляя приятное время как милое и замечательное, а не просто как хорошее.

Далее обратимся к приему **повтора** устойчивого выражения, который заключается в его полном или частичном повторении. Основной целью повтора считается усиление значения устойчивого выражения и повышение экспрессивности всего отрывка. Этот прием обеспечивает автору

возможность сделать необычное устойчивое выражение ярким и несущим дополнительный смысл. Всего с приемом повтора было зафиксировано 10 контекстов. Например, *For the time being. He's nuts. Slowly they moved away. Noah remained standing with the knife in front of him. "For the time being", Donnelly said loudly. "Don't forget I said for the time being"* (Young L.). Другие повторы встречались для ФЕ «how many times», которая означает «complaint complaint that one has heard sth more often that is necessary or desirable» (Cowie). *"Dammit", Jimmy said to his parents, "how many times have I told you Caroline should stay out of that goddamn park?" "How many times, Jimmy", Strand said, "have I told you you ought to stop smoking and you ought to get to sleep before five o'clock in the morning?"* (Bread Up.). Повтор этой эмоциональной устойчивой единицы здесь выступает как подтверждение утверждения («how many times have I told you»), образуя диалог героев. Они высказывают недовольство друг другом и предъявляют взаимные претензии.

Еще один пример повтора, когда отвечающий использует только что сказанную фразу своего собеседника, таким образом создавая микротекст, диалогическое единство. Дублируется ФЕ «pass the time», которая означает «скоротать время»: *"I'm just trying to pass the time", Fahnstock said, aggrieved. "Pass the time some other way", Michael said, feeling the gin gripping the lining of his stomach* (Young L.). В этом случае повтор «pass the time» не придает особенной дополнительной эмоциональности, а используется лишь для создания диалогического единства.

Следует отметить, что повтор фразеологических единиц как средство интеграции сверхфразовых единств (микротекст, сложное синтаксическое целое) было предметом отдельного исследования [Островская 1996]. Его автор доказывает, что повторяющиеся ФЕ принимают участие в создании текстовой категории, его связности и информативности. В ситуациях повтора ФЕ становится «смысловой доминантой» [там же: 4]. Более того, прием повтора ФЕ может сочетаться с другими окказиональными преобразованиями. Характер взаимодействия повтора фразеологической единицы с другими стилистическими приемами окказионального преобразования ФЕ различной степени компликативности лежит в основе типологии сверхфразовых осложненных фразеологических конфигураций и определяет создание стилистических эффектов, недостижимых при единичной актуализации, так как ФЕ оказывается в фокусе синтагматического и парадигматического рассмотрения ее внешней и внутренней структуры в общем контексте [там же]. В нашем мате-

риале имеется иллюстрация этого теоретического вывода. Контекст представляет собой беседу героев. Повторяющаяся ФЕ «it's about time», обозначающая «пора, подходит время» (Кунин), осложняется добавлением компонентов.

"I'm getting a divorce".

I nodded. "It's about time, I guess".

"More than about time" (Nightw.).

Добавление «more than», во-первых, указывает на согласие с говорящим. Повтор ФЕ в данном случае подтверждает утверждение о том, что давно пора получить развод. Во-вторых, добавление усиливает мысль о том, что затягивать с принятием решения уже больше невозможно.

В конце рассмотрим прием **инверсия**. Этот прием позволяет автору сделать необычное устойчивое выражение ярким и несущим дополнительный смысл. Всего с приемом инверсии было зафиксировано 10 контекстов. В нижеследующих примерах изменение порядка слов влечет за собой и грамматические изменения структуры устойчивого выражения. Снова автор использует ФЕ «waste time»: *"My time has not been wasted", Brad said. "How much do you think a cabinet member makes a year?" (Rich m.); She could only stay one week and there was not time to be wasted talking about matters like that (Young L.).* С применением страдательного залога, когда компонент «time» выносится на первое место («time...wasted»), ресурс времени становится еще более значимым, первостепенным. В следующем примере изменение порядка слов частотного устойчивого выражения «waste time» с указанием действующего лица (I've) добавляет эмоциональности высказываниям о напрасной трате времени: *"New York is hysterical", Boylan said. "Like an unsatisfied, neurotic woman. It's an ageing nymphomaniac of a city. God, the time I've wasted here" (Rich m.).* Похожий прием встречается в тексте другого романа: *"God, the time we've wasted. Why didn't you do this then?" (Young L.).*

В следующем примере инверсии автор использует шекспиризм «the time is out of joint»: распалась связь времен, век расшатался («Hamlet», act 1, sc. 5)» (Кунин). Перенос значения основан на образе физиологического вывиха (локтя, бедра, плеча), а выражение создано на базе ранее существовавшего «out of joint – unsuitable; out of order» (Longm.). Ирвин Шоу использует этот известный образ «вывихнутого времени» для характеристики своего героя из семьи Стренд в романе «Хлеб по водам»: *"You are out of joint with the times, Strand. Do you believe in the Ten Commandments?"... "As a man said to me over the weekend, I'm out of joint with the times... It's hard to unlearn" (Bread Up.).* Стренду сказали, что он утратил связь с временем. Он это запом-

нил и передал в другой беседе. У Шекспира время «выпадает из сустава», а у Ирвина Шоу герой выпадает из времени. Чтобы передать это значение, автор меняет порядок слов и грамматическую форму устойчивого выражения «the time is out of joint». Мы видим, что «time» используется в форме множественного числа, появляется предлог «with» («with the times») и вводится действующее лицо («you are out of ... I am out of...»).

В единичных случаях встречались приемы усечения и графического выделения компонентов. Например, усечение компонентов ФЕ «to have time of one's life» отражает разговорный характер речи героя: *"We get on the train and we go to Cannes. Haunt of millionaires like they say in the papers. I been there. Time of my life" (Rich m.).* Графическое выделение с помощью курсива компонента «all» в следующем примере сопровождается пояснительным контекстом: *"Then we could spend all the time together". The all had a thunderous emphasis that made me look around uneasily to see if anyone happened to be listening to us» (Nightw.).* Для говорящего тот факт, что они все-все время были вместе, очень важен.

В качестве вывода можно констатировать, что преобразование структуры устойчивого выражения является естественной потребностью языковой системы, обеспечивающей нормальное существование и функционирование языка. Трансформации устойчивых выражений могут быть как внутрисистемного характера, т. е. объясняться естественным состоянием системы языка, так и индивидуально авторскими. Единство смыслового содержания и раздельно-оформленность структуры устойчивого выражения позволяет автору творчески подходить к инструменту своего труда – языку. Креативный характер устойчивых выражений сам подталкивает автора к экспериментаторству в разнообразных направлениях. Поле деятельности здесь может быть широким и регулируется чутьем самого автора. Следует отметить, что большая часть преобразований устойчивых выражений носит системный характер, может встречаться у разных авторов, а творческое начало в таких трансформациях сведено до минимума. Яркие авторские находки в этой области обычно редки и заметны. В статье с целью сужения поля исследования были проанализированы окказиональные преобразования фразеологических единиц только с одним компонентом («time»). Для получения более полного представления об авторских преобразованиях устойчивых выражений в дальнейшем планируется расширить объем исследуемого материала.

Список источников

- Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: Живой язык, 1998. 944 с.
- Cowie A. P., Mackin R., MacCaig I. R. Oxford Dictionary of English Idioms. Oxford: Oxford University Press, 1993. 748 p.
- Longm. – Longman Idioms Dictionary. UK: Addison Wesley Longman Ltd, 2000. 398 p.
- Bread Up. – Shaw I. Bread Upon Waters. UK: Butler and Tanner, 1981. 410 p.
- Nightw. – Shaw I. Nightwork. USA: Delacorte Press, 1975. 344 p.
- Rich m. – Shaw I. Rich Man, Poor Man. Lnd: New English Library, 1969. 767 p.
- Young L. – Shaw I. The Young Lions. Lnd and Sydney: Pan Books, 1979. 541 p.

Список литературы

- Абдуллина А. Р. Контекстуальные трансформации фразеологических единиц в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007. 19 с.
- Бугаева А. А. Идиостилевые особенности фразеосемантического поля эмотивности в прозе В. В. Набокова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2010. 22 с.
- Ван Сэнь Фразеологическая составляющая романа И. С. Тургенева «Отцы и дети»: структурно-семантический и функциональный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2007. 24 с.
- Горчакова И. А. Идиостиль И. Нолль в аспекте фразеографии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 20 с.
- Кривецкая Е. С. Оказиональная фразеологическая номинация как средство выражения языковой личности автора художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2016. 25 с.
- Кудрявцева И. П. Фразеологические единицы современного английского языка с компонентом, обозначающим время: time, hour, minute, moment, second: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 178 с.
- Кудрявцева И. П. Семантика фразеологических единиц со значением времени в текстах романов американского писателя Ирвина Шоу // Актуальный проблемы филологических исследований: материалы конф., посвящ. 80-летию профессора Е. Н. Сидоренко. Симферополь, 2016. С. 50–52.
- Кудрявцева И. П. Фразеологические единицы современного английского языка со значением времени в романах 60–70-х годов американского писателя Ирвина Шоу // Проблемы современного филологического образования: сб. науч. ст. / отв. ред. В. А. Коханова; Моск. гор. пед. ун-т. М., 2015. Вып. 14. С. 165–172.

Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. М.: Высш. шк.; Дубна: Феникс, 1996. 381 с.

Левина Т. В. Индивидуально-авторская фразеология как прием создания гротескного образа в драме А. В. Сухова-Кобылина «Дело» // Фразеологические единицы как элемент языковой картины мира: сб. материалов Всерос. науч. конф. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2015. С. 63–67.

Лысенко В. Л. Фразеологизмы как способ презентации языковой личности автора художественного текста (на материале романа Дж. Голсуорси «Собственник»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2010. 23 с.

Островская Т. Р. Повтор фразеологических единиц как средство интеграции сверхфразовых единств (на материале художественных произведений английских и американских авторов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 17 с.

Проконова М. В. Приемы семантического преобразования фразеологизмов в прозе Б. Акунина // Фразеологические единицы как элемент языковой картины мира: сб. материалов Всерос. науч. конф. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2015. С. 80–83.

Сулимова М. Г. Авторская фразеология в прозаических произведениях Э. Кестнера: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 20 с.

Фориток А. М. Трансформация «американской мечты» в романах Ирвина Шоу (к проблеме аксиологии массовой литературы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2010. 21 с.

Щеголькова А. О. Тема «двух братьев» в романе Ирвина Шоу «Богач, бедняк» // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2012. № 2. С. 95–99.

References

- Abdullina A. R. *Kontekstual'nye transformatsii frazeologicheskikh edinitits v angliyskom i russkom yazykakh*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Context transformations of phraseological units in Russian and English. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Kazan, 2007. 19 p. (In Russ.)
- Bugaeva A. A. *Idiostilevye osobennosti frazeosemanticheskogo polya emotivnosti v proze V. V. Nabokova*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Idiostylistic characteristics of phraseosemantic field of emotiveness in V. Nabokov's prose. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Krasnodar, 2010. 22 p. (In Russ.)
- Van Sen' *Frazeologicheskaya sostavlyayushchaya romana I. S. Turgeneva «Ottsy i deti»: strukturno-semanticheskii i funktsional'nyy aspekty*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Phraseological

compound of I. Turgenev's novel "Fathers and Sons": structural, semantics and functional aspects. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Orel, 2007. 24 p. (In Russ.)

Gorchakova I. A. *Idiostil' I. Noll' v aspekte frazeografii*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Idiostyle of I. Noll in the aspect of phraseology. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2009. 20 p. (In Russ.)

Krivetskaya E. S. *Okkazional'naya frazeologicheskaya nominatsiya kak sredstvo vyrazheniya yazykovoy lichnosti avtora khudozhestvennogo teksta*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Occasional phraseological nomination as a method to express the author's personality in belletristic text. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Stavropol, 2016. 25 p. (In Russ.)

Kudryavtseva I. P. *Frazeologicheskie edinitsy sovremennogo angliyskogo yazyka s komponentom, oboznachayushchim vremya: time, hour, minute, moment, second*. Diss. kand. filol. nauk [Phraseological units of modern English with components denoting time: time, hour, minute, moment, second]. Moscow, 2007. 178 p. (In Russ.)

Kudryavtseva I. P. Semantika frazeologicheskikh edinits so znacheniem vremeni v tekstakh romanov amerikanskogo pisatelya Irvina Shou [Semantics of phraseological units denoting time in novels by the American writer Irwin Shaw]. *Aktual'nye problemy filologicheskikh issledovaniy: materialy konf., posvyashch. 80-letiyu professora E. N. Sidorenko* [Current problems of philological research: proceedings of conf. devoted to the 80th anniversary of Professor E. Sidorenko]. Simferopol, Arial Publ., 2016, pp. 50–52. (In Russ.)

Kudryavtseva I. P. *Frazeologicheskie edinitsy sovremennogo angliyskogo yazyka so znacheniem vremeni v romanakh 60–70-kh godov amerikanskogo pisatelya Irvina Shou* [Phraseological units of modern English with components denoting time in the 1960–70s novels by the American writer Irwin Shaw]. *Problemy sovremennogo filologicheskogo obrazovaniya: sb. nauch. st.* [Problems of contemporary philology education: collection of scientific articles]. Ed. by V. Kokhanova. Moscow, Moscow City University Press, 2016, pp. 165–172. (In Russ.)

Kunin A. V. *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka: ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz.* [The course in modern English phraseology: textbook for foreign language institutes and faculties]. 2nd edition. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., Dubna, Feniks Publ., 1996. 381 p. (In Russ.)

Levinova T. V. Individual'no-avtorskaya frazeologiya kak priem sozdaniya grotesknogo obraza v drame A. V. Sukhovo-Kobylyna «Delo» [Individual

author's phraseology as a method to create the grotesque image in A. Sukhovo-Kobylin's drama "The Case"]. *Frazeologicheskie edinitsy kak element yazykovoy kartiny mira: sb. mat. Vseross. nauch. konf.* [Phraseological units as the element of linguistic view of the world: Proc. All-Russ. sci. conf.]. Kurgan, Kurgan State University Press, 2015, pp. 63–67. (In Russ.)

Lysenko V. L. *Frazeologizmy kak sposob reprezentatsii yazykovoy lichnosti avtora khudozhestvennogo teksta (na materiale romana Dzh. Golsuorzi «Sobstvennik»)*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Set expressions as a method to represent the author's linguistic identity in literary fiction (on the material of "The Man of Property" by John Galsworthy). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Maykop, 2010. 23 p. (In Russ.)

Ostrovskaya T. R. *Povtor frazeologicheskikh edinits kak sredstvo integratsii sverkhfrazovykh edinstv (na materiale khudozhestvennykh proizvedeniy angliyskikh i amerikanskikh avtorov)*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Repetition of phraseological units as a method of micro-texts integration (based on English and American novels). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1996. 17 p. (In Russ.)

Prokopova M. V. Priemy semanticheskogo preobrazovaniya frazeologizmov v proze B. Akunina [Techniques of semantic transformations of set expressions in B. Akunin's prose]. *Frazeologicheskie edinitsy kak element yazykovoy kartiny mira: sb. mat. vseross. nauch. konf.* [Phraseological units as the element of linguistic view of the world: Proc. All-Russ. sci. conf.]. Kurgan, Kurgan State University Press, 2015, pp. 80–83. (In Russ.)

Sulimova M. G. *Avtorskaya frazeologiya v prozaicheskikh proizvedeniyakh E. Kestnera*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Author's phraseology in belletristic literature by E. Kästner. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2014. 20 p. (In Russ.)

Forshtok A. M. *Transformatsiya «amerikanskoy mechty» v romanakh Irvina Shou (k probleme aksiologii massovoy literatury)*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Transformation of the "American dream" in novels by Irwin Shaw (to the problem of mass literature axiology). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2010. 21 p. (In Russ.)

Shchegol'kova A. O. Tema «dvukh brat'ev» v romane Irvina Shou «Bogach, bednyak» [The topic of two brothers in Irwin Shaw's novel "Rich Man, Poor Man"]. *Novoe slovo v nauke i praktike: gipotezy i aprobatsiya rezul'tatov issledovaniy*. [The New Word in Science and Practice: Supposition and Research Results Testing], 2012, issue 2, pp. 95–99. (In Russ.)

OCCASIONAL USAGE OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF MODERN ENGLISH WITH THE COMPONENT “TIME” IN NOVELS BY THE AMERICAN WRITER IRWIN SHAW

Irina P. Kudriavtseva

Senior Lecturer in the Department of Foreign Languages

National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute)

31, Kashirskoe shosse, Moscow, 115409, Russian Federation

SPIN-code: 5580-2645

ORCID: <http://orcid.org/0000-002-7405-0292>

ResearcherID: D-9351-2017

The article presents language material for a seminar or a special class on semantics and stylistics of set units for students of philology trained to be teachers of English. The opening part provides information on theoretical issues through a review of works by Russian philologists about Irwin Shaw's novels. The practical part examines the contexts of the author's usage of set expressions of the modern English language with the component “time”. The contexts were extracted from four most famous novels of the author (*The Young Lions* (1948), *Rich Man, Poor Man* (1969), *Nightwork* (1975), *Bread Upon Waters* (1981)), a total of 2062 pages. The contexts under study (about forty) are divided into groups according to the stylistic type of occasional (author's) transformations of set expressions. The following stylistics methods are considered: the insertion of an additional component, the replacement of a component, the repetition of a component, and the inversion or the change of word order. The component insertion clarifies the manifestation degree for the characteristic presented by the meaning of a set expression. The component replacement intensifies or weakens the meaning of the whole expression. The repetition of a component increases the impressiveness. The change of word order inside a set expression gives colorfulness and extra sense. The final part of the article notes the peculiarities of the author's style in the usage of the set expressions described. It is concluded that all the examined transformations of set expressions with the component “time” can be characterized by the systemic nature of lexical changes. One can find them in texts by numerous writers as well as in everyday speech. The creativity and the author's “specialty” are minimized. Factual material and conclusions of this small research may be applied in teaching such a separate aspect of semantics as the use of set expressions in modern English.

Key words: component “time”; set expression; author's style; transformation of a set expression; author's usage of set expressions.

УДК 81-112: 81.161.1
doi 10.17072/2037-6681-2017-2-39-46

ДИАХРОНИЧЕСКОЕ СРАВНЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТА «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Надежда Александровна Неровная

к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (Воронеж)

394064, г. Воронеж, ул. Старых Большевиков, 54«А». nnerovnaya@yandex.ru

SPIN-код: 3606-0070

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8782-0903>

ResearcherID: B-1128-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Неровная Н. А. Диахроническое сравнение содержания концепта «толерантность» в русском языковом сознании // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 2. С. 39–46. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-39-46

Please cite this article in English as:

Nerovnaya N. A. Diachronicheskoe sravnenie soderzhaniya kontseptu «tolerantnost'» v russkom yazykovom soznanii [Diachronic Comparison of the Concept “Tolerance” Contents in the Russian Language Consciousness]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 2, pp. 39–46. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-39-46 (In Russ.)

Статья представляет собой семантико-когнитивный анализ содержания концепта «толерантность» в русском языковом сознании, выполненный в диахроническом аспекте. Проводится сравнение данных, полученных в ходе изучения тематических и публицистических источников в 2007–2009 и 2015–2016 гг. Приводятся данные о стабильных когнитивных признаках, новых когнитивных признаках и признаках, не обнаруженных в повторном исследовании. В статье предлагается полевая стратификация данного концепта на основе последних полученных данных – определяются ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферии в зависимости от индекса яркости когнитивных признаков. Особое внимание обращается на возросший индекс негативной оценочности, что свидетельствует об изменении отношения носителей русского языка к данному концепту в отрицательную сторону. Однако в заключение делается вывод о том, что в русском языковом сознании преобладает позитивная оценка концептуального смысла «толерантность», который носителями языка понимается широко и является динамичным, поскольку в настоящее время меняет свою семантическую структуру.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; семантика; концепт; когнитивный признак; полевая стратификация.

Темой нашего исследования является исследование и описание концепта «толерантность» в русском языковом сознании. Работа выполнена в русле одного из направлений когнитивной лингвистики – семантико-когнитивного анализа языка, сформулированного в рамках теоретико-лингвистической школы Воронежского университета под руководством З. Д. Поповой и И. А. Стернина [Попова 2001; Стернин 2001; Попова, Стернин 2002; Попова, Стернин 2003; Попова, Стернин 2007]. Вопросами развития и

разработок проблем когнитивной лингвистики и концептов также занимаются такие ученые, как Г. Г. Слышкин [Слышкин 2004], Е. С. Кубрякова [Кубрякова 2004, Кубрякова 2012], Н. Н. Болдырев [Болдырев 2001], А. В. Рудакова [Рудакова 2004], А. П. Бабушкин [2001: 52–57] и др. В 2007–2009 гг. нами уже проводилась достаточно обширная работа по описанию данного концепта, в результате которой был опубликован ряд статей [Неровная 2008: 84–87; Неровная 2013: 113–116] и защищена кандидатская диссер-

тация на тему «Национальная специфика лексико-фразеологической объективации близких по содержанию концептов (на материале концептов «толерантность», «терпимость» в русском и английском языковом сознании)» [Неровная 2009]. Кроме того, концептом «толерантность» интересовались такие ученые, как Е. С. Сумина [Сумина 2007], Б. И. Аболин [Аболин 2009], Ли Же [Ли Же 2009: 70–79] и др. Между тем с течением времени, как становится очевидным, интерес общества к данному концепту не только не ослабевает, но и, наоборот, растет. Так, согласно К. Журенкову и Е. Пушкарской, «в 2014 г. слово «толерантность» оказалось на пятом месте среди всех понятий, чье значение пытались выяснить пользователи рунета, а это миллионы поисковых запросов в Яндекс» [Журенков, Пушкарская 2015].

У нас есть основания полагать, что за прошедшие годы изменения в социально-экономической жизни народа и страны оказали влияние на содержание данного концепта и в его номинативном поле будут обнаружены новые объективации, которые не были зафиксированы в ходе предыдущего исследования. Чтобы подтвердить эту гипотезу, нами был проведен анализ текстов тематических и публицистических источников, таких как газеты «Аргументы и факты», «Известия», «Наша Версия», «Коммерсант», за 2014 – первую половину 2016 г. Всего было обнаружено 203 документа и 278 контекстов употребления лексемы «толерантность». Так как в некоторых примерах присутствовало несколько объективаций исследуемого концепта, было выделено 368 объективаций концепта «толерантность». В результате когнитивной интерпретации полученных объективаций было установлено 66 когнитивных признаков и вычислен их индекс яркости.

Под когнитивным признаком мы вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниным понимаем «отдельный признак объекта, осознанный сознанием человека и отображенный в структуре соответствующего концепта как отдельный элемент его содержания» [Попова, Стернин 2007: 88]. Объективации – это «...любые номинации исследуемого концепта, включая окказиональные, индивидуально-авторские, описательные» [там же: 125]. Индекс яркости вычислялся по формуле, предложенной З. Д. Поповой и И. А. Стерниным [там же: 150], как отношение количества объективаций, входящих в данный когнитивный признак, к общему количеству объективаций в публицистических и тематических текстах.

Так, например, в когнитивный признак *к ней проявляется резко отрицательное отношение* входят 36 объективаций концепта «толерантность», что составляет 0,10 от общего количества

объективаций (368), зафиксированных в данном типе исследуемого материала: хваленая толерантность 3, мерзость, чушь, болезнь, бич Божий, мы отказались от слова “толерантность”, от толерантности все устали, толерантность оставила на родине, выступать против толерантности, критикуется, Россия не желает жить по навязываемым ей стандартам “толерантности”, мы против толерантности, не наш метод, мы не за толерантность, не наша задача, осудили западную толерантность, наплевать нам на европейскую толерантность, издеваемся над странами за их толерантность, в России глубочайшая ирония по отношению к толерантности, надо забыть толерантность, слово «толерантность» стало неприличным, не нравится слово «толерантность», прочитав слово «толерантность», впадают в ярость, толерантность разозлила, не люблю это слово, паразитское слово, негативное чувство, зловещая мутация идеи терпимости, чуждое понятие, чужеродное слово, некий перегиб, от лукавого, в ней нет ничего хорошего, пресловутая «толерантность».

Далее мы сравнили полученные результаты с данными анализа публицистических источников и тематических текстов 2007–2009 гг.

В результате сравнения можно сделать следующие выводы:

1. Увеличилось количество выделенных объективаций в целом при равном объеме исследуемого материала (368 против 340 в 2007–2009 гг.) и когнитивных признаков концепта (66 против 50 в 2007–2009 гг.).

2. Совпадают 11 когнитивных признаков: *воспитывается с помощью разных педагогических приемов, заключается в не проявлении эмоций, невраждебность, понимание многообразия форм самовыражения, почтительное отношение, принятие многообразия форм самовыражения, проявление доброты, проявляется по отношению к другому, снисходительность, мягкость по отношению к другому, соблюдение политических прав человека, человеколюбие*. Предлагаем называть такие сохраняющиеся признаки **стабильными**. Наличие стабильных признаков говорит об укоренении данного концепта в сознании носителей языка.

3. Среди этих признаков повысили свою яркость такие признаки, как *воспитывается с помощью разных педагогических приемов* (индекс яркости (ИЯ) был 0,03, стал 0,10), *соблюдение политических прав человека* (ИЯ вырос с 0,01 до 0,02). Это свидетельствует о возросшей важности данных когнитивных признаков в структуре концепта в сознании носителей языка.

4. Признаки, понизившие свою яркость, следующие: *заключается в не проявлении эмоций*

(ИЯ был 0,04, стал 0,02), *почтительное отношение* (ИЯ уменьшился с 0,04 до 0,01), *принятие многообразия форм самовыражения* (ИЯ сократился с 0,05 до 0,02), *проявление доброты* (ИЯ был 0,04, стал 0,01), *проявляется по отношению к другому* (ИЯ уменьшился с 0,05 до 0,03), *снисходительность, мягкость по отношению к другому* (ИЯ сократился с 0,10 до 0,02), *человеколюбие* (ИЯ был 0,02, стал 0,01). Это свидетельствует о меньшей актуализации данных признаков носителями языка.

5. Не изменили своей яркости признаки *понимание многообразия форм самовыражения* – ИЯ 0,01 и *невраждебность* – ИЯ 0,01.

6. Новыми когнитивными признаками, полученными в ходе исследования, являются: *имеет ограничения* (0,01), *имеет предпосылки в животном мире* (0,01), *к ней проявляется резко отрицательное отношение* (0,10), *может проявляться в разной степени* (0,10), *снисходительность, мягкость к негативным явлениям* (0,05), *есть на Западе* (0,04), *может нарушаться* (0,01), *приводит к негативным последствиям* (0,04), *может отсутствовать* (0,02), *находится в состоянии упадка* (0,02), *недопустима к нарушению закона* (0,02), *проявляется властью по отношению к гражданам* (0,02), *ее принуждают принять против желания* (0,02), *ее распространяют разными способами* (0,02), *есть в России* (0,02), *принуждает к смирению, в т. ч. с негативными явлениями* (0,02), *проявляется по отношению к другой культуре* (0,02), *проявляется в безразличии* (0,02), *проявляется в нетерпимости* (0,01), *является религией* (0,02), *с ней необходимо бороться* (0,02), *является доминирующим направлением в общественном мнении* (0,01), *является идеальным принципом* (0,01), *проявляется в позитивном взаимодействии* (0,01), *за нее надо бороться* (0,01), *является идеей* (0,01), *является ценностью* (0,01), *управляет* (0,01), *снисходительность, мягкость сверх имеющихся возможностей* (0,01), *личное дело каждого* (0,01), *проявляется между народами* (0,01), *обладает символами* (0,01), *обладает стандартами* (0,01), *проявляется в виде обмана* (0,01), *проявляется в обществе* (0,01), *в России ее недостаточно* (0,01), *отсутствие сопротивления* (0,01), *проявляется в отрицании нормы* (0,01), *является необходимой* (0,01), *проявляется в принятии негативных явлений* (0,01), *формируется у здоровых людей* (0,01), *бывает разных видов* (0,01), *проявляется по отношению к религии* (0,01), *проявление либерализма* (0,01), *является оружием* (0,01), *приводит к положительному результату* (0,01), *ей посвящены культурные центры* (0,01), *старается казаться человеколюбием* (0,01), *является проявлением*

слабости (0,01), *является проблемой в США* (0,01), *не является средством от всех бед* (0,01), *умение скрывать мысли* (0,01), *имеет ограничения* (0,01), *имеет предпосылки в животном мире* (0,01).

7. В ходе нового исследования не были зафиксированы следующие признаки, выделенные в публицистических и тематических текстах в 2007–2009 гг.: *приводит к взаимности* (0,04), *проявляется в эмпатии* (0,04), *реализуется при наличии плюрализма* (0,04), *приводит к единению* (0,03), *проявление умственной и духовной зрелости человека* (0,03), *проявляется по отношению к личности* (0,03), *проявляется в коммуникативных умениях и навыках* (0,03), *проявляется в коммуникативных формах* (0,03), *проявляется по отношению к чуждому* (0,03), *готовность мирно сосуществовать с другим* (0,02), *дипломатичность* (0,02), *дружелюбное отношение* (0,02), *соблюдение политических свобод человека* (0,02), *признание многообразия форм самовыражения* (0,02), *проявление открытости* (0,02), *проявление вежливости* (0,02), *проявление культуры* (0,02), *проявляется в способности прощать* (0,02), *проявляется по отношению к явлениям действительности* (0,02), *способствует преодолению конфликтов* (0,01), *отсутствие надоедливости* (0,01), *отсутствие предвзятости* (0,01), *снисходительность к другому вероисповеданию* (0,01), *обусловлена наличием демократии* (0,01), *обусловлена наличием независимости* (0,01), *обусловлена объединенностью стран мира* (0,01), *обусловлена постоянством жизни* (0,01), *отказ от вмешательства в личную жизнь кого-л.* (0,01), *признание значимости человеческой личности* (0,01), *проявление любви* (0,01), *призывает к миру* (0,01), *примирение ссорящихся* (0,01), *проявление нравственности* (0,01), *проявляется в гостеприимстве* (0,01), *проявляется в действительности* (0,01), *проявляется в бодром и жизнерадостном мироощущении* (0,01), *проявляется по отношению к мысли, замыслу* (0,01), *проявляется по отношению к отличительному свойству субъекта* (0,01), *реализуется при отсутствии опасности* (0,01). Это свидетельствует о том, что данные признаки значительно понизили или утратили свою актуальность для носителей языка.

8. Согласно результатам последнего исследования (см. таблицу) полевая структура концепта выглядит следующим образом (в скобках рядом с названием ядра или периферии представлен совокупный индекс яркости когнитивных признаков концепта, входящих в данное ядро или периферию, рядом указывается процентное содержание когнитивных признаков по отношению к общему их количеству):

**Полевая структура концепта «толерантность»
Field structure of the concept «tolerance»**

№ п/п	Когнитивный признак	Индекс яркости
Ядро (0,30) 4,5 %		
1.	К ней проявляется резко отрицательное отношение	0,10
2.	Может проявляться в разной степени	0,10
3.	Воспитывается с помощью разных педагогических приемов	0,10
Ближняя периферия (0,16) 6,0 %		
4.	Снисходительность, мягкость к негативным явлениям	0,05
5.	Есть на Западе	0,04
6.	Приводит к негативным последствиям	0,04
7.	Проявляется по отношению к другому	0,03
Дальняя периферия (0,32) 24 %		
8.	Находится в состоянии упадка	0,02
9.	Заключается в не проявлении эмоций	0,02
10.	Проявляется властью по отношению к гражданам	0,02
11.	Недопустима к нарушению закона	0,02
12.	Ее принуждают принять против желания	0,02
13.	Ее распространяют разными способами	0,02
14.	Есть в России	0,02
15.	Принятие многообразия форм самовыражения	0,02
16.	Принуждает к смирению, в т. ч. с негативными явлениями	0,02
17.	Проявляется по отношению к другой культуре	0,02
18.	Может отсутствовать	0,02
19.	Является религией	0,02
20.	Проявляется в безразличии	0,02
21.	Соблюдение политических прав человека	0,02
22.	С ней необходимо бороться	0,02
23.	Снисходительность, мягкость по отношению к другому	0,02
Крайняя периферия (0,43) 65,5 %		
24.	Является принципом	0,01
25.	Является доминирующим направлением в общественном мнении	0,01
26.	Понимание многообразия форм самовыражения	0,01
27.	Проявляется в позитивном взаимодействии	0,01
28.	Почтительное отношение	0,01
29.	За нее надо бороться	0,01
30.	Человеколюбие	0,01
31.	Является идеей	0,01
32.	Является ценностью	0,01
33.	Управляет жизнью страны	0,01
34.	Снисходительность, мягкость сверх имеющихся возможностей	0,01
35.	Личное дело каждого	0,01
36.	Проявляется между народами	0,01
37.	Есть в США	0,01
38.	Обладает символами	0,01
39.	Имеет ограничения	0,01
40.	Обладает стандартами	0,01
41.	Проявляется в виде обмана	0,01
42.	Проявляется в обществе	0,01
43.	В России ее недостаточно	0,01
44.	Отсутствие сопротивления	0,01
45.	Проявление доброты	0,01
46.	Проявляется в отрицании нормы	0,01
47.	Побеждает	0,01
48.	Является необходимой	0,01
49.	Проявление либерализма	0,01
50.	Формируется у здоровых людей	0,01
51.	Проявляется в нетерпимости	0,01
52.	Бывает разных видов	0,01
53.	Проявляется по отношению к религии	0,01

№ п/п	Когнитивный признак	Индекс яркости
54.	Проявляется в принятии негативных явлений	0,01
55.	Является оружием	0,01
56.	Приводит к положительному результату	0,01
57.	Ей посвящены культурные центры	0,01
58.	Может нарушаться	0,01
59.	Является проблемой в США	0,01
60.	Проявляется в нежелании видеть правду	0,01
61.	Невраждебность	0,01
62.	Не является средством от всех бед	0,01
63.	Умение скрывать мысли	0,01
64.	Имеет предпосылки в животном мире	0,01
65.	Является проявлением слабости	0,01
66.	Старается казаться человеколюбием	0,01

9. Из результатов исследования видно, что изменилось ядро исследуемого концепта – если раньше в него входили такие признаки, как *принятие многообразия форм самовыражения (0,05)* и *проявляется по отношению к другому (0,05)*, то теперь ядро образуют когнитивные признаки *к ней проявляется резко отрицательное отношение (0,10)*, *может проявляться в разной степени (0,10)*, *воспитывается с помощью разных педагогических приемов (0,10)*. Это свидетельствует об изменении в сознании носителей языка особенностей понимания данного концепта.

10. Если в 2007–2009 гг. в данном типе исследуемого материала не было зафиксировано негативно-оценочных признаков, то сегодня в восприятии толерантности их количество резко увеличилось и составляет 23 признака, или 35,0 % (общего количества признаков (66), зафиксированных в 2014–2016 гг.). Это такие признаки, как: *к ней проявляется резко отрицательное отношение (0,10)*, *снисходительность, мягкость к негативным явлениям (0,05)*, *приводит к негативным последствиям (0,04)*, *находится в состоянии упадка (0,02)*, *ее принуждают принять против желания (0,02)*, *принуждает к смирению, в т. ч. с негативными явлениями (0,02)*, *проявляется в безразличии (0,02)*, *может отсутствовать (0,02)*, *с ней необходимо бороться (0,02)*, *снисходительность, мягкость сверх имеющихся возможностей (0,01)*, *проявляется в виде обмана (0,01)*, *в России ее недостаточно (0,01)*, *отсутствие сопротивления (0,01)*, *проявляется в отрицании нормы (0,01)*, *проявляется в принятии негативных явлений (0,01)*, *проявляется в нетерпимости (0,01)*, *является оружием (0,01)*, *может нарушаться (0,01)*, *проявляется в нежелании видеть правду (0,01)*, *старается казаться человеколюбием (0,01)*, *не является средством от всех бед (0,01)*, *является проявлением*

слабости (0,01), *является проблемой в США (0,01)*. Причем признак *к ней проявляется резко отрицательное отношение (0,10)*, имеющий наибольший индекс яркости и входящий в ядро исследуемого концепта, обладает негативной оценочностью. Данный факт говорит об изменении отношения носителей языка к такому явлению, как толерантность, в сторону негативной оценки.

11. Доля позитивно-оценочных когнитивных признаков составляет 43 признака, или 65,0 % общего количества признаков (66), зафиксированных в 2014–2016 гг. Это такие признаки, как: *может проявляться в разной степени (0,10)*, *воспитывается с помощью разных педагогических приемов (0,10)*, *есть на Западе (0,04)*, *проявляется по отношению к другому (0,03)*, *заключается в непроявлении эмоций (0,02)*, *проявляется властью по отношению к гражданам (0,02)*, *недопустима к нарушению закона (0,02)*, *ее распространяют разными способами (0,02)*, *есть в России (0,02)*, *принятие многообразия форм самовыражения (0,02)*, *проявляется по отношению к другой культуре (0,02)*, *является религией (0,02)*, *соблюдение политических прав человека (0,02)*, *снисходительность, мягкость по отношению к другому (0,02)*, *является принципом (0,01)*, *является доминирующим направлением в общественном мнении (0,01)*, *понимание многообразия форм самовыражения (0,01)*, *проявляется в позитивном взаимодействии (0,01)*, *почтительное отношение (0,01)*, *за нее надо бороться (0,01)*, *человеколюбие (0,01)*, *является идеей (0,01)*, *является ценностью (0,01)*, *управляет жизнью страны (0,01)*, *личное дело каждого (0,01)*, *проявляется между народами (0,01)*, *есть в США (0,01)*, *обладает символами (0,01)*, *имеет ограничения (0,01)*, *обладает стандартами (0,01)*, *проявляется в обществе (0,01)*, *проявление доброты (0,01)*, *побеждает (0,01)*, *является необходимой (0,01)*, *проявление либерализма (0,01)*, *формируется у*

здоровых людей (0,01), бывает разных видов (0,01), проявляется по отношению к религии (0,01), приводит к положительному результату (0,01), ей посвящены культурные центры (0,01), невраждебность (0,01), умение скрывать мысли (0,01), имеет предпосылки в животном мире (0,01). Следовательно, концепт «толерантность» в сознании носителей русского языка является позитивно-оценочным.

Таким образом, широкое номинативное поле и высокая текстовая рекуррентность, а также объемное (= разноаспектное) когнитивное содержание, в котором можно выделить ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферии, свидетельствуют о том, что исследуемый концепт обладает выраженной коммуникативной релевантностью для русского языкового сознания. Тот факт, что в результате диахронического сравнения были обнаружены стабильные когнитивные признаки, позволяет говорить об укоренении концепта в сознании носителей языка. Однако появление большого количества новых когнитивных признаков и исчезновение ранее зафиксированных признаков указывает на то, что в последнее время исследуемый концепт подвергается переосмыслению в народном сознании, т. е. находится в развитии, динамике. Нельзя не обратить внимание и на то, что вследствие определенных изменений в социально-экономической и политической жизни как российского, так и европейского общества понимание носителей русского языка содержания концепта «толерантность» все более и более движется в отрицательную сторону, поскольку в семантическом объеме концепта накапливаются, как мы пытались показать, негативные когнитивные признаки. Вместе с тем подчеркнем, что в современной русской картине мира позитивная оценка толерантности все-таки преобладает. А значит, рассматриваемый концепт остается в зоне позитивных ценностных смыслов русского сознания.

Список источников

Аргументы и факты // 2014–20.08.16. URL: <http://www.aif.ru> (дата обращения: 25.08.16).
Версия // Федеральный выпуск. 2014–01.09.2016. URL: <https://versia.ru/search/?q=толерантность> (дата обращения: 20.08.2016).
Известия // 2014–15.08.16. URL: <http://izvestia.ru/search?search=толерантность> (дата обращения: 30.08.16).
Коммерсант.ru // Издательский дом Коммерсантъ. 2014–25.08.2016. URL: <http://www.kommersant.ru> (дата обращения: 28.08.2016).

Список литературы

Аболин Б. И. Концепт «толерантность» в когнитивно-дискурсивном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 12 с.
Бабушкин А. П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. С. 52–57.
Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2001. 123 с.
Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.
Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 208 с.
Журенков К., Пушкарская Е. Со всеми на «я» // Ъ-Огонек: сайт. 2015. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2785887> (дата обращения: 24.08.16).
Ли Же. Толерантность // Антология концептов. Волгоград: Парадигма, 2009. Т. 7. С. 70–79.
Неровная Н. А. Концепт «толерантность» в публицистических источниках на русском и английском языках // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология и журналистика. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2008. № 2. С. 84–87.
Неровная Н. А. Национальная специфика лексико-фразеологической объективации близких по содержанию концептов (на материале концептов *толерантность*, *терпимость* в русском и английском языковом сознании): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 252 с.
Неровная Н. А. Тематический текст как средство объективации концепта «толерантность» в русском и английском языках // Сопоставительные исследования, 2013. Воронеж: Истоки, 2013. Вып. 10. С. 113–116.
Попова З. Д. Из истории когнитивного анализа в лингвистике // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. С. 7–17.
Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2002. 59 с.
Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2003. 191 с.
Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007. 252 с.
Рудакова А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика. Воронеж: Истоки, 2004. 80 с.

Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Перемена, 2004. 328 с.

Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. С. 58–65.

Сумина Е. С. Толерантность: от феномена к лингвокультурному концепту: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 21 с.

References

Abolin B. I. *Kontsept «tolerantnost'» v kognitivno-diskursivnom aspekte*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [The concept "tolerance" in the cognitive and discursive aspect. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2009. 12 p. (In Russ.)

Babushkin A. P. *Kontsepty raznykh tipov v leksike i frazeologii i metodika ikh vyyavleniya* [Concepts of different types in lexis and phraseology and methods of their identification]. *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological issues of Cognitive Linguistics]. Voronezh, Voronezh State University Press, 2001, pp. 52–57. (In Russ.)

Boldyrev N. N. *Cognitivnaya semantika*. [Cognitive semantics]. Tambov, Tambov State University Publ., 2001. 123 p. (In Russ.)

Kubryakova E. S. *Ob ustanovkakh kognitivnoy nauki i aktual'nykh problemakh kognitivnoy lingvistiki* [To the questions of cognitive science foundations and current problems of cognitive linguistics]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2004, issue 1, pp. 6–17. (In Russ.)

Kubryakova E. S. *V poiskakh sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya*. [In the search for the essence of language: Cognitive research]. Moscow, Znak Publ., 2012. 208 p. (In Russ.)

Zhurenkov K., Puskarskaya E. *So vsemi na «ya»* [On "I" with everybody]. *Ogonyok*. 2015. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2785887> (accessed 24.08.2016). (In Russ.)

Li Zhe. *Tolerantnost'* [Tolerance]. *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts]. Volgograd, Paradigma Publ., 2009, vol. 7, pp. 70–79. (In Russ.)

Nerovnaya N. A. *Kontsept «tolerantnost'» v publitsisticheskikh istochnikakh na russkom i angliyskom yazykakh* [The concept "tolerance" in the Russian and English language publicistic sources]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya i zhurnalistika* [Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism], 2008, issue 2, pp. 84–87. (In Russ.)

Nerovnaya N. A. *Natsional'naya spetsifika leksiko-frazeologicheskoy ob'ektivatsii blizkikh po sodержaniyu kontseptov (na materiale kontseptov «tolerantnost'», «terpimost'») v russkom i angliyskom yazykovom soznanii*. Diss. kand. filol. nauk [National specificity of lexical and phraseological objectivation of similar content concepts (on the material of the concepts "tolerance", "indulgence" in the Russian and English language consciousness). Cand. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2009. 252 p.

Nerovnaya N. A. *Tematicheskii tekst kak sredstvo ob'ektivatsii kontsepta «tolerantnost'» v russkom i angliyskom yazykakh* [Thematic text as a means of objectivation of the concept "tolerance" in the Russian and English languages]. *Sopostavitelnye issledovaniya 2013* [Comparative researches 2013]. Voronezh, Istoki Publ., 2013, issue 10, pp. 113–116. (In Russ.)

Popova Z. D. *Iz istorii kognitivnogo analiza v lingvistike* [From the history of cognitive analysis in linguistics]. *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological issues of cognitive linguistics]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2001, pp. 7–17. (In Russ.)

Popova Z. D., Sternin I. A. *Yazyk i natsionalnaya kartina mira* [Language and the national picture of the world]. Voronezh, Istoki Publ., 2002. 59 p. (In Russ.)

Popova Z. D., Sternin I. A. *Ocherki po kognitivnoy lingvistike* [Essays on cognitive linguistics]. Voronezh, Istoki Publ., 2003. 191 p. (In Russ.)

Popova Z. D., Sternin I. A. *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic and cognitive analysis of language]. Voronezh, Istoki Publ., 2007. 252 p. (In Russ.)

Rudakova A. V. *Kognitologiya i kognitivnaya lingvistika* [Cognitive science and cognitive linguistics]. Voronezh, Istoki Publ., 2004. 80 p. (In Russ.)

Slyshkin G. G. *Lingvokulturnye kontsepty i metakontsepty* [Linguo-cultural concepts and metaconcepts]. Volgograd, Peremena Publ., 2004. 328 p. (In Russ.)

Sternin I. A. *Metodika issledovaniya struktury kontsepta* [Concept structure research methodology]. *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological problems of cognitive linguistics]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2001, pp. 58–65. (In Russ.)

Sumina E. S. *Tolerantnost': ot fenomena k lingvokulturnomu kontseptu*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Tolerance: from phenomenon to the linguo-cultural concept. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2007. 21 p. (In Russ.)

DIACHRONIC COMPARISON OF THE CONCEPT “TOLERANCE” CONTENTS IN THE RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS

Nadezhda A. Nerovnaya

Associate Professor in the Department of Foreign Languages

Russian Air Force Military Educational and Scientific Center

“Air Force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin” (Voronezh)

54 A, Starykh Bolshevikov st., Voronezh, 394064, Russian Federation. nnerovnaya@yandex.ru

SPIN-code: 3606-0070

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8782-0903>

ResearcherID: B-1128-2017

The article presents a diachronic semantic and cognitive analysis of the concept “tolerance” in the Russian language consciousness. The data obtained as the result of the analysis of thematic and publicistic sources in 2007–2009 and 2015–2016 are compared. The data concerning stable cognitive signs, new cognitive signs and signs which are not detected any more in the latest research are cited. Field stratification of the concept based on the latest data is suggested – a nucleus, close, far and extreme peripheries are defined depending on the cognitive signs intensity index. Special attention is paid to the increased index of negative appraisal, which is the testimony to the fact that the attitude of the Russian language native speakers to the concept has negatively changed. However, in conclusion it is stated that the positive appraisal of the conceptual sense prevails. The concept “tolerance” in the Russian language consciousness is characterized by a wide scope of interpretation. It is dynamic as it is changing its semantic structure at the present moment.

Key words: cognitive linguistics; semantics, concept; cognitive sign; field stratification.

УДК 81'37: 392.8
doi 10.17072/2037-6681-2017-2-47-54

ЩИ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ: КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ СИМВОЛИКА¹

Ксения Викторовна Осипова

к. филол. н., старший научный сотрудник топонимической лаборатории
кафедры русского языка и общего языкознания

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
620000, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. osipova.ks.v@yandex.ru

SPIN-код: 9505-1715

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2285-6112>

ResearcherID: F-4554-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Осипова К. В. Щи на Русском Севере: культурно-языковая символика // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 2. С. 47–54. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-47-54

Please cite this article in English as:

Osipova K. V. *Shchi* na Russkom Severe: kul'turno-yazykovaya simvolika [*Shchi* in the Russian North: Cultural and Linguistic Symbolism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 2, pp. 47–54. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-47-54 (In Russ.)

В статье реконструируется культурно-языковая символика *щей* на материале говоров Русского Севера (Архангельская и Вологодская области, а также северо-восток Костромской области). Статья включает лексические материалы, почерпнутые из опубликованных словарных источников, а также лексических картотек Словаря говоров Русского Севера и Топонимической экспедиции Уральского университета. Обычно *щами* крестьяне называли мясной суп с добавлением ячменной или овсяной крупы, а также суп из квашеной капусты. Фонетические формы *щи* и *шти* в говорах могут встречаться и на одной территории, но при этом их значения дифференцируются. На Русском Севере щи принадлежали к основной части рациона – их варили и как повседневное, и как праздничное блюдо, варьируя состав ингредиентов. В говорах различались *щи* и все прочие более жидкие супы, которые относились к разряду *похлебок*. Щи употреблялись за любой трапезой как в богатых, так и бедных домах. Капустные щи были самой привычной пищей и символизировали однообразие крестьянского рациона, могли рассматриваться как прототип всякой пищи. Щи подавали дома как часть праздничного угощения: на свадьбе совместное употребление щей означало согласие и породнение семей; *щи* символически были связаны с домом, с которым прощалась невеста. Благодаря яркому звуковому облику слова *щи* возникли присловья, основанные на рифме *щи* – *полощи*, *щи* – *шли* и называющие жидкую похлебку. Простота приготовления и незатейливость состава щей определили появление фразеологизмов *как шти варит* ‘запросто, непринужденно’ или *щи похлевать* ‘плохо, бессмысленно’. Во фразеологизме *шти пролить* ‘упасть’ слово *щи* используется как эвфемизм по отношению к соматизму *кровь*.

Ключевые слова: Русский Север; диалектная лексикология; этнолингвистика; семантика; мотивация; традиционная пища.

На Русском Севере щи относились к основной части рациона – их ценили за простоту приготовления и питательность, а потому варили и как повседневное, и как праздничное блюдо, варьируя состав ингредиентов. Обычно *щами* крестьяне называли мясной суп с добавлением ячменной или овсяной крупы, который скорее напоминал

жидкую кашу, чем суп. По замечанию Г. Н. Потанина о рационе г. Никольска Вологодской губ., «щами здесь называют жидкую овсяную кашу, одно из обыкновеннейших блюд, в особенности в скоромные дни; часто любят есть ее простуженную» [Шалимова и др. 2010: 15]. В некоторых районах под *щами* подразумевали суп с капустой.

Предлагаемая статья является частью проекта, направленного на комплексное этнолингвистическое изучение пищи Русского Севера: выявление состава традиционного рациона, особенностей приготовления и употребления блюд, а также их культурно-языковой символики. Исследование диалектной лексики опирается на принципы этнолингвистического анализа, разрабатываемые Е. Л. Березович и ее учениками [см., например: Березович 2007, 2014; Леонтьева 2015; Атрошенко 2012; Кривошапова 2007 и др.]. Следуя тезису о том, что интерпретация семантико-мотивационных связей отдельной лексической группы позволяет реконструировать особенности видения соответствующего фрагмента действительности, мы рассмотрим слово *щи* и его семантико-словообразовательные производные. Представленные в статье лексические, фольклорные и обрядовые данные дают возможность раскрыть культурно-языковую символику *щей*, характерную для севернорусской традиции: роль щей в составе традиционного рациона и варианты приготовления, архаические черты и инновации в значении слова *щи*, его текстовые и обрядовые функции.

Исследование включает лексические материалы, почерпнутые из словарей, охватывающих соответствующие севернорусские территории (АОС, СВГ, СГРС и др.); из картотеки Словаря говоров Русского Севера и лексической картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета. В работе представлены диалектные данные по Архангельской и Вологодской областям, а также северо-востоку Костромской области (северная часть Шарьинского района, Вохомский, Октябрьский, Павинский районы, ранее относившиеся к Вологодской области)².

В севернорусских говорах встречаются фонетические варианты *щи* и *шти*, которые иногда употребляются на одной территории, при этом их значения могут дифференцироваться: так, в Кичменгско-Городецком районе Вологодской обл. было записано и *шти* 'суп из овсяной крупы с мясом' и *щи* 'суп из квашеной капусты': «Щи – это щи, а шти – это шти. Щи – это как рассольник с капустой, а шти – это мясо, вода и крупа» [КСГРС].

«Кулинарная» семантика слова *щи* в говорах довольно расплывчата, однако можно выделить несколько сквозных линий. Согласно диалектным записям последних лет, сейчас название *щи* или *шти* воспринимается как **синоним общеродного суп**, однако оно встречается преимущественно в речи старшего поколения: «Любой суп у нас называли шти» (костром. шар.) [ЛКТЭ], «У нас всё шти – когда с мясом, когда так, похлебка» (арх. лен.) [КСГРС], «Ноне-ти всё суп, а

раньше шти» (волог. к-г.) [СВГ 12: 115]. Обычно *щи* варили довольно густыми, с добавлением крупы, что отличало их от прочих жидких кушаний, которые чаще всего объединялись названиями с корнем *хлеб-*: *похлёбка* (общенар.), *хлебáло* (арх. вель.), *хлебня́* (волог. сок.) [СВГ 11: 187, 188], *похлебёнька*, *похлебёнка* (волог. шир. распр.) [СВГ 8: 23]; *вар-*: *варево*: «“Суп”-от не говорили. Свари хоть варево! С грибами варево, с картошкой» (костром. шар.) [ЛКТЭ]. В говорах дифференцировались *щи* и все прочие супы, которые относились к разряду похлебок. От других жидких кушаний *щи* отличала довольно густая консистенция, а также обязательная варка, в то время как многие жидкие блюда готовили, просто заливая ингредиенты водой или квасом: ср. названия подобных похлебок быстрого приготовления – *болтанка* (арх. карг.) [АОС 2: 76], *мурцовка* (волог. сок.) [СВГ 5: 10], *рощекóлда* (волог. шир. распр.), *тюря* (костром. окт.) [ЛКТЭ], *тяпушка* (волог. гряз.) [СВГ 11: 93]. Мясо и крупа, которые были непременными компонентами щей, отличали их от «пустых», жидких похлебок, которые обыкновенно варились на воде с картошкой и луком, например, таких, как *варенец* (волог. у-куб., костром. пав.) [СГРС 2: 26; ЛКТЭ], *лушиха* (костром. вохом.), *рататуй* (костром. окт.), *супарница* (костром. окт.) [ЛКТЭ]. (Подробнее о семантико-мотивационных особенностях наименований пустых супов см.: [Березович, Осипова 2014а, б].)

В большей части Вологодской обл. под *щами* подразумевали **мясной суп**, а **постную похлебку с крупой** и картофелем называли *щи-крупянка* (сок.) [СВГ 12: 115], *товстые щи* 'толченый ячмень, сваренный в воде' [КСРНГ]. В Архангельской области похлебка с ячменной мукой или крупой называлась уст. *житные щи*, мез. *жидкие шти* [АОС 14: 163, 78]. Обязательность крупы как главного ингредиента щей определила появление названия *штикаша* 'густые щи, с большим количеством крупы': «Это не каша, а штикаша, на шти больше походит» (арх. леш.) [КСГРС]. На севере Вологодской и в Архангельской области *щи* могли обозначать похлебку на воде только с мясом и солью, куда иногда добавляли немного крупы или размятого картофеля (вин.) [Ефименко 1: 71, 72], ср. *шти* 'мясной суп': «У нас все шти, когда с мясом, когда так – похлебка» (арх. лен.), «Шти-то – одно мясо да картошка» (арх. в-т.), «В шти картошку-то не клали, мясо да крупы овсяной положат» (волог. в-уст.) [КСГРС]. Такие мясные щи были знаком достатка хозяев: «Раньше кто богатый, в шчи и картошки не ложил – одно мясо» (арх. лен.) [СГРС 1: 95]. В районах, где основу рациона составляла рыба, щи варили с сушеной ры-

бой и крупой (олон., кем. с пометой «у корелов») [Куликовский: 140; Подвысоцкий: 194] в противоположность *ухе*, которую готовили из свежей рыбы.

Противопоставление щей как достаточно **густого, сытного блюда** и жидких, пустых похлебок находит объяснение в свете этимологической семантики слова *щи*. Согласно наиболее распространенной версии современная форма *щи* восходит к др.-рус. *шти* и, вероятно, реконструируется как *сътъ*, мн. *съти*, первоначально ‘питательный напиток’ или ‘жидкое кушанье’, – эта же основа представлена в словах *соты* и *сытый* [ТСРЯ, а также Фасмер IV: 506; Черных 2: 435]. Из этого следует, что историческое значение *щей* было связано с понятием сытости: так называли питательное жидкое блюдо, которое приносит насыщение. Семантику ‘сытный, питательный’, ‘густой (в отличие от жидких, водянистых похлебок)’ сохранили диалектные значения слова *щи*: так, помимо лексем, приведенных выше, в вологодских говорах находим, например, обозначения мучных похлебок – *щи по-кисельному* ‘похлебка из кваса и ржаной муки’, *щи стёганые* ‘овсяный кисель’ (волог. кир.) [СВГ 12: 115]. Наблюдения И. С. Лутовиновой над семантикой рус. *щи*, основанные на материале памятников древнерусской письменности, а также русских говоров Псковской обл., Карелии и Низовой Печоры, подтверждают выводы о том, что изначально *щи* – ‘то, что насыщает, делает сытным’, а значение ‘суп из капусты’ является более новым (с XVII в.): «Слово *шти* в памятниках древнерусской письменности известно с XVI в. в значении “жидкое кушанье, род супа”. О том, что оно с капустой, упоминания нет, скорее оно с рыбой...»; «Для мотивировки названия *щи* капуста не имела, по видимому, основного значения. Главное – это мучная добавка, подболтка, которая исконно добавляется в это блюдо. “Шши у нас с капустой, а патом закалачивают мукой”» [Лутовинова 2005: 64–66].

Иногда *щи* как название супа с мясом противопоставлялись однокоренным наименованиям постной крупяной похлебки *штиница* ‘суп из перловой крупы с картошкой’ (арх. вин.), ‘каша из ячневой крупы’ (арх. кон.) [КСГРС], а также уменьшительным формам *штечки* (волог. тарн., костром. окт.) [ЛКТЭ; СВГ 12: 115] или *штеицьки* ‘суп из круп с примесью овощей или рыбы’ (карел. беломор.) [Дуров: 447], «Так-то шти, а постные – штечки» (костром. окт.) [ЛКТЭ]. В связи с этими примерами можно предположить, что череповецкое присловье *Щи да щечки, да щи в горшочке* [Тенишев 7(2): 201] обыгрывает однокоренные названия мясного и

постного супов *щи* и *щечки*, употребление которых составляло основу рациона.

По времени приготовления – в посты или дни без пищевых ограничений – различались *щи постные* и *скоромные*: *щи постные* ‘суп без мяса с овсяной крупой и картофелем’ (волог. шир. распр., костром. вохом.) [ЛКТЭ; СВГ 12: 115]: «В постные дни шти постные варили на овсяной крупе» (костром. вохом.) [ЛКТЭ] – *щи скоромные* ‘мясной суп с крупой’ (волог. сямж.) [СВГ 12: 115]. Контаминацией *молосный* ‘скоромный’ и *молочный* ‘содержащий молоко’, скорее всего, объясняется название *щи молочные* ‘мясной суп’ (волог. сок.) [там же]. В Пинежском районе Архангельской обл. по наличию/отсутствию мяса противопоставлялись *говяжьши* и *пустые щи* [Ефименко 1: 68, 69], они же *пустоварные шти* [КСГРС]. В голодное время или в период постов такие щи могли варить только из воды и капусты, для улучшения вкуса добавляя в них постное масло, острый перец, редьку или чеснок (череп.) [Тенишев 7(2): 313].

По цвету различались *белые, серые и зелёные щи*: состав этих супов менялся в зависимости от территории. В Архангельской области *белыми* называли щи с добавлением молочных продуктов: *белые щи* ‘щи без мяса, сваренные на пахте’ (лен.) [СГРС 1: 95], ‘суп с ячменной крупой, забеленный сметаной’ (пин.) [Ефименко 1: 69], ср. диал. шир. распр. *забелить* ‘заправить молоком, сметаной и пр.’ [КСГРС; ЛКТЭ]. В Костромской обл. *белыми* считались щи из минимума компонентов – лука, картошки и мяса, без добавления капусты: «Белые шти, ничего в их нету, лук, картошка да мясо» (окт.) [ЛКТЭ]. В Вологодской обл. *белые щи* варились из кочанной, белой капусты, *серые* – из ее зеленых листьев, а *зелёные* – из квашеной капусты: «Серые шчи – из хряпы, а белые шчи – из клубня» (чаг.) [СГРС 1: 95]; «Зелёные щи вот как готовили: клубок капусты заварим, изрубим; мучки ржаной сыпнем, две ночи покиснет и наварим их с мясом; кисленькие они получаются» (кад.) [СГРС 4: 261]. Щи из капусты, которую предварительно обваривали и заквашивали с мукой, называли также просто *щи, шти*: «У нас тут все почти рубят шчи» (волог. устюж., арх. в-г., кон., лен., пин.) [КСГРС]. Поскольку основу таких щей составляла капуста, за ней закрепилось название *щи*: «Самый важный запас из огородного есть капуста, или попросту “щи”. Капусту щами зовут потому, что из нее преимущественно варят щи. Осенью, когда капуста “дошла”, т. е. совсем поспела, ее срубуют и тут же на огороде разводят огонь, подвешивают над ним громадный котел с водой. Когда вода закипит, в нее опускают кочаны, очищенные от старых и гнилых листьев, и варят. Сварившуюся

до мягкости капусту вынимают из котла вилами и, пересыпая солью, кладут в чаны, или большие кадки. В кадках капуста закисает, ее зимою выносят на мороз и, по мере надобности, рубят на щи» (череп.) [Тенишев 7(2): 312].

Роль щей в застолье

Щи могли употребляться за любой трапезой как в богатых, так и в бедных домах. Их подавали дома как часть праздничного угощения, в этом случае щи сопровождалась выпивкой – *Перед щами и нищий пьет* (череп.) [там же: 145, 200]. В постные праздничные дни их готовили с рыбой. Мясные щи, как и кашу, в больших котлах, вмещающих 10–15 ведер, варили на крупные церковные праздники; продукты для них жертвовали богатые прихожане (волог. череп.) [там же: 43]. Щи как часть угощения для гостей упоминаются в частушках: «*Наливай-ко, мамка, щтей, я привел товарищей!*» (волог. ник.) [Шалимова и др. 2010: 15] и в прибаутках – шутиливых формах благодарения хозяина гостем: «*Благодарим за хлеб за соль, за щи спляшем, за кашу песенку споем, а за кисло молоко выскочим высоко...*» (арх.) [Ефименко 1: 139].

Капустные щи были самой привычной пищей и символизировали однообразие крестьянского рациона, ср. *Шти капусте замена, капуста особая перемена* (арх.) [Ефименко 2: 250], *Голодному Федоту и щи в охоту* (волог. череп.) [Тенишев 7(2): 201]. Щи считались тем пищевым минимумом, на который должно хватать средств у самых бедных крестьян; ср. отрывок из разговора хозяйна с гостем-промышленником: «Эх, брат, ты разве не знаешь, что при ваших заработках только нищим и пить чай. А вам, надо полагать, не только на чай, а и на щи по нынешним заработкам не достать. – Это правда, уж истинная правда! – соглашается хозяин» (волог. череп.) [Тенишев 7(2): 96]

Регулярность приготовления щей определила наличие специальной посуды – горшков для варки: *штённик* (костром. вохом.) [ЛКТЭ], *штенной горшок* (карел. беломор.) [Дуров: 447], *штённик*, *штільник* (арх. в-т.) [КСГРС]. Любителей есть щи называли *штенник* (карел. беломор.) [Дуров: 447], арх. холм. *штёйник* [Грандильевский: 301]. Щи могли рассматриваться как прототип всякой пищи: так, в Мезенском р-не Архангельской обл. женщину, вообще занимающуюся приготовлением пищи, называли *штённица* [Подвысоцкий: 194].

Развитие переносных значений

Яркий звуковой облик слова *щи* послужил толчком к появлению присловий, основанных на рифме *щи* – *полощи*, *щи* – *шли* и называющих жидкую похлебку: *Щи – хоть портянки полощи*

(карел. беломор., арх., волог.) [Дуров: 447; КСГРС], *Эти щи из Питера пеши или* (северное) [Бурцев 1902 (1): 347]. Здесь можно вспомнить, что названия жидких блюд и напитков нередко связаны с мотивом «хождения по воде», ср.: *Эти щи по заречью или, да по воде к нам пришли* [Даль 4: 657]; *Квас вор: воду в жбан свел, а сам ушел ‘о жидком квасе’* [Даль 3: 713]. Возможно, с мотивом «убегания» жидкого супа связано поверье пинежских крестьян о том, что в щи обязательно нужно «крошить крошево» (хлеб), иначе убежит жена [Ефименко 1: 174]: крошки делают щи густыми, затрудняя «побег».

Жидкие щи, символизирующие скупость и негостеприимство хозяев, становились частью анекдотов, в которых жадная хозяйка наказывалась за то, что пожалела скоромной заправки для щей: «*Зашел солдат в одну избу в деревне и попросил у хозяйки поесть. Та нашла ему чашку пустых щей. “Хотя бы маслица подлила”, – говорит солдат. Хозяйка капнула две капли. “Эх, – говорит солдат, – я хотел тебе за каждую звездочку, что плавает в щах, по копейке заплатить, а тут только две плавает, – не знаю, найдется ли у меня мелочи”. Хозяйке захотелось побольше получить с солдата, и она бух целую бутылку во щи. Масло покрыло все щи, но наверху стала одна только звезда. Выхлебал солдат щи и отдал хозяйке одну копейку*» [Тенишев 7(2): 207]. Мотив, сопоставляющий капли масла на поверхности супа со звездами и, как следствие, втягивающий в номинативный ряд образы военных, обычно встречается в названиях жидких похлебок, ср.: *ни блёзочки, ни звёздочки ‘о пустом супе’* (костром.), *суп «майор» ‘очень жидкий суп (одна блестка жира похожа на одну звезду майора)’* (армейский жаргон), *щи с прозументом ‘щи с разводами жира или сала’* (петерб.) [Березович, Осипова 2014б: 223].

Простота приготовления, незатейливость состава и повседневное употребление щей определили значение фразеологизмов *как шти варит* ‘запросто, непринужденно’: «Геннадий к нам едет как шти варит» (волог. к-г), *щи похлебать* ‘плохо, бессмысленно’: «С мужем всю жизнь прожила, что щи похлебала» (волог. кад.) [КСГРС].

Значение, далекое от «пищевой» семантики, развивает костромское выражение *шти пролить* ‘о чем-либо, произошедшем с человеком внезапно: упасть, заболеть, умереть и пр.’: «Шти пролил – это значит больно быстро что-то случилось. Это если что-то сделал человек, не природа, а человек – как шти пролил. Нет, про природу этак не говорят. Если человек внезапно заболел – ой, говорят, как шти пролил, что-то у него случилось такое»; «Как шти пролил – внезапно упал, неожиданно; или умер человек – как шти

пролил» (вохом.) [ЛКТЭ]. Семантика фразеологизма *шти пролить* соотносится исключительно с действиями человека, причем, как следует из контекстов, физического характера³. Аналогичные примеры находим и на других северных территориях; ср.: *как штей пролить* ‘резко, неожиданно упасть’: «Пала я сѣдни, головой сильно ударилась, как штей пролила»; «В лоб попадѣшь – он как шти прольѣт, сразу легѣт» (перм.) [Прокошева: 296; СРГКПО: 213]. Поскольку сквозным мотивом в большинстве контекстов является мотив падения, удара, рискнем предположить, что фразеологизм носит эвфемистический характер по отношению к *кровь пролить*, а слово *щи* в нем заменяет упоминание крови. Для сравнения можно привести выражения, в которых кровь «шифруется» через образ жидкой пищи, напитка: *пролить щи* ‘пустить кровь’: «Подерутся; Петр как хватил его, так он и щи пролил» (оренб.) [Малеча 4: 505], *юшка* ‘кровь из носу, от удара’ (литер.) [ССРЛЯ 17: 2012], *квас* (*квас клюквенный*) ‘кровь, кровоточащая рана’ (уголовный и молодежный жаргон) [БСРЖ: 249], а также польское *czzerwona polewka* <красная похлебка> ‘шутл. человеческая кровь’ (диал.) [Karłowicz 4: 235], *barszcz czerwony* <красный борщ> ‘mensis’ (жаргон) [Tuftanka 1993: 12].

Семейные обряды

Щи готовили к свадебной трапезе. На этапе сватовства щи варили в доме невесты в качестве угощения желанным сватам, о чем свидетельствует шутливый диалог хозяев со сватами: «*Ждали ли вы гостей?*» – «*Ждали.*» – «*Варили ли горшок щей?*» – «*Варили два.*» – «*А наши ребята-хлебаки придут из реки, выхлебают и три...*» (костром.) [Тенишев 1: 200]. Щи, приготовленные невестой, были символом родного дома, с которым она прощалась, ср. фрагмент вологодского свадебного причитания: «*Ой, у родимые мамушки, Ой, мои хлебы прилился, Ой, мои щи прихлебались*» (ник.) [Шалимова и др. 2010: 15]. Совместное употребление щей символизировало согласие на брак и породнение семей: на Мезени, когда дело доходило до рукобитья, выносили на стол щи, накрывали их тарелкой и объявляли имя поварахи (арх. *штиннища*), которая должна была поцеловаться со всеми сидящими, и только после этого начинали есть [Ефименко 1: 130]. В доме невесты дружка выносил на стол щи, непременно с костью и мясом, и приговаривал: «*Катится, валится свадебное мясо на столы белодубовы, на скатерти клитчатые! Вот вам шти несут!*» (ник.) [Шалимова и др. 2010: 15]. В Череповецком у. Новгородской губ. щи с говядиной обязательно подавали на свадебный ужин [Тенишев 7(2): 597].

Современные диалектные значения слова *щи* и его дериватов сохраняют память о его этимологической семантике ‘сытное, питательное жидкое блюдо’: на Русском Севере *щами* до сих пор называют густую похлебку с крупой и мясом, в приморских регионах – с сушеной рыбой. Несколько реже *щи* обозначают суп с капустой и саму капусту, обычно заквашенную, заготовленную на зиму для варки щей. На некоторых территориях противопоставляются значения фонетических и словообразовательных форм слова *щи*: *щи* – *шти*, *щи* – *штинница*, *щи* – *шечки*.

Щи являлись настолько привычным блюдом крестьянской трапезы, что символизировали однообразие и скудость крестьянского рациона. Тем не менее они готовились и как праздничное угощение: в этом случае они обязательно варились густыми, с крупой и мясом. Для вторичной языковой семантики слова *щи* и его дериватов характерны мотивы простоты и незатейливости (ср. выражение *как шти варит*). Во фразеологизмах, обыгрывающих образ пролитых щей, слово *щи* используется как эвфемизм по отношению к соматизму *кровь*. В обрядовой сфере щи были элементом свадебных ритуалов: их варили в качестве угощения желанным сватам, совместное употребление щей символизировало согласие и породнение семей, щи символически были связаны с домом, с которым прощалась невеста.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

² Сведения о географии языковых и культурных фактов включают информацию об области и районе распространения. Районы не указываются лишь в том случае, когда они не приводятся в источнике.

³ Тем не менее мотив пролитых щей можно встретить в севернорусской топонимии, ср. название ручья Щи: «Туда кто-то щи пролил». Как предполагает Е. Л. Березович, «ситуативные мотивировки винных, квасных и т. п. гидронимов могут быть связаны по своему происхождению с мифом, который растворяется в позднейших переосмыслениях» [Березович 2002: 160].

Сокращения

арх. – архангельское
 беломор. – Беломорский р-н Республики Карелия
 вель. – Вельский р-н Архангельской обл.
 вин. – Виноградовский р-н Архангельской обл.
 волог. – вологодское

вохом. – Вохомский р-н Костромской обл.
в-т. – Верхнетоемский р-н Архангельской обл.
в-уст. – Великоустюгский р-н Вологодской обл.
гряз. – Грязовецкий р-н Вологодской обл.
кад. – Кадуйский р-н Вологодской обл.
карг. – Каргопольский р-н Архангельской обл.
к-г. – Кичменгско-Городецкий р-н Вологодской обл.
кем. – Кемский р-н Республики Карелия
кир. – Кирилловский р-н Вологодской обл.
кон. – Коношский р-н Архангельской обл.
костром. – Костромская обл.
лен. – Ленский р-н Архангельской обл.
мез. – Мезенский р-н Архангельской обл.
ник. – Никольский р-н Вологодской обл.
окт. – Октябрьский р-н Костромской обл.
олон. – Олонецкая губерния
оренб. – оренбургское
пав. – Павинский р-н Костромской обл.
перм. – пермское
петерб. – петербургское
пин. – Пинежский р-н Архангельской обл.
сок. – Сокольский р-н Вологодской обл.
сямж. – Сямженский р-н Вологодской обл.
тарн. – Тарногский р-н Вологодской обл.
у-куб. – Усть-Кубинский р-н Вологодской обл.
уст. – Устьянский р-н Архангельской обл.
устюж. – Устюженский р-н Вологодской обл.
холм. – Холмогорский р-н Архангельской обл.
чаг. – Чагодощенский р-н Вологодской обл.
череп. – Череповецкий р-н Вологодской обл.
шар. – Шарьинский р-н Костромской обл.
шенк. – Шенкурский р-н Архангельской обл.

Список источников

АОС – *Архангельский* областной словарь / под ред. О. Г. Гецово́й. М.: Изд-во МГУ, 1980–2015. Вып. 1–16 (издание продолжается).

БСЖ – *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000. 717 с.

Бурцев 1902 (1) – *Обзор* русского народного быта Северного края. Его нравы, обычаи, предания, предрассудки, притчи, пословицы, присловия, прибаутки, перегудки, припевы, сказки, присказки, песни, скороговорки, загадки, счеты, задачи, заговоры и заклинания / собир. А. Е. Бурцев. СПб.: Тип. Брокгауза-Ефрона, 1902. Т. I. Русские народные сказки. Пословицы.

Грандилевский А. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1907. 304 с.

Даль – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. Т. 1–4.

Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом приме-

нии. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2011. 453 с.

Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 1: Описание внешнего и внутреннего быта. Ч. 2. Народная словесность. М.: Типо-литография С. П. Архипова и К°, 1877–1878.

КСГРС – картотека «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета, Екатеринбург).

Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1898. 151 с.

ЛКТЭ – лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета, Екатеринбург).

Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 2002–2003. Т. 1–4.

Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1885. 198 с.

Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002. 431 с.

СВГ – *Словарь* вологодских говоров. Вологда: Изд-во ВГПУ «Русь», 1983–2007. Вып. 1–12.

СГРС – *Словарь* говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2014. Т. 1–6 (издание продолжается).

СРГКПО – *Словарь* русских говоров Коми-Пермяцкого округа / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРНГ – *Словарь* русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетова (вып. 23–42), С. А. Мызникова (вып. 43–46). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2013. Вып. 1–46 (издание продолжается).

ССРЛЯ – *Словарь* современного русского литературного языка / под ред. А. А. Шахматова. М.; Л.: Наука, 1948–1965. Т. 1–17.

Тенишев 1 – *Русские* крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы Этнографического Бюро князя В. Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004. 568 с.

Тенишев 7(2) – *Русские* крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. Т. 7: Новгородская губерния. Ч. 2: Череповецкий уезд. СПб., 2009. 624 с.

ТСРЯ – *Толковый* словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов /

отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2007. 1175 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1964–1973. Т. 1–4.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 2002. Т. 1–2.

Шалимова Н. Н. и др. Хлеб наш насущный: традиции никольского народного питания / Н. Н. Шалимова, Г. Ю. Костылева, В. М. Кокшарова, О. И. Рыжкова (Город не указан): МУК «Центр традиционной народной культуры, 2010. 56 с.

Karłowicz J. Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. Т. I–VI.

Tuftanka U. Zakazane wyrazy. Słownik sprośności i wulgaryzmów. Warszawa: Wydawnictwo “O”, 1993.

Список литературы

Атрошенко О. В. Русская народная хрономия: системно-функциональный и лексикографический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2012. 713 с.

Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. 488 с.

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.

Березович Е. Л., Осипова К. В. Названия некачественной пищи: пустой суп и некрепкий чай // Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014а. С. 255–267.

Березович Е. Л., Осипова К. В. «Что едим, так и жисть живем»: пустой суп и некрепкий чай в зеркале языка // Антропологический форум. 2014б. № 20. С. 218–239.

Березович Е. Л. «Пищевая» модель в гидронимии Русского Севера: метафора и миф // История русского слова: ономастика и специальная лексика Северной Руси / отв. ред. Ю. И. Чайкина; Вологод. гос. пед. ун-т, Вологда, 2002. С. 156–163.

Кривошапова Ю. А. Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении: дис. ... канд. филол. наук: Екатеринбург, 2007. 252 с.

Леонтьева Т. В. Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2015. 427 с.

Лутовинова И. С. Слово о пище русской. СПб.: Авалон, Азбука-классика, 2005. 288 с.

References

Atroschenko O. V. *Russkaya narodnaya khrononimiya: sistemno-funktsional'nyy i leksikograficheskiy aspekty*. Diss. kand. filol. nauk [Russian folk chrononymy: systemic-functional and lexicographic aspects. Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2012. 713 p. (In Russ.)

Berezovich E. L. *Russkaya leksika na obshcheshlavyanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian vocabulary in the general Slavic context: semantic-motivational reconstruction]. Moscow, Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2014. 488 p. (In Russ.)

Berezovich E. L. *Yazyk i traditsionnaya kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniya* [Language and traditional culture: ethnolinguistic studies]. Moscow, Indrik Publ., 2007. 600 p. (In Russ.)

Berezovich E. L., Osipova K. V. *Nazvaniya nekachestvennoy pishchi: pustoy sup i nekrepkoy chay* [Designations of poor quality food: thin soup and weak tea]. In E. L. Berezovich. *Russkaya leksika na obshcheshlavyanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian vocabulary in the general Slavic context: semantic-motivational reconstruction]. Moscow, Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2014a, pp. 255–267. (In Russ.)

Berezovich E. L., Osipova K. V. «Chto edim, tak i zhist' zhivem»: pustoy sup i nekrepkoy chay v zerkale yazyka [“We live as we eat”: thin soup and weak tea in linguistic aspect]. *Antropologicheskij forum* [Antropologicheskij Forum], 2014b, vol. 20, pp. 218–239. (In Russ.)

Berezovich E. L. «Pishcheyaya» model' v gidronimii Russkogo Severa: metafora i mif [“Food” model in hydronymy of the Russian North: metaphor and myth]. Ed. by Yu. I. Chaikina. *Istoriya russkogo slova: onomastika i spetsial'naya leksika Severnoy Rusi* [The history of the Russian word: onomastics and special vocabulary of Northern Russia]. Vologda, Vologda State Pedagogical University Publ., 2002, pp. 156–163. (In Russ.)

Krivoshchapova Yu. A. *Russkaya entomologicheskaya leksika v etnolingvisticheskom osveshchenii*. Diss. kand. filol. nauk. [Russian entomological vocabulary in the ethnolinguistic aspect. Cand. philol. sci. diss.] Ekaterinburg, 2007. 252 p. (In Russ.)

Leont'eva T. V. *Modeli i sfery reprezentatsii sotsial'no-regulyativnoy semantiki v russkoy yazykovoy traditsii*. Diss. dokt. filol. nauk. [Models and spheres of representation of socio-regulatory semantics in the Russian linguistic tradition. Dr. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2015. 427 p. (In Russ.)

Lutovinova I. S. *Slovo o pishche russkoy* [Speaking about Russian food]. St. Petersburg, Avalon Publ., Azbuka-klassika Publ., 2005. 288 p. (In Russ.)

SHCHI IN THE RUSSIAN NORTH: CULTURAL AND LINGUISTIC SYMBOLISM

Ksenia V. Osipova

Senior Researcher in the Toponymic Laboratory
of the Department of Russian Language and General Linguistics
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
51, prospekt Lenina, Ekaterinburg, 620000, Russian Federation

SPIN-code: 9505-1715

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2285-6112>

ResearcherID: F-4554-2017

The article deals with the reconstruction of cultural and linguistic symbolism of *shchi* based on the dialects of the Russian North (the Arkhangelsk and Vologda regions, as well as the northeast part of the Kostroma region). The article includes lexical material from published lexicographic sources and also from lexicographic files of the Russian North Dialects Dictionary and the Ural Federal University Toponymic Expedition. Usually by *shchi* peasants meant a meat soup with barley or oat groats, as well as a soup made from sauerkraut. Two different phonetic forms, *shchi* and *shti*, can be present on the same territory, in which case their meanings are differentiated. In the Russian North, *shchi* was a part of the basic diet: this soup could be an everyday or holiday dish, depending on the ingredients. The dialects distinguish between *shchi* and all the other, more liquid soups, which were categorized as *pokhleбка* (broth). *Shchi* could be eaten at any meal, in rich households as well as in poor ones. Cabbage *shchi* was the most usual food, it symbolized the monotony of the peasant diet and could be considered a prototype of any food. *Shchi* was served at home as a part of festive meals: at weddings eating *shchi* together meant the agreement between the two families that were establishing new family relations. *Shchi* was also symbolically linked with the house which the bride was leaving. The distinctive phonetics of the word *shchi* determined the creation of sayings based on rhymes *shchi* – *poloshchi* (*shchi* – rinse), *shchi* – *shli* (*shchi* – went). The easy cooking and common ingredients gave birth to such idioms as *kak shti varit* (as if he/she was cooking *shchi*), i. e. “easily, in a relaxed way”, or *shchi pokhlebat* (to sup *shchi*), i. e. “badly, senselessly”. The word *shchi* is used as an euphemism for ‘blood’ in the idiom *shti prolit* (to spill *shchi*), which means ‘to fall’.

Key words: Russian North; dialectal lexicology; ethnolinguistics; semantics; motivation; traditional food.

УДК 811.112: 81'25
doi 10.17072/2037-6681-2017-2-55-60

MEANS OF METAPHOR TRANSLATION IN THE STORY *BERLIN, CITY OF BIRDS* BY E. ÖZDAMAR

Larisa G. Lapina

**Associate Professor in the Department of Linguodidactics
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. lapina48@mail.ru

SPIN-code: 4181-4364

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7550-7779>

ResearcherID: D-8543-2017

Evgeniia V. Ermakova

**Associate Professor in the Department of Linguodidactics
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. janerm@list.ru

SPIN-code: 1609-1628

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2091-0840>

ResearcherID: D-1049-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Lapina L. G., Ermakova E. V. Means of Metaphor Translation in the Story *Berlin, City of Birds* by E. Özdamar // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 2. С. 55–60. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-55-60

Please cite this article in English as:

Lapina L. G., Ermakova E. V. Means of Metaphor Translation in the Story *Berlin, City of Birds* by E. Özdamar. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 2, pp. 55–60. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-55-60 (In Eng.)

The article examines the aspect of metaphor translation from German into Russian in the story *Berlin, City of Birds* by E. Özdamar, which is done through a cognitive metaphorological approach. It is concerned with the problem of metaphor interpretation as one of the most challenging issues of the theory and practice of translation. The work analyzes metaphor and means of its translation in the framework of conceptual metaphor theory put forward by G. Lakoff and M. Johnson in 1980 and developed further to be applied to a broad range of linguistic phenomena. Metaphor modelling is considered the principal means of conveying the cognitive dominant of the story represented by the two main images of the story, those of Berlin and birds being newcomers to the city. The author employs the metaphor model to depict the city as a motionless photograph that is restored to life due to the advent of birds. The means of metaphor translation include full translation, lexical, morphological and syntactical changes, and omission or addition of lexical units.

Key words: metaphor; model; simile; Özdamar; image; means of translation.

This paper is aimed at the study of multifaceted and multidimensional problem of metaphor translation in fiction in the framework of linguistic and cognitive modelling theory. Adequate translation of information conveyed by poetic images has remained one of the most challenging and debated issues of the theory and practice of translation for many decades. As far as Russian school of translation studies is concerned, the issue was debated by L. S. Barkhudarov,

M. M. Bakhtin, V. N. Komissarov, etc. The rise of cognitive linguistics at the end of the 20th century contributed to the shift of scholars' attention from finding systemic matches between language units to the problem of communicating the cognitive dominant of the original text. Thus, modern controversies in metaphor translation theory oscillate between two polarized opinions: metaphor is a linguistic device and metaphor is a mental model.

In contemporary linguistics widely accepted is the idea of universal conceptual metaphors and metaphor modelling being the omnipresent principles underlying organization and structuring of not only belles-lettres but academic texts as well. Among the advocates of conceptual metaphor theory there are such prominent Russian and international scholars as N. D. Arutiunova, L. M. Alekseyeva, M. Black, M. Johnson, V. I. Karasik, E. S. Kubyakova, G. Lakoff, S. L. Mishlanova, V. N. Teliya, G. Fauconnier and others whose works comprise the theoretical grounds of our research.

In terms of methodology, it is necessary to introduce a distinction between the terms metaphor and simile. According to Aristotle, a simile is akin to a metaphor with the only difference lying in the form of expression: while in metaphor something is assimilated or substituted, simile is based on the comparison with each other of two objects existing alongside through the words “like,” “as”, etc. His views were further interpreted and developed into stylistic metaphor theory that tends to emphasize the surface design of metaphor and neglect implicit cognitive structures’ interaction. Centuries-long tradition of treating metaphor as hidden simile is based on signs vehicle from one thing to another; however, it was not until the end of XX century that the principal difference of these linguistic phenomena attracted scholars’ attention when proponents of cognitive linguistics put forward the idea that every unit having two referents and categorizing one in terms of the other should be considered metaphorical. Consequently, similes can be viewed as part of metaphor construction and means of metaphorical modelling and categorizing objects of reality.

The work is based on G. Lakoff’s postulate that metaphor is embedded in thought, not only in language, so metaphors in speech are secondary to conceptual metaphors. Thus, a linguistic metaphor can be viewed as a speech representation of a metaphor model. Conceptual metaphor models are in fact universal tools of new knowledge generation: the source domain – mental matrix of a thing or phenomenon taken from immediate human experience – is projected to the unfamiliar conceptual structure of the target domain. In terms of translation it means that not only language metaphors as particular lexical units should be translated, but also conceptual metaphor models that lie underneath.

We define metaphor (metaphor model) as mental cross-mapping of two objects on the basis of semantic similarity between actions, states and attributes inherent in them. From this perspective, there is no need to distinguish proper metaphors and similes, as both serve as verbal representations or manifestations of conceptual metaphorical models.

The empirical material in this study is text of the story “Berlin, Stadt der Vögel” (“Berlin, City of Birds”) written by outstanding Turkish female writer Emine Sevgi Özdamar, an award-winning author of well-known plays, stories and novels written in German; in 1991 she was awarded Ingeborg Bachman Prize. The main analytical tool employed for the study of the story’s conceptual landscape was MIPVU designed by G. Steen, and its application revealed the presence of key metaphors critical for communicating the main idea of the story. According to its results, poetic space of the story is structured by two extended and multi-layered metaphors: *Berlin is a photograph*, and *Foreigners are birds*. Quite interesting is to study metaphor rows or groups that represent these essential concepts: after-war Berlin and immigrants. As is clear from the name of the story, its metaphorical paradigm is drawing parallels between strangers coming to Berlin from abroad and birds. It is universally acknowledged that different language communities perceive and structure surrounding reality in different ways, so in metaphors invented by a particular author, culture-specific national codes are inevitably mirrored. This is also true in regard to the works of E. Özdamar who as a representative of the two language cultures, Turkish and German, can connect the elements of diverse images of the world.

The bird image has been well known in the world cultures from the ancient times. In European art it has long tradition of being associated with soul, spirit, freedom of thought, and was also considered a symbol of change. In Islam birds are souls living in the Tree of Life. In the context of the story city is perceived as something lifeless, man-made and still, thus acquiring the main properties of a photo, and birds represent the embodiment of life, motion and fresh blood. On a broader basis, this image can be interpreted as metaphor model of internal freedom, deliverance from the old burden of guilt and suffering, and renovation.

The main character of the story is destroyed after-war Berlin overwhelmed with the bitter feelings of guilt, fear and confusion. From the very first lines the reader is bombarded with the stream of metaphors expressing the ideas of non-alive or life imitation (theater scenery, play, photograph), ageing (a toothless mouth, languid hands), dying and demolition (tomb made of dark water, dead rails), fear (the frightened head back of an old man), and loneliness (as if the apple were her best friend). Metaphors are selected so that they could appeal to all senses: vision (a photo; scenery), hearing (barrel organ), touch (cold), smell (sausages, pea soup and cigarettes), thus altogether creating ruthless cinema-

tic image of a still, motionless city between the past and the future, not knowing what to do next. Apparently, representation of a multimodal metaphor by means of language is an essential feature of Özdamar's metaphorical insight.

The metaphor of coming back to life is expressed through the image of birds – immigrants torn away from their homes like birds of passage, speaking some incomprehensible gobbledygook (birds language), flocking together (in contrast to dissociation of native Berliners), often vulgar and pushy (as if trying to beat their path through a mysterious forest). The birds "woke up the photos", i. e. roused the city from its lethargic sleep. First they "filled it with color" and even gave back to it its "original gloss", then, going through the stage of "bird bazaar" and inarticulate attempts at talking broken language returned to Berlin its rich resounding voice ready to splash out onto "a huge opera stage".

From the perspective of conceptual metaphor theory considerable interest present ways of text realization of the above-mentioned cognitive metaphor models. Using continuous sampling method and MIPVU, we have identified in the text of E. Özdamar's story "Berlin, City of Birds" 12 similes with the conjunction *wie*, 17 similes with the conjunctions *als*, *als ob*, *ebenso*, and also 18 proper metaphors.

Thus, some of the similes are the following: "wie ein Bühnenbild" (as theatre scenery), "wie ein Grabmal aus dunklem Wasser" (as a tomb made of dark water), "Armut ist wie eine ansteckende Krankheit" (Poverty is like a contagious disease), "wie der Tod" (like Death), "er hatte seinen Mantel nicht zugeknöpft, er flog hinter ihm her wie ein Flügel" (he hadn't buttoned his coat up, it flew behind him as a wing), "wie eine Opernbühne" (as an opera stage), "viele alte Frauen sahen so aus, als ob sie aus einem lange verschlossenen Schrank herausgekommen waren" (many old women looked as if they had come out of the locked closet).

The examples of metaphors are: "tote Bahnschienen" (dead tram rails), "der ängstliche Nacken eines alten Mannes" (the frightened head back of an old man), "Berlin, Draculas Grabmal" (Berlin – Dracula's grave), "ein Loch, in dem nur die Nacht wohnte" (a hole where only the night lived), "der Sturm schob die Nacht vor sich her" (the wind drove the night before itself), "Fotos lachten" (photos laughed), "Fotos schimpften" (photos wrangled).

The following extract from the text illustrates organic interaction of different kinds of similes and metaphors:

"Ich sah Berlin zum ersten Mal vor 35 Jahren. Die Stadt war *wie ein Bühnenbild*. Es gab aber keinen Regisseur dort, man wusste nicht, welches Stück

gerade inszeniert wurde. Die Menschen sahen so aus, *als ob sie auf einen Regisseur warten würden*, der den begrenzten Raum *Berlin als eine lebendige Stadt inszeniert*.

Berlin war damals müde. Es sah manchmal *wie ein zahnloser Mund aus*".

The whole text can be viewed as a twisted strip of tightly wattled metaphors whose meaning is continuously vivifying in the text. Particularly expressive is the last paragraph of the story where quite a lot of principal metaphors' manifestations are brought together and interwoven:

"Wenn ich heute Berlin sehe, sehe ich *die zu Fotos erstarrte Stadt* nicht mehr. In Berlin hat *ein Prozess des Zusammenlebens* stattgefunden. *Die Vögel* haben in die Stadt eine neue Geschichte gebracht. Die Stadt, die vor 35 Jahren *aussah wie ein Bühnenbild, das auf einen Regisseur wartete, der Berlin als lebendige Stadt inszeniert, sieht heute wie eine Opernbühne aus*. Es scheint so, *als würden alle Sprachen und Farben zusammen miteinander spielen*".

An important function is performed by the verb *erstarrten* whose general meaning is "to grow stiff or numb":

"Der Kanal, in den sie Rosa Luxemburg hineingeschmissen hatten, war zu einem Foto *erstarrt* und sah wie ein Grabmal aus dunklem Wasser aus.

"Einige Männer liefen mit Handprothesen durch die Straßen, die künstlichen Hände steckten in schwarzen Lederhandschuhen, waren unbeweglich. Deswegen kamen mir die künstlichen Hände auch wie zum Foto *erstarrt* vor. Manchmal fuhr ein alter Mann auf einem Fahrrad, und auch das *erstarrte* zu einem zu stark belichteten, unscharfen Foto".

"Ich kam einmal in ein solches, wie zu einem Foto *erstarrten* Haus hinein".

"Der Sessel, die Glühbirnen, die Armlehne des fettigen Sessels, das Waschbecken, die offenen Stromkabel, die vereiste Brille, die fettige Pfanne, das alles sah aus wie zu Fotos *erstarrt*".

In view of the recent migration processes in Europe it is quite evident that the story under consideration is an attempt of literary and linguistic interpretation of the problem of intercultural and intercivilizational dialogue in post-war Berlin, a dialogue seen as peaceful assimilation and cooperation. Intercultural communication is pictured as the driving force and key factor of post-war Berlin's renovation; moreover, as remedy from death.

The story can be divided into two parts: the first part describes the state of Berlin immediately after the war, and the second one is to show its gradual awakening to life. The meaningful components of this renovation process are culture and language transformations:

“UND BERLIN LIESS DAS ALLES MIT SICH MACHEN”. – “AND BERLIN LET IT ALL HAPPEN TO IT!” (about the national traditions of religious tolerance).

“BERLIN LIESS DIESE LIEBESGESCHICHTE IN SICH LEBEN”. – “BERLIN LET SUCH A LOVE STORY LIVE IN IT!” (a response to the first mixed German-Turkish marriages).

“BERLIN HÖRTE SICH DAS AN UND LACHTE! “ – “BERLIN HEARD ALL THAT AND LAUGHED!” (in connection with native Berliners’ attempts to adjust their language to Turkish).

“BERLIN FING AN, TÜRKISCH ZU VERSTEHEN!” – “BERLIN BEGAN TO UNDERSTAND TURKISH!” (about the cases of German-Turkish language interference).

In the original printed version of the story sentences marking the stages of integration process, are printed in capital letters. It is to stress that the beginning of intercultural contacts was promising and likely to succeed during the next decades. So both the central idea of the story and its language expression are relevant in terms of burning social issues of the day.

The analysis of means aimed at metaphor translation in the story was only carried out with reference to the two target images, those of Berlin and newcomers, and their numerous linguistic realizations. Due to implicit character of metaphor modelling, conceptual metaphors translation presents a difficult task, and it is complicated by the fact that different languages have non-coinciding images of the world, and poetic metaphors are inevitably culture specific. E. Özdamar as a representative of Turkish and German language cultures is a very interesting example of cross-border writing, and the translator of her story M. Rudnitskiy faced the challenging task of expressing this ambiguity with the Russian language inventory.

Having analyzed metaphor translations from German into Russian from the point of view of semantic and structural transformations applied, we identified the following means of rendering the author’s imagery:

1. Full translation which preserves the meaning and structure of the original metaphor: «мертвые рельсы», (tote Bahnschienen), «запах жил» (der Geruch lebte), «грязный свет» (das schmutzige Licht), «испуганный затылок» (der ängstliche Nacken) and others. This means of translation is prevalent and accounts for about 85 % of all metaphor translations.

2. Lexical change, i. e. using a word with a different semantic structure but possessing similar meaning in the given context: «как гробница из **черной** воды» (wie ein Grabmal aus *dunklem* Was-

ser) – the translator uses the word **черный** (black) instead of *dunklem* (dark). This group consists of about 2 % of translated metaphorical units.

3. Morphological change, i. e. using a word with the similar meaning but belonging to a different lexical or grammatical class: «у домов был такой вид, будто внутри за стенами не живые люди, а фотографии **в рамочках**» (Und die Häuser sahen so aus, als ob in ihnen eher *gerahmte* Fotos als lebendige Menschen wohnen würden). In translation the noun **в рамочках** is used instead of the past participle *gerahmte*. This means of metaphor translation is also not very frequent; it was applied in about 4 % cases.

4. Syntactical change, i. e. using a different syntax structure of a sentence: «И БЕРЛИН ВСЕМУ ЭТОМУ НЕ ВОСПРОТИВИЛСЯ!» (“UND BERLIN LIESS DAS ALLES MIT SICH MACHEN”). Here the translator used a different sentence structure because in Russian modal constructions similar to the ones with the verb *lassen* are rare. The frequency of this device is about 3 %.

5. Addition / omission of lexical units: «как будто они за своими ослиами или индюшками гонялись» (Als ob sie mit ihren Eseln oder Truthahnen durch ein anderes Land gingen) – the phrase **durch ein anderes Land** is omitted. This group is represented by some 6 % of translated metaphorical units.

It should be noted that our statistics is not absolute, as the translator often used a combination of devices within one metaphorical unit; for example, lexical change and omission, or lexical and syntactical change.

Our analysis has shown that conceptual metaphors “Berlin is a motionless picture” and “Immigrants are birds” in E. Özdamar’s story “Berlin, City of Birds” have been successfully translated into Russian with the use of the above mentioned techniques. Essential poetic, cultural, artistic and ontological semantic components of the author’s metaphors were communicated to Russian readers without any noticeable loss of sense. The Russian language potential was convincingly employed to convey the dynamic and engaging image of once destroyed, drained of life power and speechless city gaining back its vitality, bright colors and diverse voices. The study leads to the following idea: if we are to seek a way for communicating over language and culture borders, it is necessary to concentrate on the kind of metaphorical models that arise from our universal basis and can facilitate the process. The subject undoubtedly has high intercultural relevance and the applied methodology enables academic community to analyze culturally marked concepts behind the use of language that has numerous practical implications.

References

- Aristotle. Ritorika (Kniga III) [Rhetoric (Book III)] *Aristotel' i antichnaya literatura* [Aristotle and antique literature]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 233 p. (In Russ.)
- Aristotle. *Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii* [Ethics. Politics. Rhetoric. Poetics. Categories]. Minsk, Literatura Publ., 1998. 1391 p. (In Russ.)
- Budaev E. V. Stanovlenie kognitivnoy teorii metafory [The rise of cognitive metaphor theory]. *Lingvokulturologiya* [Linguoculturology], 2007, issue 1, pp. 16–32. (In Russ.)
- Glazunova O. I. *Logika metaforicheskikh preobrazovaniy* [The logics of metaphorical transformations]. St. Petersburg, 2000. 190 p. (In Russ.)
- Davidson D. Chto oznachayut metafory? [What metaphors mean]. *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 173–193. (In Russ.)
- Kunilovskaya M. A., Khorovodina N. V. *Avtorskaya metafora kak ob'ekt perevoda* [The author's metaphor as an object of translation]. Available at: http://tc.utmn.ru/files/Kunilovskaya_Korovodina_2010_ActiveMetaphors%20in%20Translation_0. (In Russ.)
- Lakoff G., Johnson M. *Metafory, kotorymi mi zhivem* [Metaphors we live by]. *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 387–416. (In Russ.)
- Ortony A. Rol' skhodstva v upodoblenii i metafore [The role of similarity in similes and metaphors]. *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 219–236. (In Russ.)
- Teoriya metafory. Sbornik* [Theory of metaphor. Collection of works]. Ed. by N. D. Arutyunova and M. A. Zhurinskiy. Moscow, Progress Publ., 1990. 512 p. (In Russ.)
- Cameron L., Maslen R., Todd Z., Maule J., Stratton P., Stanley N. The Discourse Dynamics Approach to Metaphor and Metaphor-Led Discourse Analysis. *Metaphor and Symbol*, 2009, vol. 24(2), pp. 63–89. (In Eng.)
- Fogelin R. *Figuratively Speaking*. New Haven and London, Yale University Press, 1988. 120 p. (In Eng.)
- Lakoff G. and Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago, University of Chicago Press, 1980. 193 p. (In Eng.)
- Muller C. *Metaphors dead and alive, sleeping and waking: a dynamic view*. The University of Chicago Press, 2008. 272 p. (In Eng.)
- Özdamar E. S. Berlin, Stadt der Vögel. *Zebra-streifen. Neue deutsche Literatur*. Moscow, Goethe-Institut, 2004, pp. 139–153. (In German)
- Steen G. J. From Linguistic to Conceptual Metaphor in Five Steps. *Metaphor in Cognitive Linguistics*. Amsterdam, John Benjamins, 1999, pp. 55–77. (In Eng.)

Список литературы

- Аристотель*. Риторика (Книга III) // Аристотель и античная литература. М.: Наука, 1978. 233 с.
- Аристотель*. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. 1391 с.
- Будаев Э. В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. 2007. № 1. С. 16–32.
- Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований. СПб., 2000. 190 с.
- Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 173–193.
- Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387–416.
- Куниловская М. А., Короводина Н. В. Авторская метафора как объект перевода. URL: http://tc.utmn.ru/files/Kunilovskaya_Korovodina_2010_ActiveMetaphors%20in%20Translation_0 (дата обращения: 02.05.2017).
- Ортоны Э. Роль сходства в уподоблении и метафоре // Теория метафоры / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Прогресс, 1990. С. 219–236.
- Теория метафоры: сборник: пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
- Cameron L., Maslen R., Todd Z., Maule J., Stratton P., Stanley N. The Discourse Dynamics Approach to Metaphor and Metaphor-Led Discourse Analysis. *Metaphor and Symbol*. 2009. № 24(2). P. 63–89.
- Fogelin R. *Figuratively Speaking*. New Haven and London: Yale University Press, 1988. 120 p.
- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 193 p.
- Muller C. *Metaphors dead and alive, sleeping and waking: a dynamic view*. Chicago: The University of Chicago Press, 2008. 272 p.
- Özdamar E. S. Berlin, Stadt der Vögel // *Zebra-streifen. Neue deutsche Literatur*. Moskau: Goethe-Institut, 2004. S. 139–153.
- Steen G. J. From Linguistic to Conceptual Metaphor in Five Steps // *Metaphor in Cognitive Linguistics*. Amsterdam: John Benjamins, 1999. P. 55–77.

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРЫ В РАССКАЗЕ «БЕРЛИН, ГОРОД ПТИЦ» Э. ОЗДАМАР

Лариса Григорьевна Лапина

к. филол. н., доцент кафедры лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. lapina48@mail.ru

SPIN-код: 4181-4364

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7550-7779>

ResearcherID: D-8543-2017

Евгения Витальевна Ермакова

к. филол. н., доцент кафедры лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. janerm@list.ru

SPIN-код: 1609-1628

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2091-0840>

ResearcherID: D-1049-2017

Темой статьи является анализ перевода метафор с немецкого языка на русский в рассказе Э. Оздамар «Берлин, город птиц». Проблема интерпретации метафоры рассматривается как один из наиболее актуальных вопросов теории и практики перевода. Метафора и средства ее перевода анализируются с точки зрения когнитивной теории метафоры, основоположниками которой являются Д. Лакофф и М. Джонсон. Основополагающей идеей выступает тезис о метафоричности мышления, следствием чего становится появление в тексте лингвистических метафор. Данное направление в современной лингвистике представлено работами Н. Д. Арутюновой, Л. М. Алексеевой, С. Л. Мишлановой, В. Н. Телия, М. Блэка, М. Джонсона, Дж. Лакоффа, Ж. Фоконье, Д. Стейна, К. Мюллер и др. Метафорические модели в анализируемом рассказе выступают основными источниками создания поэтической образности, а именно образов Берлина и птиц-иммигрантов, заселяющих город после войны. Автор использует метафорическую модель как средство художественного изображения города как застывшей фотографии, которая оживает благодаря прилету птиц. Текстовые реализации выявленных моделей представлены как собственно метафорами, так и сравнениями, которые также рассматриваются как метафорические единицы, возникшие в результате глубинного взаимодействия двух концептов. Средства перевода метафоры включают в себя полный перевод, лексические, морфологические и синтаксические преобразования, а также опущение и добавление лексических единиц. В результате кропотливой работы над текстом переводчику удалось воссоздать особенности поэтической образности Э. Оздамар средствами русского языка.

Ключевые слова: метафора; модель; сравнение; Оздамар; образ; средства перевода.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1 – 31.09
doi 10.17072/2037-6681-2017-2-61-72

СТРУКТУРА ГЕРОЯ В РОМАНАХ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ: СЛУЧАЙ КУКОЦКОГО

Марина Петровна Абашева

д. филол. н., профессор кафедры новейшей русской литературы
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. m.abasheva@gmail.com

профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

SPIN-код: 2169-4629

ORCID: <http://orcid.org/0000-001-5720-7916>

ResearcherID: R-8012-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Абашева М. П. Структура героя в романах Людмилы Улицкой: случай Кукоцкого // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 2. С. 61–72. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-61-72

Please cite this article in English as:

Abasheva M. P. Struktura geroya v romanakh Lyudmily Ulitskoy: sluchay Kukotskogo [The Structure of the Character in Lyudmila Ulitskaya's Novels: *The Kukotsky Enigma*]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 2, pp. 61–72. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-61-72 (In Russ.)

В статье приводятся и систематизируются основанные на архивных материалах сведения о пермском прототипе героя романа Л. Е. Улицкой «Казус Кукоцкого» – врача Павле Алексеевиче Гузикове (1885–1952). Дом, семья П. А. Гузикова и город Молотов (ныне – Пермь) стали в свое время прототипической основой для эпизодических персонажей и места действия двух глав романа В. А. Каверина «Два капитана» (писатель был в Перми в 1942 г.). В романе Л. Улицкой П. А. Гузиков явился прототипом главного персонажа, Павла Алексеевича Кукоцкого, героя-идеолога, занимающего важное место в общей типологии героев Улицкой. Результаты исследования прототипической основы персонажа, впервые публикуемые свидетельства дочери П. А. Гузикова, данные архивных и мемуарных источников могут стать материалом для историко-литературного комментария романа Улицкой, а обозначенные бытовые, исторические, литературные связи героев и прототипов В. Каверина, Л. Улицкой и других писателей очерчивают своеобразный литературный топос в региональной истории литературы Перми. В теоретическом плане работа направлена на изучение структуры романного героя Л. Е. Улицкой – с применением методов мифокритики, структурно-семиотического, гендерного, нарратологического анализа. Характер героя Л. Улицкой в романах «Казус Кукоцкого» (2001), «Даниэль Штайн, переводчик» (2006), «Лестница Якова» (2015) и других строится на сочетании биографических, социальных, мифологических, архетипических аспектов и так же, как и иные уровни проблематики и поэтики Улицкой, подчинен задаче медиации и гармонизации жизненных конфликтов и противоречий. В работе намечен анализ эволюции описанной модели, характерной не только для прозы Л. Улицкой, но и для других произведений современной беллетристики, где наблюдается движение к документу и гибридизация традиционных жанровых формул.

Ключевые слова: прототип; структура литературного героя; беллетристика; Людмила Улицкая; Вениамин Катаев; Павел Гузиков.

Прототипы в романе Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого»

В литературоведении история прототипа обычно занимает не самое последнее и вполне почтенное, но все же периферийное место – например, в историко-литературном комментарии. Возможно, настоящая работа и станет когда-нибудь фрагментом комментария к роману Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого» (2001), но хотелось бы не только представить материалы как сведения, вносящие новые краски в интерпретацию текста писательницы. Представляется важным отдать должное человеческой ценности прототипа – Павла Алексеевича Гузикова, о котором пойдет речь, и его значению в местном (пермском) культурном контексте.

Популярный роман Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого» (в журнальном варианте «Путешествие в седьмую сторону света») наследует жанровые черты и философского, и семейного романа, романа-притчи. В книге Павел Алексеевич Кукоцкий – врач-акушер-гинеколог, работающий в 1930–1960-е гг. в столичных и провинциальных больницах, военных госпиталях, одаренный до гениальности, обладающий таинственным даром «внутривидения» организма человека изнутри. Он благороден – не только помогает женщинам вынашивать и родить ребенка, но и нередко отправляет жену в дома к пациенткам бедным и несчастным с бельем, деньгами, посудой. Кукоцкий даже усыновляет дочь одной из таких несчастных, умершей от криминального аборта. Он ищет новые пути в науке, вписан в социальную, интеллектуальную

среду эпохи своими убеждениями: посылает часть зарплаты бывшим лагерникам. Женившись по страстной любви на женщине, которую спас на операционном столе, удалив внутренние (и детородные) органы, дочку своей жены он полюбил как родную. Семейное счастье разрушается внезапно, в идейном споре. Кукоцкий настаивает на разрешении абортов, спасении женщин – жена Елена полагает, что это разрешение на убийство детей. Не выдержав переживаний, Елена уходит в болезненное фиктивное пространство снов и видений (в романе есть «тексты в тексте» – тетради Елены), Кукоцкий спасается уходом в запой. Далее повествование смещается в сторону их дочери Тани и ее ребенка.

Роман успешен, много раз издан, переведен, экранизирован, получил премию «Русский Букер», Пенне и др.

Прототипами для Павла Алексеевича Кукоцкого, как многократно говорила Л. Улицкая в интервью, стали два врача¹. В честь известного хирурга С. И. Спасокукоцкого, спасшего когда-то жизнь деду Л. Улицкой трепанацией черепа, романному герою дана часть его фамилии. Имя же и начало биографии герою Улицкой дал Павел Алексеевич Гузиков, профессор, врач-гинеколог, отец подруги Улицкой (рис. 1). Его приемная дочь, Ирина Павловна Уварова, подруга Людмилы Улицкой, выросшая в доме Гузикова в Перми, Молотове в послевоенные годы, много рассказывала писательнице о Павле Алексеевиче; эти истории вошли в роман, о чем не раз говорила Улицкая в интервью².

Рис. 1. Павел Алексеевич Гузиков в клинике г. Молотова
Fig. 1. Pavel Alekseevich Guzikov in the clinic. Molotov

В Пермском государственном архиве новейшей истории можно видеть запись о Гузикове в разделе «Медицинские работники Молотовской

(Пермской) области, особо отличившиеся в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)»³. П. А. Гузиков принял на свет, как он говорил,

около миллиона младенцев, изобрел множество уникальных методов лечения при военном дефиците лекарств, написал монографию. Получил блестящее образование в Германии и Швейцарии, служил на Дальнем Востоке. Всюду был любим пациентами, коллегами, студентами (рис. 2). Еще работают в Перми некоторые его ученики. В годы

войны в доме на нынешней Петропавловской, 51 находилась квартира Гузикова, где он жил с женой – Варварой Юрьевной Бахталовской, у которой было двое детей от первого брака: дочь Вера и сын Александр. Павел Алексеевич усыновил их. Когда у Веры родилась дочь Ирина и ее брак не удался – он усыновил Ирину (рис. 3).

Рис. 2. Пациентки роддома в Молотове
Fig. 2. Patients of the maternity home in Molotov

Рис. 3. Павел Алексеевич Гузиков с Ириной Уваровой
Fig. 3. Pavel Alekseevich Guzikov with Irina Uvarova

О Гузикове и его семье впервые написал пермский краевед Владимир Гладышев в газете «Пермский университет», потом во многих иных местных изданиях [Гладышев 2007: 80–85]. В. Гладышев взял интервью у Ирины Павловны Уваровой, в котором она рассказала о приемном

отце с родственным теплом и художнической зоркостью (Ирина Павловна – художник, искусствовед, специалист по кукольному театру, вдова писателя Юлия Даниэля). В. Гладышев включил историю супругов Гузиковых в пермский туристический маршрут «Красная линия». Первона-

начально эта семья заинтересовала Гладышева потому, что была связана с Вениамином Кавериним и дом Гузиковых описан в романе «Два капитана» (1938–1943). Каверин в 1942 г. приезжал в Молотов с фронта, где был военным корреспондентом, чтобы разыскать свою эвакуированную семью (жена Каверина, как известно, была сестрой Юрия Тынянова, который тоже находился в Перми в эвакуации). Разыскал – в гостинице «Центральная», в знаменитой семиэтажке, где жили во время войны многие артисты, композиторы, писатели. Каверин провел здесь отпуск, лечился и писал вторую книгу романа «Два капитана». С врачами Павлом Алексеевичем Гузиковым и Варварой Юрьевной Бахталовской, их дочерью Верой писатель, по воспоминаниям Ирины Павловны Уваровой, приведенным В. Гладышевым, нередко общался [Гладышев 2007: 82–83].

В тогдашнем Молотове Каверину запомнились, судя по тексту «Двух капитанов», госпиталь (изучение романной топографии показывает, что Саня Григорьев лежал в госпитале на улице Луначарского, где теперь находится областная больница) и театр («Ленинградский театр оперы и балета был эвакуирован в М-ов» [Каверин 1993: 515]). Глава 12 восьмой части называется «В госпитале» и содержит описание города и квартиры Гузикова. «Город был просторный, спокойный. Все лучшие улицы стремились взлететь на высокий берег Камы, и этот разбег напомнил мне родной Энск с его взгорьями на берегах Песчинки и Тихой. Прежде мне не случалось жить в М-ове, я только пролетал над ним два-три раза». И далее: «Я шел по улице-аллее, круто спускавшейся к Каме... На стене лучшего в городе здания авиашколы я в тысячный раз прочел надпись на мраморной доске: “Здесь учился Попов, изобретатель радио, гениальный русский ученый”» [там же: 519].

Есть в романе описание и квартиры Гузиковых, и девушки Ани (в семье, по свидетельству Ирины Павловны Уваровой, знают, что ее прототип – дочь Гузикова Вера [Гладышев 2007: 82]): «Это был дом, не тронутый войной. Впервые после фронта и госпиталя я был в таком доме. Мы сидели в столовой. Без сомнения, те же салфетки лежали на стеклянной доске буфета, те же безделушки стояли на кустарных резных полочках, развешанных по стенам, и шелковый коврик над тахтой, должно быть, точно так же висел до войны» [Каверин 1993: 515]. Ирина Павловна Уварова узнала описанные Кавериним предметы – некоторые из них сохранились и доныне: «К тому времени, когда он писал роман «Два капитана», его память четко «сфотографировала» приметы нашего пермского Дома. Вещи, названные им, я помню, да кое-что живо и до сих пор.

Жив резной настенный шкафчик (скорее всего, изготовленный в Талашкино), жив «коврик над тахтой» – мусульманский молитвенный намазлык, родом из интернациональной Астрахани. Эти вещи переехали в Москву и ныне находятся в доме моей старшей внучки» [цит. по: Гладышев 2007: 82].

В 2010 г. Ирина Павловна Уварова вышла на контакт с автором настоящей статьи и передала материалы, связанные с профессором Гузиковым, для дальнейшего сохранения его памяти. Это большой фотоальбом, письменные воспоминания, медицинская монография П. А. Гузикова «Облучение брюшной полости при гинекологических операциях», изданная в Молотове в 1948 г. (Некоторые из этих материалов помещены в иллюстрациях к настоящей статье.) Из материалов явствует следующее. Павел Алексеевич Гузиков родился в 1885 г. в Борисоглебске. Учился в гимназии в Астрахани. Обучался в университете в Швейцарии после 1906 г. (очевидно, пробыл в Швейцарии и Германии до 1913 г.). Приблизительно в 1915 мобилизован на Первую мировую войну, с Дальнего Востока в середине 1930-х гг. переехал в Пермь.

Тем не менее есть ряд различий между романным Кукоцким и романным Гузиковым, как подчеркивает Ирина Павловна. «Реальный П. А. Гузиков не спился, как Кукоцкий, а умер от лейкемии. Приемная дочь Кукоцкого – в романе ее зовут Таня – соотносима со мной только в детстве. У взрослой Тани, чья жизнь и смерть подробно описаны Улицкой, совсем другой прототип. И Елена, жена Кукоцкого, не соответствует Варваре Юрьевне» [цит. по: там же: 85]. Заметим: действие романа «Казус Кукоцкого» разворачивается и во второй половине XX в., тогда как реальный Павел Алексеевич Гузиков умер в 1952 г. в Москве, куда перевелся из любви к Ирине, которая страстно захотела учиться в столице (здесь же она на 1 курсе учится в Пермском (Молотовском) государственном университете на филологическом факультете). Заглядывая вперед, скажем, что, по свидетельству Ирины Павловны, Павел Алексеевич купил в Москве кооперативную квартиру, семья в 1951 г. переехала в Москву, но в 1952 он умер.

Почему проблема прототипа выходит для нас за пределы бытового интереса? Доэстетическое бытие героя редко становится предметом анализа, хотя оно значимо в художественном тексте. М. М. Бахтин писал, что автор «преднаходит героя данным независимо от его чисто художественного акта» но «эта внеэстетическая реальность героя... и есть предмет художественного видения, придающий эстетическую объективность этому видению» [Бахтин 1979: 183].

Кроме того, мы имеем дело с тем случаем, когда прототип несет в себе человеческую, а не только историко-литературную ценность. Как сохранить память в Перми не о персонаже, а о прототипе, человеке? Хочется, чтобы альбом не просто лежал в архиве, куда нам предстоит его передать. Было бы замечательно атрибутировать на фотографиях лица людей, окружающих П. А. Гузикова. Может быть, восстановление памяти о нем потянет за собой еще какие-то нити, важные

для культурной истории Перми. Письменные воспоминания Ирины Павловны Уваровой, например, свидетельствуют о знакомстве профессора-филолога Риммы Васильевны Коминой, приехавшей в Пермь из Москвы в 1956 г., с А. Синявским и Ю. Даниэлем (рис. 4). Предисловие к молотовской монографии П. А. Гузикова подписано именем профессора Аркадия Лавровича Фенелона, уже ставшего персонажем книги пермской писательницы Беллы Зиф [Зиф 2004: 82–106].

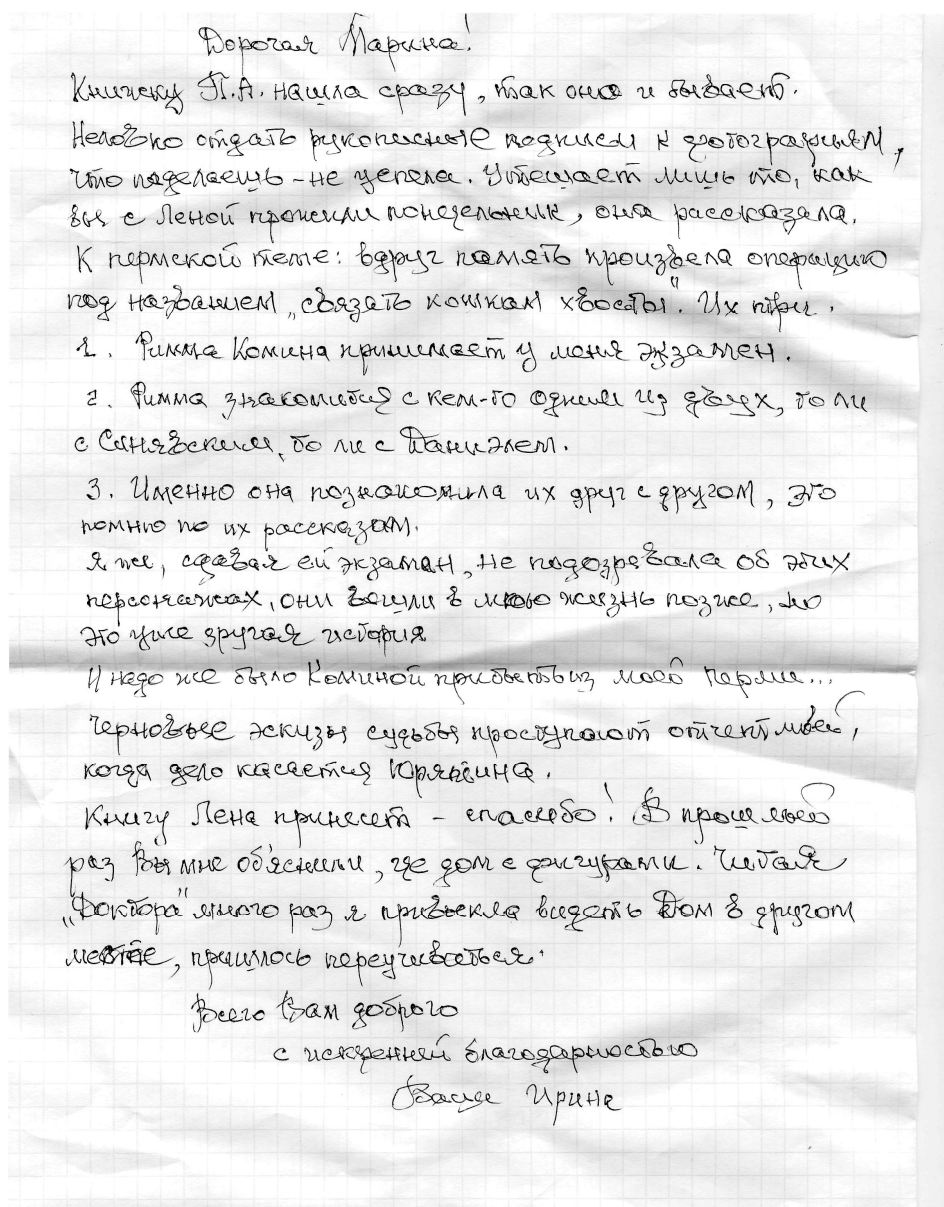

Рис. 4. Письмо И. П. Уваровой
 Fig. 4. Letter of I. P. Uvarova

Возвращаясь к роману, заметим, что Кукоцкий живет «в небольшом сибирском городке В.», однако имя «Пермь» все же появляется в тексте: в Перми живет колоритный эпизодический персонаж – властная Полуэктова, бывшая балерина, директор Пермского хореографического училища.

Разумеется, образ Кукоцкого не исчерпывается прототипическими основаниями. Кроме литературно-краеведческого интереса, анализ этого персонажа важен потому, что в нем можно проследить механизмы взаимодействия факта и вымысла – а такое взаимодействие, актуальнейшее в современной русской прозе, все прихотливее

развивается в творчестве Улицкой. (Пример тому – последний по времени роман «Лестница Якова» (2015), в основу которого легли письма деда писательницы.) Вглядываясь в структуру главного персонажа «Казуса Кукоцкого», в сравнении с иными героями Л. Улицкой, нетрудно увидеть типологические сходства, к которым мы и обратимся в следующем разделе.

Модель героя в романах Людмилы Улицкой

Выявлением прототипов в творчестве Улицкой охотно занимаются критики. В повести «Сонечка» в Роберте Викторовиче угадывают Фалька, в повести «Веселые похороны» – первого мужа Улицкой Виталия Длугу, в романе «Зеленый шатер» Виктор Топоров узнал едва ли не всех: «Тут и Якир с Красиным, и Гинзбург с Галансковым, и Горбаневская, и Щаранский... А вот (правда, на периферии романа) и сам Пригов, сам Цигаль, сам Забельшанский» [Топоров 2011]. О многих прототипах Улицкая говорит напрямую, порой в тексте романа, – как о Даниэле Руфайзене (в романе «Даниэль Штайн, переводчик»). Однако мы видим своей главной задачей исследование не прототипов, но структуры главного персонажа как модели характера, выстраиваемого в индивидуальной поэтике. Л. Я. Гинзбург в книге «О литературном герое» убедительно показала, как литературная антропология автора может вывести к существенным особенностям его творчества в целом: «Поведение персонажа вытекает из соотношения составляющих его элементов, а свойства предстают как стереотипы процессов поведения, его экзистенциальная сущность» [Гинзбург 1981: 4].

Непременные составляющие персонажа в романах Л. Улицкой, как правило, таковы: а) биографическая, чаще всего – прототипическая, выше уже описанная нами; б) мифологическая – ее героини очевидно всегда некие Зевс и Гера, Иаков, Рахиль и пр; в) профессиональная (Ученый, Врач, Художник); социальная (здесь возможны варианты также типологического свойства: противник системы, ее жертва или свободный человек).

Работа автора романа с прототипической основой образа П. А. Кукоцкого, по-видимому, представляет собой сначала «сведение» прототипов (в данном случае это врач, спасший отца, и отчим подруги) в один образ, который вбирает и личный опыт писательницы. Затем биографическое начало, естественно, претерпевает значительные метаморфозы. Прежде всего, автор укореняет своего вымышленного героя в русской истории, причем, как это бывает важно для семейного романа, важна история рода, семьи Кукоцких. Повествователь в начале романа сообщает, что род Кукоцких ведет свою историю в

России с XVII в. (о чем якобы существуют письменные упоминания в переписке Петра Велико-го) и что фамилия Кукоцких в медицинском мире была известна не менее, чем фамилия Пирогова или Боткина [Улицкая 2002: 9]4. Так герой, потомственный врач и ученый, приобретает высокий социальный статус, легитимированный исторически и сопоставленный с реальными историческими лицами, имеющими высокую репутацию врачей.

Собственно, о таком процессе тонкого взаимодействия документального и вымышленного в воображении художника писала Л. Я. Гинзбург в работе «О психологической прозе»: «Литература вымысла черпает свой материал из действительности, поглощая его художественной структурой; фактическая достоверность изображаемого, в частности происхождение из личного опыта писателя, становится эстетически безразличной. И все же различие между миром бывшего и миром поэтического вымысла не стирается никогда» [Гинзбург 1971: 18]. П. М. Медведев, ученик М. М. Бахтина, полагал, что воображение автора и состоит в «комбинировании» личных впечатлений и социальной практики: «Основной чертой, главным признаком творческой деятельности является конструктивное, творческое воображение как способность активного комбинирования и обобщения представлений и образов воспоминаний, являющихся отражением объективной действительности и социальной практики художника» [Медведев 1971: 17].

Однако не менее важной в прозе Улицкой оказывается мифологическая и архетипическая основа литературного героя – архетипы и как первообразы бессознательного [Юнг 1996: 88], и как литературный мотив и прообраз [Мелетинский 1994: 15]. Так, образ Кукоцкого с самого начала дается сквозь призму фаустианского мифа. Герой появляется в окружении медицинских атласов, книг, хирургических инструментов, иных атрибутов врачебной профессии. Врачебное призвание в романе отчетливо связано с мотивами тайны, ясновидения, сочетающимися с почти терминологически точными (видимо, сказывается образование автора-генетика) медицинскими описаниями человеческого организма. Еще подростком Павел видит в медицинском атласе человеческое тело: разъятое и прозрачное для него в своем строении. «С картонных людей последовательно снималось кожаное одеяние, слои розово-бодрой мускулатуры, вынималась печень, на стволе пружинистых трахей вываливалось дерево легких, и, наконец, обнажались кости, окрашенные в темно-желтый цвет и казавшиеся совершенно мертвыми. Как будто смерть всегда скрывается внутри человеческого тела, только сверху прикрытая живой пло-

тью, – об этом Павел Алексеевич станет задумываться значительно позже» (10).

Проблемы жизни и смерти стали внятны герою благодаря непостижимому дару «внутривидения»: он обнаружил, что видит опухоль желудка с метастазами – один очень заметный в печень, второй, слабенький, в область средостения... Потом он долго сидел в кабинете, ...пытаясь понять, что же с ним такое произошло, откуда взялась эта схематическая цветная картинка...» (14).

И хотя герой «не мучился над мистической природой этого явления, принял его как полезное подспорье в профессии», вообще «был материалистом и «мистики не терпел» (15), автор усиливает мотив тайного могущества аурой дара, вполне божественного. Наивный взгляд Василисы, крестьянки и монахини, открыто транслирует эту семантику: «Павел Алексеевич был в ее глазах почти святым: он у себя в больнице всем подавал помощь – и злым, и добрым, как господь бог» (39–40). Однако Василиса думает так до тех пор, пока не узнает об энергичной деятельности своего кумира по официальному разрешению абортот. Здесь прогрессивная (модернизаторская) мораль ученого и мужская точка зрения входит в противоречие с христианской моралью и точкой зрения женской. Ее носителем является и жена Кукоцкого Елена – и именно это противоречие разводит супругов, стоит Елене психического здоровья. Герой-божество приобретает – в глазах той же Василисы – дьявольские черты: «А уж не антихрист ли?» (129). Видеть в Кукоцком антихриста, впрочем, Василису подвигает зловещая атмосфера эпохи «дела врачей» и гонений на генетику.

Так мифологическое и социальное одновременно детерминируют характер литературного героя. При этом мифологически-архетипические смыслы легко накладываются друг на друга: за образом Фауста просвечивает архетип Бога вообще, архетип Отца, или, в терминологии К. Юнга, Духа, мудрого старца.

Другие персонажи романа вращаются вокруг главного героя. Однако обращает на себя внимание, что жена Елена вовсе не составляет бинарную оппозицию Кукоцкому. Организация мужского и женского персонажей здесь строится, скорее, по принципу взаимодополнительности, а порой, если можно так выразиться, «взаимонедостаточности». Оба характера не интерпретируются в однозначно противопоставленных категориях рационального мужского и эмоционального женского. В мужском персонаже обнаруживается тяга к устройству космоса и к мистическим озарениям: он читает Чижевского, рассматривает космические циклы и биоритмы как факторы, определяющие деторождение. Елена же, в боль-

шей части повествования погруженная в «третье состояние» за гранью разума, с юности стремилась познать строгую архитектонику мира и человека, нравственного закона. Ее талант чертежницы и выучка у своего первого мужа, «великого мастера чертежного дела», соседствуют с высокой нравственной требовательностью, воспитанной в толстовской коммуне, к которой принадлежали ее родители. Упорядоченность, рациональная расчерченность представлений Елены о мире, однако, не спасает ее от ухода в «средний мир», в сферу видений, которые она записывает в свои тетради. Тайновидение и тайноведение представляются в мире романа равно доступными обоим героям: «Два тайновидца жили рядом. Ему была прозрачна живая материя, ей открывалась отчасти прозрачность какого-то иного, не материального мира. Но друг от друга они скрывались не от недоверия, а из целомудрия и оградительного запрета, который лежит, вероятно, на всяком тайном знании...» (50).

Модели мужского и женского персонажей, таким образом, обмениваются традиционными характеристиками и ценностными установками. Так, патриархатная мужская позиция как будто бы должна следовать идее продолжения рода и не замечать потребностей женского тела. Но в силу профессии Кукоцкий сосредоточен на женском теле и его сохранении, он ратует за разрешение абортот именно для сохранения жизней женщин, гибнущих от абортот криминальных. Елена, естественно выступая за сохранение жизней нерожденных детей (хотя сама рожать больше не сможет), словно отодвигает от себя проблему сохранения женского тела, ее позиция – жертвенная, но и судящая. Постоянные инверсии в романе проблематизируют устойчивость гендерных ролей. Выход из рациональных рамок такого противопоставления в пространство интуитивного, бессознательного, мистического работает на уровне характеров, но в сюжетном развертывании к финалу тайновидение никак не разрешает личностных противоречий и не влияет на судьбу героев. Хотя пространство видений Елены вовлекает некоторые элементы реального мира и она обретает в своих видениях новую призрачную идентичность («новенькая»), онейрическое пространство не влияет на ее внешнюю жизнь. Однако жизнь эта, пропущенная через сознание Другого (не рационального субъекта), приобретает иную глубину, и дискурс безумия (термин М. Фуко) обретает свой голос и свои права.

Может быть, именно из-за деконструкции традиционных представлений о поле, разуме, болезни интерпретация литературных героев прозы Улицкой со стороны литературной критики обнаруживает большой разброс мнений. Роман, полу-

чивший премию «Русский Букер», был встречен также множеством уничижительных рецензий с неприятием мотивов телесности, с негативной оценкой обнаруживаемых в романе свойств женской прозы (М. Золотоносова, М. Ремизовой, Л. Куклина и др.)⁵. Действительно, стиль Улицкой обнаруживает характерные для российской женской прозы 1980–1990-х гг. черты⁶: это внимание к телесности, интерпретация женского начала как жертвенного, воссоздание образа пишущей женщины, причем письмо Елены как будто соответствует представлениям феминисток (Э. Сиксу, Л. Иригарэ и др.) о женском письме: стихийное, свободное, с логическими разрывами и прорывами в бессознательное⁷. Позицию автора в романах Улицкой современная исследовательница гендерных особенностей творчества писательницы определяет как феминный «билингвизм» (определение восходит к идеям Э. Сиксу). Такой билингвизм предполагает «объединение различных способов гендерной презентации субъектности: с одной стороны, возможность мимикрировать под патриархатный дискурс, если речь идет о маскулинной тематике и образности, с другой – способность активно использовать приемы “феминного письма”, если создается образ женственности» [Воробьева 2016: 142–143].

Отмеченный «билингвизм» Улицкой, как нам представляется, служит, скорее, проявлением некоего полилингвизма, и не исключительно гендерного – т. е. частным случаем общего авторского миропонимания, основанного на принципах толерантности в области как этических, так и эстетических норм и оценок. Потому и гендерные позиции героев Улицкой взаимобратимы, а патриархальные ее героини (очевидно, мотивированные жанровыми традициями семейного романа не меньше, чем традиционными архетипами) не патриархатны, не маскулинны. Собственно, прародителем рода в этой модели может являться и женщина – как в семейной хронике «Медея и ее дети».

Эволюция творчества Улицкой обнаруживает нарастание тенденции к множественности языков, ценностей, точек зрения и т. п., в том числе и в строении персонажа. В романе «Лестница Якова» повествователь, за которым явственно просвечивает автор, демонстрирует сочувствие ценностям скорее Якова, а не Марии: он не только сохранил верность любви, но и сумел сохранить свою личность под давлением сталинской машины террора, в то время как она не ушла от соблазнов эпохи. Даниэль Штайн – переводчик языков разных культур: этнических, религиозных, политических. Он – медиатор, способный сфокусировать в своем личном опыте разнонаправленные и даже несовместимые взгляды. Для

окружающих он чужой и Другой: иудей – для нацистов, католик – для израильтян, потому его якобы случайная гибель в логике романа вполне предопределена. Опыт и подвиг такого служения и составляет смысл романа.

И Яков, и Даниэль Штайн исповедуют не рациональные мужские, но, скорее, гибкие, вполне женственные, если держаться гендерных характеристик, поведенческие и аксиологические принципы: уход от прямых конфликтов, толерантность и стремление к медиации конфликтных позиций. Нам представляется, что подобная трактовка героя связана с общим свойством беллетристики Улицкой, с системой ее ценностей, со стратегией поиска культурной, религиозной, нравственной толерантности. О каких бы аспектах творчества Улицкой ни писали сегодня критики и литературоведы (о проблемах идентичности, о специфике травелогов или понимании семьи), всякий раз они отмечают тягу писательницы к гетерогенности изначальной картины мира, ведущей в конечном к гармонизации многокомпонентной реальности [например: Богданова, Ковтун 2014]. Творчество Улицкой сегодня воспринимается и трактуется через призму толерантности, что, конечно, стимулируется и правозащитной, издательской, общественной деятельностью писательницы [Осьмухина 2011; Skomp, Sutcliffe 2014].

Возвращаясь к проблеме героя, заметим: те составляющие модели литературного героя, что были здесь обозначены применительно к роману «Казус Кукоцкого», сохраняются и в более поздних романах Л. Улицкой. Линия божественного (архетипического, мифологического) происхождения героя только усиливается: Даниэль Штайн – воплощение Христа, а уже в самом названии романа «Лестница Якова» отчетливо указано на библейского праведника Якова, нашедшего путь к Богу. Усиливается также и тяготение к прототипическому, документальному началу. Если биографическая фактуальность Кукоцкого сводилась к стимулирующей роли знаков-прототипов, то прототипы «Даниэля Штайна» и «Лестницы Якова» более очевидны, определены и близки самому автору: реальный Даниил Руфайзен в первом случае (пусть в зеркале почти агиографических свидетельств) и дед писательницы во втором. Фактуальность теперь достигается или документом (в «Лестнице Якова»), или эффектом документности, как в «Даниэле Штайне». («Документность» – термин И. Каспэ, обозначающий эффект документа, «культурные представления о нем, коммуникативные эффекты, которые им производятся» [Каспэ 2010: 4].) Важна и смена нарративной модели коммуникации в последних названных романах: переход от слова автора к слову героя, что достигается активным использо-

ванием эпистолярия. Фикциональность в новых романах Улицкой становится на службу фактуальности. Социальное же начало и профессиональная характеристика персонажа, кажется, отступают на второй план – экзистенциальная сущность важнее социальной роли. Впрочем, и Кукоцкий в финале романа и своей судьбы «понял, что дожил до такого времени в своей жизни, что эта маленькая девочка способна заменить ему всю его профессиональную деятельность» (393).

Индивидуальная стратегия Улицкой в формировании литературного героя, как нам представляется, находит аналоги в современной беллетристике. Мы не склонны придавать последнему термину сколько-нибудь уничижительного значения, разделяя позицию тех исследователей, которые располагают качественную беллетристику на границе с классикой или авангардной литературой (кстати, «Два капитана» В. Каверина» тоже принадлежат к этому ряду). Беллетристика стремится к увлекательности повествования и к медиации противоречий. Не к вычеркиванию или устранению, но именно к медиации как гармонизации. В «Казусе Кукоцкого» оптимистическое разрешение противоречий кажется невозможным, и романский эпиграф из Симоны Вайль («Истина лежит на стороне смерти») эту невозможность подчеркивает. Однако четвертая часть романа, выполняющая функцию эпилога, описывает жизнь после смерти главных героев романа и завершается новым рождением – правнука Кукоцкого. В своих сюжетах и героях Улицкая сначала декодирует привычные культурные представления, но потом через их переустройство заново приходит к вечным ценностям на новых основаниях: так, безусловная ценность семьи в «Медее и ее детях» и «Казусе Кукоцкого» парадоксально зиждется не на кровном родстве.

В. М. Маркович очень точно писал о совместности внутри литературного процесса «беллетристичности», дающей «успокоительную устойчивую опору и вводящей содержание литературы в границы «усредненного» сознания», и «классичности», выводящей «человеческое сознание за грань известного или доступного» [Маркович 1991: 60]. Время само расставляет по местам литературные ряды, история литературы может менять этот порядок. А в постмодернистскую эпоху беллетристика наращивает диалогическое взаимодействие различных художественных систем, интертекстов, языков. Она охотно использует «гибридные» жанровые стратегии, сочетая разные жанровые модели (и, в частности, наработанные приемы женской прозы). Роман Марины Степновой «Женщины Лазаря» (2011), например, предлагает тип героя, сходный с героем Л. Улицкой: патриарха, Отца, Мудрого стар-

ца. В книге Гузели Яхиной («Зулейха открывает глаза», 2015) тип гениального врача-гинеколога отчетливо напоминает Кукоцкого. То есть свойства литературного героя Улицкой, конечно же, не уникальны. В любом литературном произведении работают и архетипы коллективного бессознательного, и литературные традиции, и социальные модели. Но Улицкой оказалось дано сформировать работающую авторскую модель, собственную литературную антропологию, востребованную современным читателем.

Примечания

¹ См., например: «У Павла Кукоцкого не один прототип – за его спиной стоят несколько замечательных врачей. Один из них – доктор Павел Алексеевич Гузиков. Как раз его-то я и не знала. Он был отчимом моей подруги, она очень много о нем рассказывала, и некоторые из ее историй были «подарены» моему герою – доктору Кукоцкому. Есть и еще одна биографическая завитушка. Мой дед в юности был очень тяжело болен, и молодой земский врач Спасокукоцкий, никому тогда еще не известный, сделал в 1911 или 1912 г., во всяком случае до Первой мировой войны, чрезвычайно рискованную операцию с трепанацией черепа и спас деду жизнь. Фамилия, которую я выбрала для моего героя, – маленький знак благодарности этому хирургу» [Улицкая 2009].

² «У меня есть герой – Павел Кукоцкий из романа “Казус Кукоцкого”. Его прототип – пермский доктор Павел Алексеевич Гузиков, он был отчимом моей подруги, театроведа Ирины Павловны Уваровой, и на меня огромное впечатление произвели истории из жизни этого потрясающего доктора. У меня на стене висит его портрет в белом халате» [Улицкая 2016].

³ «Гузиков Павел Алексеевич (1885–1952) – профессор акушерско-гинекологической клиники мединститута г. Молотов (Пермь)». URL: <http://politarhive.perm.ru/nsa/ukazateli-dokumentov/meditsinskie-rabotniki.html> (дата обращения: 20.03.2014.)

⁴ Далее в тексте при ссылках на это издание в круглых скобках указывается номер страницы.

⁵ Вместе с тем по прошествии десятилетия телесный код прочитывается как один из основных в понимании произведений Л. Улицкой. Особенно это характерно для западного литературоведения [Callenger 2010].

⁶ Впоследствии российская женская проза эволюционирует: от языковых экспериментов рубежа 1980–1990-х гг. к институализации и беллетризации в 2000-е. Об этом подробнее см.: [Абашева 1993; Абашева, Воробьева 2007].

⁷ Обзор гендерных теорий см., например: [Рюткенен 2000].

Список литературы

Абашева М. П. Чистенькая жизнь не помнящих зла // Литературное обозрение. 1992. № 5–6. С. 9–14.

Абашева М. П., Воробьева Н. В. Русская женская проза на рубеже XX–XXI веков: учеб. пособие по спецкурсу / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2007. 175 с.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Богданова О. В., Ковтун Н. В. Коммуникативные стратегии в «миддл-литературе» рубежа XX–XXI вв.: случай Л. Улицкой // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9: Филология, востоковедение, журналистика. 2014. Вып. 1, март. С. 14–25.

Воробьева С. Ю. Приемы репрезентации женского и мужского начал в романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» (гендерный аспект) // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2016. Вып. 3(168). С. 15–19.

Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л.: Сов. писатель, 1979. 224 с.

Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л.: Сов. писатель 1971. 463 с.

Гладышев В. По следам «Двух капитанов» // Пермский университет (журн.). 2007. № 7. С. 80–85.

Зиф Б. Л. Провинция: повесть. Из воспоминаний. Пермь: Изд.-полиграф. комплекс «Звезда», 2004. 208 с.

Каверин В. Два капитана: роман: в 2 т. Т. 1–2. Екатеринбург: УАО «Посылторг», 1993. 624 с.

Каспэ И. М. Когда говорят вещи: документ и документность в русской литературе 2000-х: Препринт WP6/2010/02. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 48 с.

Маркович В. М. К вопросу о разграничении понятий «классика» и «беллетристика» // Классика и современность / под ред. П. А. Николаева, В. Е. Хализева. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 53–66.

Медведев П. Н. В лаборатории писателя. Л.: Сов. писатель, 1971. 392 с.

Мелетинский Е. М. О литературных архетипах / Рос. гос. гум. ун-т. М., 1994. 136 с. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 4).

Осьмухина О. В поисках утраченной толерантности. Людмила Улицкая // Вопросы литературы. 2011. № 1. С. 144–158.

Рюткёнен М. Гендер и литература: проблема «женского письма» и «женского чтения» // Филологические науки. 2000. № 3. С. 5–7.

Топоров В. Улицкая в шадящем режиме // О литературе с Виктором Топоровым // Фонтанка: Петербургская интернет-газета. 2011. 16 февр. URL: <http://www.fontanka.ru/2011/02/16/167/> (дата обращения: 20.01.2017).

Улицкая Людмила: «У врачей особое отношение к человеку...» // Аргументы и факты. Здоровье. Интервью Валерии Коростылевой. 2009. 2 апр. (№ 14). URL: <http://www.aif.ru/culture/person/10299> (дата обращения: 20.01.2017).

Улицкая Людмила: «Я – Люся Улицкая». [Записала Юлия Баталина] // Новый компаньон. 2016. 4 окт. URL: <https://www.newsko.ru/articles/nk-3413928.html> (дата обращения: 20.01.2017).

Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев, 1996. 384 с.

Callenger E. Representation of the Past and Reconstruction of Identity Through the Body and Dreams in Ludmila Ulitskaya's Kukotsky Case [Kazus Kukotskogo] // Transcultural Studies. 2010. Vol. 6, Issue 1. P. 143–160.

Skomp E. A., Sutcliffe B. M. Ludmila Ulitskaya and the Art of Tolerance. Univ. of Wisconsin, 2015. 268 p.

References

Abasheva M. P. Chisten'kaya zhizn' ne pomnyashchikh zla [Clean living of those not remembering the evil]. *Literaturnoe obozrenie* [Literary Observer], 1992, issue 5–6, pp. 9–14. (In Russ.)

Abasheva M. P., Vorobyeva N. V. *Russkaya zhenskaya proza na rubezhe 20–21 vekov* [Russian women's prose at the turn of the 20–21 centuries]. Perm, Perm State Pedagogical University Press, 2007. 175 p. (In Russ.)

Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 424 p. (In Russ.)

Bogdanova O. V., Kovtun N. V. *Kommunikativnye strategii v «middl-literature» rubezha 20–21 vv.: sluchay L. Ulitskoy* [Communication strategies in the “middle literature” at the turn of the 20–21 centuries: L. A. Ulitskaya's case]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya, vostokovedenie, zhurnalistika* [Vestnik of St. Petersburg State University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism], 2014, issue 1, March, pp. 14–25. (In Russ.)

Vorobyeva S. Yu. Priemy reprezentatsii zhenskogo i muzhskogo nachal v romane L. Ulitskoy «Kazus Kukotskogo» (gendernyy aspekt) [Methods of Masculinity and Femininity Presentation in the Novel by L. Ulitskaya “The Kukotsky Enigma” (Gender Aspect)]. *Vestnik TGPU* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2016, issue 3, pp. 15–19. (In Russ.)

Ginzburg L. Ya. *O literaturnom geroe* [On a literary character]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1979. 224 p. (In Russ.)

Ginzburg L. Ya. *O psikhologicheskoy proze* [On psychological prose]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1971. 463 p. (In Russ.)

Gladyshev V. Po sledam «Dvukh kapitanov» [In the footsteps of “Two captains”]. Permiskiy Universitet [Perm University], 2007, issue 7, pp. 80–85. (In Russ.)

Ziff B. L. *Provintsiya: Povest'. Iz vospominaniy* [Province: The Story. From the memoirs]. Perm, Zvezda Publ. 2004. 208 p. (In Russ.)

Kaverin V. *Dva kapitana. Roman v dvukh tomakh* [Two Captains. The Novel in two volumes]. Ekaterinburg, UAO “Posyltorg” Publ., 1993, vols. 1–2, 624 p. (In Russ.)

Kaspe I. M. *Kogda govoryat veshchi: dokument i dokumentnost v russkoy literature 2000-kh: Preprint WP6/2010/02* [When Things Talk: Document and Documentariness in Russian Literature of the 2000s: Preprint WP6/2010/02]. Moscow, The Higher School of Economics Publishing House, 2010. 48 p. (In Russ.)

Markovich V. M. K voprosu o razgranichenii ponyatiy «klassika» i «belletristika» [To the question of delimitation of the concepts of “classics” and “fiction”]. *Klassika i sovremennost'* [Classica and modernity]. Ed. by P. A. Nikolaeva, V. E. Khalizeva. Moscow, Moscow State University Publishing, 1991, pp. 53–66. (In Russ.)

Medvedev P. N. *V laboratorii pisatelya* [In the laboratory of a writer]. Leningrad, Sovetskiy Pisatel' Publ., 1971. 392 p. (In Russ.)

Meletinskiy E. M. *O literaturnykh arkhetypakh. Chteniya po istorii i teorii kultury. Vyp. 4* [On literary archetypes. Readings in History and Theory of Culture. Iss. 4]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1994. 136 p. (In Russ.)

Os'mukhina O. V poiskah utrachennoy tolerantnosti. Lyudmila Ulitskaya [In search for the lost to-

lerance. Lyudmila Ulitskaya]. *Voprosy literatury*, 2011, issue 1, pp. 144–158. (In Russ.)

Rytkönen M. Gender i literatura: problema «zhenskogo pis'ma» i «zhenskogo chteniya» [Gender and literature: the problem of “women's writing” and “female reading”]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 2000, issue 3, pp. 5–17. (In Russ.)

Toporov Viktor O literature s Viktorom Toporovym: Ulitskaya v shchadyashchem rezhime [About literature with Viktor Toporov: Ulitskaya in a gentle regime]. *Fontanka. Peterburgskaya Internet-gazeta* [Fontanka. St. Petersburg online newspaper]. 16.02.2011. Available at: <http://www.fontanka.ru/2011/02/16/167/> (accessed 20.01.2017). (In Russ.)

Ulitskaya Lyudmila. «U vrachey osoboe otnoshenie k cheloveku...» [“Doctors have a special attitude to a human” (Interview of Valeriya Korostyleva)]. *Argumenty i fakty. Zdorovye*. 2009, issue 14, April 2. Available at: <http://www.aif.ru/culture/person/10299> (accessed 20.01.2017). (In Russ.)

Ulitskaya Lyudmila. «Ya – Lyusya Ulitskaya» [“I am Lucy Ulitskaya”] (Interview by Yuliya Batalina). *Novyy kompanyon*, 2016, October 4. Available at: <https://www.newsko.ru/articles/nk-3413928.html> (accessed 20.01.2017). (In Russ.)

Yung K. G. *Dusha i mif: shest' arkhetypov* [Soul and Myth: Six archetypes]. Kiev, 1996. 384 p. (In Russ.)

Callegher Elvira Representation of the Past and Reconstruction of Identity Through the Body and Dreams in Ludmila Ulitskaya's Kukotsky Case (Kazus Kukotskogo). *Transcultural Studies*. 2010, vol. 6(1), pp. 143–160. (In Russ.)

Skomp E. A., Sutcliffe B. M. *Ludmila Ulitskaya and the Art of Tolerance*. University of Wisconsin Press, 2015. 268 p. (In Russ.)

THE STRUCTURE OF THE CHARACTER IN LYUDMILA ULITSKAYA'S NOVELS: *THE KUKOTSKY ENIGMA*

Marina P. Abasheva

Professor in the Department of Contemporary Russian Literature

Perm State Humanitarian Pedagogical University

24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russian Federation. m.abasheva@gmail.com

Professor in the Department of Journalism and Mass Communication

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation

SPIN-code: 2169-4629

ORCID: <http://orcid.org/0000-001-5720-7916>

ResearcherID: R-8012-2016

Based on archival material, the article presents information about the prototype of the main character in the novel *The Kukotsky Enigma* by Lyudmila Ulitskaya. The prototype was a physician Pavel Guzikov (1885–1952) who lived in Perm (renamed Molotov in the Soviet period). Guzikov's family and home in the Molotov-city were also the prototypical basis for incidental characters and setting in two chapters of Ve-

niamin Kaverin's novel *Two Captains* (the writer visited Molotov in 1942). In Lyudmila Ulitskaya's novel, P. A. Guzikov becomes the prototype of the main character, Pavel Alekseevich Kukotsky, a hero-ideologist who occupies an important place in the general typology of Ulitskaya's heroes. The study of the character's prototypical basis, testimonies of Guzikov's daughter published for the first time, archival documents and memoirs may become data for historical and literary commentary on the novel by Ulitskaya. The designated social, historical and literary connections between the heroes and prototypes of V. Kaverin, L. Ulitskaya and other writers outline a kind of literary topos in the regional history of Perm literature. In terms of theory, the research focuses on the study of the structure of characters in Ulitskaya's novels. The theoretical framework of the article embraces the methods of myth criticism, structural semiotics, narratology, and gender analysis. The characters in Ulitskaya's novels – *The Kukotsky Enigma* (2001), *Daniel Stein, Interpreter* (2006), *Jacob's Ladder* (2015) and others – are based on the combination of biographical, social, mythological, archetypal aspects, and they are subordinated to the task of mediation and harmonization of life conflicts and contradictions along with other levels of problems and poetics of Ulitskaya. The article outlines the analysis of the evolution of the model described above, which is characteristic not only of L. Ulitskaya's prose but also of other works of modern fiction, where we can see a tendency towards document and hybridization of traditional genre formulae.

Key words: prototype; structure of a literary character; fiction; Lyudmila Ulitskaya; Veniamin Kaverin; Pavel Guzikov.

УДК 821.111
doi 10.17072/2037-6681-2017-2-73-81

ПЕРВЫЕ ПЕРЕВОДЫ РОМАНА ТОМАСА ГАРДИ «ДЖУД НЕЗАМЕТНЫЙ» В РОССИИ

Анастасия Викторовна Баранова

аспирант кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования
Национальный исследовательский Томский государственный университет

634050, г. Томск, просп. Ленина, 36. baranskikh@yandex.ru

SPIN-код: 4924-1464

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3296-706X>

ResearcherID: H-4473-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Баранова А. В. Первые переводы романа Томаса Гарди «Джуд незаметный» в России // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 2. С. 73–81. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-73-81

Please cite this article in English as:

Baranova A. V. Pervye perevody romana Tomasa Gardi «Dzhud nezametnyy» v Rossii [The First Russian Translations of Thomas Hardy's *Jude The Obscure*]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 2, pp. 73–81. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-73-81 (In Russ.)

В статье представлен анализ русских переводов романа Томаса Гарди «Джуд незаметный», относящихся к концу XIX в. Отмечается, что первый перевод, выполненный В. Е. Кардо-Сысоевой, охватывает только начало романа, отличается высокой адекватностью передачи образа главного героя, но роль типичного для Гарди всеведущего автора в переводе редуцирована. Женский образ, воплощающий, по замыслу Гарди, земное, плотское и даже животное начало, в английском тексте прописан в натуралистической манере. Кардо-Сысоева избегает натуралистичности в описании героини, что могло бы сгладить выстроенные автором оппозиции героев, в случае если бы перевод романа был бы полным. Второй перевод, выполненный И. В. Майновым и считающийся первым полным переводом произведения, характеризуется значительными сокращениями. Он озаглавлен переводчиком «Джуд неудачник», что свидетельствует о подмене авторской позиции позицией переводчика в отношении главного героя романа. Подобный выбор заглавия отражает главную особенность этого перевода – выраженное акцентирование сюжета романа и почти полное игнорирование более глубоких слоев произведения.

Ключевые слова: переводы романов Томаса Гарди; «Джуд неудачник»; «Простаки»; многоуровневая структура романа; переводческая интерпретация.

В 2015 г. Роберт Маккрам, английский журналист, историк и писатель, создал список ста лучших, по его мнению, романов, написанных когда-либо на английском языке. В этот список включен и роман Томаса Гарди «Джуд незаметный» [Офиц. сайт газеты «The Guardian» 2015]. Возможно, такая оценка покажется спорной, но, без сомнения, этот последний роман писателя является знаковым хотя бы потому, что завершает цикл «Романов характеров и среды». По мнению многих литературоведов, этот цикл представляет собой постепенную трансформацию поэтики викторианских романов в литера-

турные формы и темы наступающего XX в. Именно в «Джуде» основные темы и конфликты цикла достигают масштабов трагедии, а художественные приемы предвосхищают эпоху модернизма и символизма [Гордиенко 2008; Абилова 2014: 74].

Графство Уэссекс, полуреальное и полуисторическое место, стало той средой, в которой развивались сюжеты романов Гарди, и эта среда постепенно, от романа к роману, деградировала. Идиллический и пасторальный мир старой доброй Англии [Гордиенко 2008] в «Джуде» впервые уступает место урбанистическому серому

пейзажу, ассоциирующемуся с упадком и депрессией [Серебрякова 2010: 60].

Геометричность построения композиции – еще одна характерная черта романного творчества писателя, которая наиболее наглядно представлена в «Джуде незаметном». Квадрат характеров и любовный треугольник составляют основную геометрию этого романа [Шимица 2009: 72].

Важнейшим элементом, с одной стороны, объединяющим цикл романов, с другой стороны, получившим в них заметное развитие, является их тематика и проблематика. Основные темы «Романов характеров и среды» – это конфликт между мечтой и реальностью, противопоставление жестокого города пасторальной деревне, старого и нового, мужского и женского начал, личности и религии, личности и общества, человека и судьбы, Бога, а также темы регионального исторического прошлого, роковой любви и пр. Все эти темы имеют романтические истоки [Гордиенко 2008]. Однако, преломившись через реалистическую, а иногда и натуралистическую писательскую манеру Гарди и пройдя путь от едва намечившихся противоречий до философских глубинных конфликтов, они приобрели в «Джуде» истинно трагический масштаб, масштаб греческой трагедии [В. Dennis 2000: 46]. Неслучайно М. Миллгейт сравнивает героев последнего романа, Джуда и Сью, с героями Ф. М. Достоевского [Millgate 1971: 319]. Неразрешимость конфликта человека и среды выражается в открытом финале романа. Ф. А. Абилова отмечает, что в процессе создания цикла романов Гарди постепенно переходит от закрытых финалов, характерных для классического викторианского романа, к такому типу открытого финала, в котором при его формальной фабульной законченности не происходит разрешения основных конфликтов произведения. «Изображенные события указывают на неразрешимость жизненной драмы, на невозможность восстановления гармоничного бытия, транслируя нерешенную проблему за пределы произведения» [Абилова 2014: 78].

По мере появления новых произведений цикла эволюцию претерпевают и заголовки романов. Так, характерным решением Гарди в последних романах цикла: «Мэр Кэстербриджа», «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» и «Джуд незаметный» – является использование собственных имен в качестве заглавия. Именно в этих романах конфликт личности и среды приобретает трагический характер и собственные имена в заглавии выдвигают личность на первый план. Но если в первых двух романах Гарди использовал подзаголовки, выражающие авторское отношение к главным героям [Абилова 2015: 66], то в «Джуде» основным информативным элементом заго-

ловка становится метафорический атрибут (*the Obscure*) с определенным артиклем, маркирующим устойчивость и неотъемлемость данного качества для личности героя [Серебрякова 2010: 59]. Образное начало в заглавии «Jude the Obscure» усиливается за счет многозначности слова «obscure». Англоязычный читатель в процессе чтения может активировать соответственно то или иное значение этой метафоры, в зависимости от контекстного восприятия. В этом слове «запаковано» несколько смыслов, каждый из которых актуализируется в процессе развития сюжета.

Однако к заглавию «Jude the Obscure» Гарди пришел не сразу. Впервые роман был опубликован в журнале «Харперс» под заглавием «The Simpletons» («Простаки») в 1894–1895 гг. Многие критики сходятся во мнении, что название «Простаки», прежде всего, соотносится с образами Джуда и Сью и отражает такие общие для обоих качества, как простота, наивность, непрактичность и неприспособленность к суровым жизненным реалиям [Millgate 1971: 319]. Как и в случае с романом «Тэсс из рода д'Эрбервиллей», оригинальный сюжет романа был значительно изменен под давлением редакторов.

Достаточно быстро, в августе 1896 г., в газете «Русские ведомости» появляется русский перевод отрывка из «Простаков», выполненный Варварой Евграфовной Кардо-Сысоевой. Это не первое произведение Гарди, напечатанное в данном издании. В апреле 1896 г. в газете появился перевод его рассказа «Гусар германского легиона» («The melancholy hussar of the German legion») в исполнении той же переводчицы. Кроме того, к этому времени русский читатель уже был знаком с переводом романа «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» и нескольких рассказов английского писателя [Баранова 2015: 14].

Упомянутый отрывок является переводом начала романа, опубликованного в декабрьском номере журнала «Харперс» 1894 г. Финалом русского перевода становится сцена, в которой Джуд предвкушает свидание с Арабеллой, тогда как сюжет английского текста в американском журнале развивается чуть далее. Таким образом, русский читатель расстается с главным героем в тот момент, когда его невзгоды только начинаются: *«Мимолетная рассудительность утратила свою силу, и Джуд опять совершенно растерялся под наплывом свежего неизведанного наслаждения. Он ясно осознавал только одно: завтрашний день он опять увидит ее, эту девушку, которая так странно разжигала его чувства»* [пер. Кардо-Сысоевой 1896]. Остановившись на этой сцене, переводчица придала определенную логическую законченность отрывку при открытом финале.

В целом первый русский перевод романа Гарди (отрывка из «Джуда») можно охарактеризовать как достаточно близкий к оригиналу. Было ли это осознанным выбором переводческой стратегии В. Е. Кардо-Сысоевой, или небольшой объем переводимого материала определил подобный подход, сказать сложно, но перевод «Простаков» передал глубокий психологизм оригинального текста, сохранив большой объем описаний внутреннего мира Джуда, авторских отступлений и рассуждений. Основной конфликт главного героя и реальности мира, составляющий одну из геометрических оппозиций в романе, четко прослеживается в переводе Кардо-Сысоевой.

Перевод всех деталей, библейских сравнений, прямой речи Джуда позволяют читателю ощутить состояние героя, увидеть мир через призму его мировосприятия. Таким образом, достигается большая вовлеченность читателя не только в сюжетный уровень произведения, но и в более глубокие психологические «слои» романа.

Однако, сфокусировавшись на образе главного героя, переводчица в меньшей степени отразила образ «всеведущего» автора, опустив в русском тексте его комментарии относительно того, «что было бы, если бы все было по-другому». Такой прием «увеличения масштаба полотна» позволяет автору показать через трагедию одно-

го человека трагедию судеб многих людей. Он также помогает писателю создать определенное настроение в восприятии дальнейших событий сюжета и заставляет читателя размышлять о роли случая в судьбе. Однако можно и предположить, что пропуск указанных авторских комментариев был обусловлен форматом жанра рассказа, в котором выполнялся перевод отрывка.

Третий персонаж отрывка – Арабелла, по сюжету в будущем первая жена Джуда, олицетворяет, по замыслу автора, женское, земное начало, материальный грубый мир. Необходимо отметить, что в английской журнальной версии описание внешности этой героини несколько смягчено, по сравнению с последующим книжным изданием. Так, в журнальной версии во фразе: «She was a complete and substantial female animal» (Она была абсолютная, настоящая самка) слово «animal» (животное) было заменено на «human» (человек), т. е. эту фразу можно было бы перевести как «настоящая женщина». Однако и такая метафора, по-видимому, показалась переводчице слишком натуралистичной, и описание внешности Арабеллы в переводе звучит нейтрально, без каких-либо негативных подтекстов. Тем более не упоминается умение Арабеллы в нужный момент имитировать ямочки на щеках, что в оригинальном тексте символизирует фальшивость ее натуры.

Оригинал

She ...was a fine dark-eyed girl, not exactly handsome, but capable of passing as such at a little distance, despite some coarseness of skin and fibre. She had a round and prominent bosom, full lips, perfect teeth, and the rich complexion of a Cochinchina hen's egg. She was a complete and substantial female human – no more, no less... [Thomas Hardy, «The Simpletons» 1894].

Перевод Кардо-Сысоевой

Она ...была красивая, темноглазая девушка, не то чтобы настоящая красавица, а могущая сойти за таковую, на известном расстоянии, по крайней мере. У нее был полный стан, полные губы, два ряда красивых зубов и здоровый цвет лица [пер. Кардо-Сысоевой 1896].

Дословный перевод (наш)

Она была привлекательная темноглазая девушка, не так чтобы красивая, но способная казаться таковой на небольшом расстоянии, несмотря на несколько огрубевшую кожу. У нее была круглая большая грудь, полные губы, отличные зубы и цвет кожи яйца кохинхинки. Она была абсолютная, настоящая женщина – ни больше ни меньше.

Таким образом, первым русским переводом романа «Джуд незаметный» был перевод отрывка (первых шести глав) журнальной версии подлинника, озаглавленного изначально как «Простаки». При достаточно полном переводе отрывка особое внимание переводчица обратила на образ главного героя и развитие его внутреннего мира. Тем не менее часть деталей, относящихся к раскрытию образа Джуда, остались неперевереденными, что, возможно, связано с форматом «отрывка рассказа». В меньшей степени отражен в переводе образ «всезнающего автора», удалена авторская ирония, смягчена натуралистичность образа Арабеллы.

Год спустя (в 1897) в журнале «Северный вестник» появился первый полный перевод романа в переводе Ивана Васильевича Майнова.

К ноябрю 1895 г. в английской печати вышла книжная версия романа, озаглавленная «Jude the Obscure», в которой автор восстановил сюжетные линии, удаленные из журнального издания. Несомненно, что текстом-источником первого полного перевода романа служила именно книжная версия произведения. В 90-е гг. XIX в. журнал «Северный вестник» переживал финансовые трудности, вызванные снижением числа его подписчиков и падением популярности. Возможно, выбор «нашумевшего» романа знаменитого писателя был попыткой привлечь к журналу читательскую аудиторию. Неслучайно начало романа снабжено сноской к имени автора: «Томас Гарди (Thomas Hardy), один из наиболее известных и талантливых романистов современной Англии.

Предлагаемый в переводе роман его “Jude the obscure”, появившийся в 1896 г., вызвал большой шум в английской печати» [пер. Майнова 1897]. Таким образом переводчик расширил заглавный комплекс, добавив «приманку» для возбуждения читательского интереса и преподнеся свой труд как перевод скандально известного произведения.

В русском переводе роман был озаглавлен как «Джуд неудачник». Такой переводческий выбор постпозитивного атрибута в заглавии обращает на себя внимание, так как английское прилагательное “obscure” при всем многообразии значений не имеет семы «неудачник». Следовательно, переводчик сознательно избегает выбора одного из значений этого английского прилагательного, а вместо этого добавляет качество, которое, по мнению С. В. Серебряковой, «верно по существу как окончательный смысловой вывод, отражающий концепт произведения», но при этом утрачивается «индивидуально-авторская метафоризация, усложняющая образ главного персонажа...» [Серебрякова 2010: 61].

Оригинал

...he was *the sort of man* who was born to ache a good deal... [Thomas Hardy 1994: 13].

Перевод

Джуд был из категории *неудачников*, которым суждено много пострадать... [пер. Майнова 1897].

Дословный перевод

Он относился к *тому типу людей*, которые рождаются, чтобы много страдать...

Во-вторых, принимая за основу выделенные Е. В. Шиминой три уровня понимания действительности в романе [Шиминова 2009: 216], можно предположить, что такое заглавие в переводе наиболее полно (но не полностью) передает только первый, внешний, собственно сюжетный уровень. Второй уровень – внутренний мир героев, который, по сути, составляет наиболее весомую часть произведения, в русском переводе оказался лишь обозначен. Третий, универсальный, уровень библейских и мифологических аллюзий, шекспировских реминисценций, «говорящих» имен и ассоциаций при переводе на русский язык также передан только частично.

Говоря о первом внешнем уровне романа, необходимо начать с его формальной структуры. Перевод, как и оригинал, состоит из шести частей. Однако последние две части перевода содержат меньшее количество глав, чем оригинал. Ряд глав переведен в форме краткого пересказа сюжета. Кроме того, многие переведенные главы имеют меньший, по сравнению с оригиналом, текстовый объем вследствие пропуска нескольких абзацев, а иногда и страниц. Таким образом, уже на формальном уровне перевод Майнова представляет собой сокращение и частичный пересказ романа.

Анализируя реализацию первого внешнего уровня в переводе Майнова, прежде всего, обращаем внимание на удаление или сглаженную

Однако сомнительно и то, что концепт романа можно охарактеризовать понятием «неудача». Во-первых, в самом мировосприятии Гарди категории «удача-неудача» вряд ли являются актуальными. В его миропонимании выбор в жизни человека – лишь иллюзия, и что бы он ни выбирал, конечным итогом становится смерть и небытие. Во-вторых, понятия «удача» или «неудача», по Гарди, относительны. Так, по мнению одного из английских исследователей, все жизненные невзгоды, выпавшие на долю Джуда, стали толчком для его нравственного и духовного развития. С этой точки зрения, главный герой преуспел в своей жизни [Kelly Tucker 2001: 42]. Таким образом, охарактеризовав Джуда как неудачника, переводчик, во-первых, искажает авторскую позицию по отношению к главному герою (подменяет ее своей). Подобную подмену авторских оценок можно проследить и на других примерах, где переводчик усиливает оценочную составляющую авторской позиции и, более того, делает ее явно негативной.

передачу сюжетных элементов, связанных с сексуальными отношениями Джуда и Арабеллы. Подобное «утаивание» фактов сюжета нарушает логику повествования, и последующие поступки, мысли и эмоции персонажей оказываются непонятны русскому читателю. В оригинальном тексте «животное влечение», возникшее при первой встрече Джуда и Арабеллы, представлено автором как типичный, неизбежный и не зависящий от воли людей ход вещей. Это – обобщение и описание механизма, уловки или капкана, по мнению Гарди, придуманного природой с целью размножения вида. Герои романа – одни из миллионов людей, подчиняющиеся через инстинкты слепой воле природы. Описание сексуальных чувств в романе Гарди – это способ не развлечь или привлечь широкую читательскую аудиторию, а передать авторскую концепцию жизни и человека, в частности, изображения бессилия воли человека, пусть даже имеющего высокие цели, перед слепой Волей, бессмысленным хаосом Вселенной. Пропуск подобных моментов подлинника при переводе не только удаляет из текста авторскую позицию, но и превращает произведение, наполненное глубокой философией и психологизмом, в незамысловатый «рассказ деревенского диакона».

Оставив непереверденными авторские отступления о природе отношений Джуда и Арабеллы,

которые сопровождают описание их знакомства, переводчик не только избегает «неприличной» темы сексуальности, но и тем самым ниве-

лирует контраст между духовными отношениями, возникшими впоследствии между Джудом и Сью.

Оригинал

The unvoiced call of woman to man, which was uttered very distinctly by Arabel-la's personality [Thomas Hardy 1994: 44].

Анализируя передачу первого внешнего уровня нарратива романа, необходимо также отметить упрощенную и сокращенную передачу внешности персонажей, в особенности Арабеллы. При описании этой героини, воплощения животного, земного начала, Гарди использует натуралистическую манеру, тогда как в описании внешности хрупкой, почти бестелесной Сью угадываются романтические мотивы. Таким образом, описание внешности является одним из способов изображения психологического типа персонажа, и авторские описания двух контрастных женских образов «работают» на построение

Перевод

Дословный перевод

Немой призыв женщины к мужчине, который очень ярко проявлял себя в натуре Арабеллы.

строгой геометрии романа и выражение авторской концепции человека и его отношений с миром. Соответственно, сокращения таких описаний при переводе, изменение авторской стилистики в описании внешности героев ведут к искажению вышеназванного. В данном случае можно говорить о том, что в переводе контраст между двумя женскими образами стал не таким напряженным.

Описание внешности Сью в русском переводе также претерпевает сокращение, при этом теряется важная для Гарди воздушность и эфемерность ее образа.

Оригинал

She looked right into his face with liquid, untranslatable eyes, that combined or seemed to him to combine keenness with tenderness, and mystery with both... [Thomas Hardy 1994: 106].

Внешний облик мужских персонажей, Джуда и Филлотсона, подобным же образом перестает работать на передачу психологических качеств героев и авторской позиции, а больше напоминает бесстрастное описание примет человека.

Характерной чертой первого русского перевода романа является минимальная передача английских национальных и исторических реалий произведения. Хотя переводчик не может не перевести название основных городков и сел, так как сама структура романа построена на перемещении персонажей из города в город и каждая глава озаглавлена названием их очередного места проживания, он все же сокращает объем перевода, «сэкономив» на исторических и географических описаниях местности. Переводчик избегает использования концептуально значимого для английского писателя географического названия «Уэссекс», заменяя его выражением «в этих местах».

В оригинальном тексте произведения встречается большое количество цитат из Библии, детских стишков, надписей на латинском, стихов известных английских поэтов, а также поэтов, писавших на дорсетском диалекте. В русском переводе они фактически отсутствуют. Это не только искажает формальную структуру романа

Перевод

Она прямо смотрела ему в лицо своим добрым открытым взглядом, но, вероятно, не узнала его [пер. Майнова 1897].

в переводе, но и лишает его интертекстуальных связей, культурного и национального контекстов. Несомненно, что такое игнорирование цитат при переводе обедняет и психологический образ персонажей, а главное – идейный (внутренний) уровень произведения.

В этой связи необходимо отметить, что Майнов перевел эпиграфы лишь к первым четырем частям романа, оставив последние две части без них. Более того, нумерация частей в русском переводе оказалась нарушена. Эта явная ошибка и факт значительного сокращения последних двух частей, а также несколько лингвистических ошибок во второй половине текста (например, выражение «shadowy third» было переведено как «третья тень» вместо «призрачный третий») свидетельствуют о том, что, возможно, переводчик торопился сдать перевод в срок.

Еще одним примером удаления интертекстуальных связей из текста перевода является пропуск абсолютно всех имен исторических, политических, научных и религиозных деятелей Англии, Европы, а также античных времен. Это фактически «стирает» исторический и культурный контекст (дискурс) романа. Гарди упоминает имена писателей и мыслителей не только для придания значимости Кристминстеру. Гораздо

чаще они «работают» на создание психологических портретов персонажей. Переделав известную поговорку: «Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, кто ты», можно выразить подход Гарди к описанию уровня интеллектуального развития героев романа, в особенности Сью и Джуда. Таким образом, перечисление тех авторов, которыми была в свое время увлечена Сью, представляет собой значимую информацию о героине для эрудированного читателя [Michael Wheeler 2007]. В русском тексте этих имен нет.

Интертекстуальные связи используются автором для раскрытия не только образов персонажей, но и отношений между ними. Так в беседе с приятелем Филлотсон сравнивает отношения Джуда и Сью с отношениями героев П. Шелли – Лаон и Цитна. Это важное сравнение, которое раскрывает романтическую, духовную основу их любви, концептуально противопоставленную плотской связи Джуда и Арабеллы, в русском переводе оказалось неозвученным.

Таким образом, удаление при переводе географических названий, имен собственных, эпиграфов и цитат привело к значительному сокращению интертекстуальных связей в романе, обеднению культурного и национального контекстов, что не позволило раскрыть для русского читателя более глубокие уровни этого многогранного произведения.

Второй уровень романа, отражающий психологическое развитие героев, получил, соответственно, еще меньшее отражение в переводе Майнова, хотя именно в нем сконцентрирован весь психологизм произведения.

Для передачи внутреннего состояния и психологического развития своих персонажей Гарди использует большое количество авторских

психологических описаний, внутренних монологов героев и диалогов, которые по своему стилю и объему напоминают внутренние монологи. Майнов, сделав упор на перевод сюжетного уровня романа, выбрал такую переводческую стратегию, при которой психологизм произведения уходит на второй план. Удельный объем внутренних монологов, авторских описаний, отступлений и повествований в русском переводе значительно снижается. Фактически во многих случаях вместо прямого способа передачи психологизма переводчик выбирает суммарно-обозначающий. Так, подробные описания внутреннего мира Джуда в переводе «сворачиваются» до кратких констатаций его фантазий и планов.

При таком значительном объеме генерализаций в переводе читателю сложно проникнуть во внутренний мир героя, сопереживать ему. И как бы переводчик ни старался вовлечь читателя в пространство романа, вводя такие фразы, как «наш труженик», «наш герой» (о Джуде) или «наш педагог», «наш школьный учитель» (о Филлотсоне), что не соответствует оригинальному тексту, русский читатель остается «на дистанции» от персонажей произведения. Такой перевод не способен передать, например, отчаяние Джуда, находящегося в поисках работы, в которое он приходит после получения ответного письма одного из деканов колледжей с отказом герою в предоставлении работы. Стены колледжей превращаются в оригинальном романе в символ непреодолимой социальной пропасти. В русском переводе образ стены исчезает, а вместе с ним исчезает острота отчаяния и бессилия, которое испытывает Джуд, и общая атмосфера трагизма бытия:

Оригинал

Jude perceived how far away from the object of that enthusiasm he really was. Only a wall divided him from those happy young contemporaries of his with whom he shared a common mental life; ... Only a wall – but what a wall! [Thomas Hardy 1994: 102].

Перевод

Именно теперь, когда он весь был поглощен стремлением к высшему образованию, он понял, как на самом деле он далек был от заветной цели [пер. Майнова 1897].

Дословный перевод

Джуд чувствовал, как далек он был от заветной цели. Только стена отделяла его от тех счастливых молодых его современников, с кем он делил интеллектуальную жизнь; ... Только стена – но какая стена!

В той же технике сокращения и названия передан, вернее, отмечен пунктирной линией весь путь внутреннего развития главного героя, тогда как у автора это составляет одну из центральных тем романа. Сокращены описания Кристминстера, переданные Гарди через призму восприятия Джуда и отражающие его психологическое состояние в тот или иной период его жизни, удалена сцена в таверне, где выпивший Джуд декламирует на латыни. В русском тексте также нет беседы Джуда с жителями деревни

Меригрин о Кристминстере, в которой прагматичное отношение к городу крестьян, знающих свое место в этом мире, служит контрастным фоном для передачи мировосприятия Джуда, уже оторвавшегося от своей среды, но не нашедшего своего места и потерявшего мечту.

Сократив объем и поменяв тактику описания психологии героев, Майнов не просто сместил акцент в сторону внешнего сюжета, а фактически «изъял» ядро произведения – его психологизм.

Еще в большей степени такому «операционному вмешательству» со стороны переводчика подверглась психологическая суть образа Сью. Начиная с замены уменьшительной формы имени «Сью» в оригинальном тексте на полное имя «Сусанна» в русском, Майнов методично удаляет из образа ту хрупкость и бестелесность,

которые составляют, как отмечалось выше, концептуальный для автора романа контраст материальному образу Арабеллы. Ее поступки лишены логики для русского читателя, так как сокращения диалогов, сцен с участием Сью привели к потере психологических причин ее поступков.

Оригинал

Sue's logic was extraordinary compounded, and seemed to maintain that before a thing was done it might be right to do, but that being done it became wrong; or, in other words, that things which were right in theory were wrong in practice [Thomas Hardy 1994: 261].

Перевод

Важно отметить, что сокращение диалогов главных героев, прежде всего, касались тем брака, положения женщины в обществе и семье, что было характерной тенденцией, которую можно было в то время проследить в переводах

Дословный перевод

Логика Сью была очень сложной, и казалось, что в ее свете несовершенный поступок может быть правильным, но если он совершен – он неправильный. Другими словами, то, что хорошо в теории, является неверным (дурным) на практике.

и других произведений английских авторов [Syskina 2015]. Сглаживание авторской позиции в отношении веры человека в Бога в переводе Майнова наглядно показывает следующий пример:

Оригинал

...flaw in the terrestrial scheme, by which what was good for God's birds was bad for God's gardener [Thomas Hardy 1994:12].

Перевод

Фраза автора-повествователя, носящая как будто бы случайный характер, на самом деле задает философский масштаб проблематике всего произведения, связанного с противоречивостью, алогичностью земного бытия, и остается невысказанной на страницах перевода Майнова.

Дословный перевод

...недостаток (изъян, порок) земного мироустройства, при котором что хорошо для птиц Господних, то плохо для Божьего садовника.

Таким образом, можно сделать вывод, что первый полный русский перевод романа Гарди «Джуд незаметный», выполненный И. Майновым, акцентирует, прежде всего, сюжетную составляющую романа с частичным ее сокращением и пересказом. При переводческих сокращениях пострадал наиболее важный, психологический, уровень произведения, нарушилась его геометрия вследствие снижения напряженности оппозиции персонажей, уменьшилась масштабность поставленной Гарди проблематики. Сюжетная подача переводимого материала сгладила трагичность судеб главных героев, представив фабулу как частную грустную историю неудачников.

лей: «Для данного периода характерны переделки и пересказы зарубежных произведений... в эти годы выпускаются серии популярной, развлекательной литературы, целью которой становится показать существенные социальные противоречия в доступной для читателя форме» [Матвеевко 2014: 19]. В русле этих тенденций, очевидно, осуществлен перевод Майнова романа Т. Гарди.

Список источников

- Гарди Т.* Простаки, отрывок из рассказа / пер. В. Кардо-Сысоева // Русские ведомости. 1896. № 210, 342, 344.
Гарди Т. Джуд неудачник / пер. И. Майнова // Северный вестник (СПб.). 1897. № 4–9.
Hardy Th. The Simpletons. Part 1 // Harper's New Monthly Magazine. December. 1894. P. 65–80.
Hardy Th. Jude the Obscure. UK: Penguin Books, 1994. 489 p.

Список литературы

- Абилова Ф. А.* Роман Т. Гарди «Джуд Незаметный»: предчувствие кубизма // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. М., 2006. С. 71–76. URL: <http://www.natapa.msk.ru/sborniki-pod-redaktsiey-n-t-pahsaryan/roman-t-gardi-dzhud-nezametnyy-predchuvstvie-kubizma.ht...> (дата обращения: 19.03.2017).

Причиной такого «вольного» и «поверхностного» отношения к тексту оригинала, возможно, могло быть стремление редакции журнала сохранить читательскую аудиторию, сохранив скандальный сюжет, всегда привлекающий широкий круг читателей. Такой переводческий подход может объясняться и общими демократическими тенденциями, наблюдаемыми в русском обществе конца XIX в. По мнению исследовате-

Абилова Ф. А. Функция подзаголовка в романах Уэссекского цикла Т. Гарди // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. №3(34), ч. 2. С. 66–67.

Абилова Ф. А. Викторианский роман и Уэссекские романы Томаса Гарди: поэтика финала // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 1(25). С. 72–80.

Баранова А. В. Периодизация русских переводов прозы Томаса Гарди: к постановке проблемы переводческой рецепции прозы Гарди в России // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 13–20.

Гордиенко О. В. Поэтика Уэссекского цикла Томаса Харди: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. URL: <http://www.disscat.com/content/poetika-uessekskogo-tsikla-t-khardi> (дата обращения: 27.01.2017).

Матвеев И. А. Восприятие английского социально-криминального романа в русской литературе 1830–1900-х гг. Томск: Изд-во Том. политехн. университета, 2014. 315 с.

Официальный сайт газеты «The Guardian». URL: <https://www.theguardian.com/books/2015/aug/17/the-100-best-novels-written-in-english-the-full-list> (дата обращения: 30.09.2016).

Серебрякова С. В., Величко А. А. Прагматическая заданность ахроматического колорита образа главного персонажа // Вестник Ставропольского гос. университета. Сер.: Филологические науки. 2010. № 69. С. 58–65.

Шимилина Е. В. Библиейская символика в романе Томаса Харди «Джуд незаметный» // Вестник Московского гос. областного университета. Сер.: Русская филология. 2009. № 1. С. 215–222.

Dannis B. *The Victorian Novel*. Cambridge University Press, 2000. 128 p.

Millgate M. *Thomas Hardy. His career as a novelist*. L.: the Bodley Head Ltd., 1971. 428 p.

Roberts K. *Tucker Thomas Hardy: The Ache of Modernism: English Master's Theses*. 2001. 118 p.

Syskina A. A., Kiselev V. S. The Problem of Rendering Psychological Content in V. Vladimirov's Translation of Jane Eyre (1893) // *Bronte studies: the Journal of Bronte Society*. 2015. Vol. 40, iss. 3. P. 181–186. URL: <http://dx.doi.org/10.1179/1474893215Z.000000000147>.

Wheeler M. *A Concise Companion to the Victorian Novel*. Blackwell Publishing Ltd, 2007. 189 p.

References

Abilova F. A. Roman T. Gardi «Dzhud Nezametnyy»: predchuvstvie kubizma [“Jude the Obscure” by Thomas Hardy: anticipation of cubism]. *Literatura 20 veka: itogi i perspektivy izucheniya* [Literature of the 20th century: results and prospects of studying]. Moscow, 2006, pp. 71–76. (In Russ.)

Abilova F. A. Funktsiya podzagolovka v romakh Uessekskogo tsikla T. Gardi [The functions of subtitle in T. Hardy's novels of the Wessex cycle]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], 2015, issue 3(34), pt. 2, pp. 66–67. (In Russ.)

Abilova F. A. Viktorianskiy roman i Uessekskie romany Tomasa Gardi: poetika finala [The Victorian novel and the Wessex novels by T. Hardy: the poetics of the final]. *Vestnik Permskogo Universiteta* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2014, issue 1(25), pp. 72–80. (In Russ.)

Baranova A. V. Periodizatsiya russkikh perevodov prozy Tomasa Gardi: k postanovke problemy perevodcheskoy retseptsii prozy Gardi v Rossii [Periods of Thomas Hardy's fiction translation in Russia: towards translation reception of Hardy's fiction in Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2015, issue 401, pp. 13–20. (In Russ.)

Gordienko O. V. *Poetika Uessekskogo tsikla Tomasa Gardi*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [The poetics of the Wessex cycle by Thomas Hardy. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2008. Available at: <http://www.disscat.com/content/poetika-uessekskogo-tsikla-t-khardi> (accessed 27.01.2017) (In Russ.)

Matveenko I. A. *Vospriyatie angliyskogo sotsial'no-kriminal'nogo romana v russkoy literature 1830–1900-kh gg.* [Reception of the English social criminal novel in Russian literature in 1830–1900s]. Tomsk, Tomsk Polytechnic University Press, 2014. 315 p. (In Russ.)

'The Guardian' official website. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2015/aug/17/the-100-best-novels-written-in-english-the-full-list> (accessed 30.09.2016) (In Eng.)

Serebryakova S. V., Velichko A. A. Pragmaticheskaya zadannost' akhromaticheskogo kolorita obraza glavnogo personazha [Pragmatic givenness of the achromatic image of the main character]. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki* [Stavropol State University Herald: Philological Sciences], 2010, issue 69, pp. 58–65. (In Russ.)

Shimina E. V. Bibleyskaya simbolika v romane Tomasa Gardi «Dzhud nezametnyy» [Biblical symbolism in Thomas Hardy's “Jude the Obscure”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [MRSU Magazine. Russian Philology], 2009, issue 1, pp. 215–222. (In Russ.)

Dannis B. *The Victorian Novel*. Cambridge University Press, 2000. 128 p. (In Eng.)

Millgate M. *Thomas Hardy. His Career as a Novelist*. London, Bodley Head Ltd., 1971. 428 p. (In Eng.)

Roberts K. Tucker. *Thomas Hardy: The Ache of Modernism*. English Master's Theses. 2001. 118 p. (In Eng.)

Syskina A. A., Kiselev V. S. The Problem of Rendering Psychological Content in V. Vladi-

mirov's Translation of Jane Eyre (1893) *Bronte Studies: the Journal of Bronte Society*. 2015, vol. 40, issue 3, pp. 181–186. (In Eng.)

Wheeler M. *A Concise Companion to the Victorian Novel*. Blackwell Publ. Ltd., 2007. 189 p. (In Eng.)

THE FIRST RUSSIAN TRANSLATIONS OF THOMAS HARDY'S *JUDE THE OBSCURE*

Anastasia V. Baranova

Postgraduate Student in the Department
of General Literary Studies, Publishing and Editing
National Research Tomsk State University
36, prospekt Lenina, Tomsk, 634050, Russian Federation

SPIN-code: 4924-1464

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3296-706X>

ResearcherID: H-4473-2017

The paper analyzes the first Russian translations of Thomas Hardy's novel *Jude the Obscure*, which were made in the 19th century. The first translation by Barbara E. Kardo-Sysoeva was published in the *Ruskiye Vedomosti* newspaper in 1896. She translated the first chapter of *The Simpletons*, which was the first title of the novel that appeared in *Harper's New Monthly Magazine* in 1894. Russian readers became familiar with it as a short story with Jude and Arabella being the main characters, since no further translation was to be continued. However, the translator succeeded in rendering emotions, thoughts, ambitions and personal traits of Jude by making full and adequate translation of the novel's fragment. The Russian translation focuses on Jude, with the role of the all-knowing author, typical of Hardy, being reduced.

According to Hardy, Arabella represents earthy sexual substance. Thus, to highlight this idea the author used a naturalistic style while describing her appearance and behavior. This manner is opposed to the romantic style he used to introduce Sue. The opposition of these characters creates one of the geometric elements of the novel's structure. However, there is no such opposition in the fragment translated into Russian. Perhaps, it may be one of the reasons for Kardo-Sysoeva to have presented Arabella's appearance in a milder manner. Thus, she eliminated Hardy's naturalism in the translated text.

The second translation by Ivan V. Maynov was published in 1897 and is considered the first full Russian translation of the novel. Nevertheless, there are a lot of abridgments, some parts are retold rather than translated. The title was translated as *Dzhud neudachnik*, which means "Jude the Loser" or "Jude the Failure". This fact proves that Maynov substituted the author's concept of the main character and the whole novel with his own one. In fact, the translation by Maynov is focused on the plot of the novel, with the deeper layers of Hardy's work being mostly disregarded.

Key words: Russian translations of Thomas Hardy's novels; *Jude the Obscure*; *The Simpletons*; multilayered structure of the novel; translator's interpretation.

УДК 821.152.1
doi 10.17072/2037-6681-2017-2-82-89

«ОЧЕРТАНИЯ ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЫ»: СИБИРЬ В МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ У. Б. ЙЕЙТСА И ШЕЙМАСА ХИНИ

Алла Владимировна Кононова

аспирант кафедры зарубежной литературы

Тюменский государственный университет

625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6. alice2128506@yandex.ru

SPIN-код: 2134-9957

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7690-2607>

ResearcherID: H-3701-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кононова А. В. «Очертания вечной мерзлоты»: Сибирь в мифопоэтической системе У. Б. Йейтса и Шеймаса Хини // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 2. С. 82–89. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-82-89

Please cite this article in English as:

Kononova A. V. "Ochertaniya vechnoy merzloty": Sibir' v mifopoeticheskoy sisteme U. B. Yeytsa i Sheymasa Khini ["A Contour Cold as Permafrost": Siberia in the Mythopoetic System of W. B. Yeats and Seamus Heaney]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 2, pp. 82–89. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-82-89 (In Russ.)

Статья посвящена изучению мифологизации пространства Сибири в художественном мире двух великих ирландских поэтов – У. Б. Йейтса и Шеймаса Хини. Феномен мифопоэтического осмысления Сибири представляет собой один из самых значимых и на сегодняшний день малоизученных аспектов в контексте диалога двух литературных традиций – ирландской и русской. Автор ставит цель проанализировать, как происходит трансформация реального географического пространства Сибири в художественное пространство поэтического сознания, как образ Сибири встраивается в мифопоэтическую систему двух ирландских поэтов и каким образом функционирует, становясь частью их личной мифологии. Предпринимается также попытка выяснить, какое значение эта часть России приобрела для поэтов, принадлежавших разным историческим и культурным эпохам и, соответственно, разным поэтическим поколениям.

В статье рассматриваются литературные источники, повлиявшие на формирование художественного образа Сибири в системе Йейтса и Хини. К ним могут быть отнесены стихотворение «Сибирь» Д. К. Мэнгана, «Жизнь с транссибирскими дикарями» Б. Д. Ховарда или, как в случае Хини, «Остров Сахалин» А. П. Чехова.

В представлении ирландцев Сибирь, как правило, это как земля ссыльных и страдальцев. Однако именно эта обреченная земля становится для Йейтса и, в особенности, для Хини частью личного поэтического пространства и, если продолжать идею Роналда Шухарда, элементом их собственной мифологии. И Йейтс, и Хини обращаются к пространству Сибири в своем стремлении определить роль поэта в современной ему реальности и в окружающем его мире.

Ключевые слова: диалог культур; ирландская поэзия; Сибирь; У. Б. Йейтс; Шеймас Хини.

Во вступительном слове к книге ирландского поэта Шеймаса Хини «Писательское место» («The Place of Writing», 1989) Роналд Шухард заметил: «Воображению одного поэта навязывает себя аура места; другой поэт, напротив, навязывает общему месту свое личное мнение. Место

может стать убежищем или раем; оно гонит поэта в духовное или физическое изгнание, оно питает и отстраняет поэзию, освобождает воображение и затемняет сознание» (“The aura of place imposes itself on one poet’s imagination; another poet imposes his singular vision on a plural place;

places become havens or heavens; they drive the poet into spiritual or physical exile; they provide poetry with its nourishment and its distraction; they liberate imagination and darken consciousness" [Heaney 1989: 4]. Благодаря невероятному интересу к России и русской культуре среди ирландских поэтов эта страна стала для многих из них местом мысленного изгнания или реального паломничества, источником поэтического вдохновения и необходимым пристанищем, уйдя в которое можно отстраниться от того места, где в действительности живет поэт.

Как правило, контуры воображаемой России отражают контуры реальной географической территории. Соответственно, огромная часть этой страны, которая перестает принадлежать действительности и получает новое воплощение в сознании поэта, становясь частью его ментального пространства («country of the mind», по определению Хини [Heaney 1980: 131–132]), занимает Сибирь, азиатская Россия, земля изгнания и страданий, где, если вспомнить строки Д. К. Мэнгана из его стихотворения «Сибирь», «никто не может плакать, потому что слезы замерзают внутри» ("no tears are shed, for they freeze within the brain" [Mangan 2011]). Однако именно эта Богом забытая земля оказывается важной точкой притяжения для многих ирландских поэтов, включая У. Б. Йейтса и, в особенности, Шеймаса Хини, для коего Сибирь стала неотъемлемой частью личного поэтического пространства.

В качестве отправной точки нашего исследования мы предлагаем идею, высказанную Хини в книге «Писательское место» о взаимоотношениях поэта и его родного места. Размышляя о поэзии своих современников Пола Малдуна, Дерека Мэхона и Майкла Лонгли, оказавшихся так же, как и сам Хини, в центре конфликта в Северной Ирландии, Хини утверждает, что «ни один из этих поэтов не позволяет себе оказаться во власти мифологии его родного места, вместо этого он заставляет это место стать элементом его собственной, личной мифологии» ("None of these poets surrenders himself to the mythology of his place but instead each subdues the place to become an element in his own private mythology" [Heaney 1989: 6]). Мы берем на себя смелость проинтерпретировать и продолжить эту мысль, предположив, что поэт не подчиняется мифологии *любого* пространства, которое составляет часть его индивидуальной географии, напротив, он подчиняет это пространство законам собственной поэтической системы, встраивая его в свою личную мифологию. Мы попытаемся выяснить, каким образом происходит трансформация Сибири как реального места на географической карте в ху-

дожественный образ («Siberia of the mind»), который включается в индивидуальный пространственный миф и в результате становится частью мифопоэтической системы Йейтса и Хини.

Особенно интересно проследить, как Сибирь начинает приобретать метафорические обертоны в творчестве Йейтса, поскольку для Йейтса, в отличие от Хини, Россия, или русская культура, никогда не служила важным источником вдохновения. Йейтс безусловно был осведомлен об исторических, политических и литературных процессах, происходящих в стране. Он читал Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого и относил «Войну и мир» и «Анну Каренину» к шедеврам, подтверждающим его определение литературы как «основного голоса совести» («the principal voice of conscience» [Yeats 1975: 263]). Правда, Йейтс признавался в эссе «Луи Ламбер» («Louis Lambert», 1934), что романы Толстого и Достоевского принадлежали к числу тех книг, которые он «прочитал с удовольствием, но никогда больше не открывал» («read with delight but never opened them again» [Yeats 1994: 127]). Можно предположить, что Йейтсу больше был интересен русский театр: существует вероятность, что на постановку некоторых пьес Йейтса (например, «У Ястребиного источника») повлияли балеты С. Дягилева, поскольку так называемый «аутентичный исполнитель танца Хранительницы источника» Митио Ито, с которым Эдмунд Дюлак познакомил Йейтса, был учеником Вацлава Нижинского [Foster 2003: 38].

Сказанное выше позволяет нам сделать вывод, что Россия едва ли была неотъемлемой частью непосредственного пространства Йейтса. Тем более ценными представляются те немногочисленные заметки и комментарии, которые Йейтс оставил об этой стране. Его комментарии дают возможность проследить метаморфозы образа Сибири в художественном мире Йейтса, ее превращение в поэтический символ с диахронической точки зрения и проанализировать, как этот символ изменялся и разрабатывался поэтами последующих поколений.

Йейтс упоминает Сибирь главным образом в двух контекстах: во-первых, в связи с одноименным стихотворением Мэнгана и, во-вторых, в связи с книгой Б. Д. Ховарда (B. D. Howard) «Жизнь с транссибирскими дикарями» («Life with Trans-Siberian Savages», 1893), на которую Йейтс в 1893 г. написал рецензию. Как отметили редакторы «Собрания сочинений» Йейтса, эта рецензия была, пожалуй, «самым странным заданием» ("Yeats's strangest reviewing assignment" [Yeats 2004: 222]), поскольку книга представляет собой исследование дикого племени Айну, жившего на территории острова Сахалин в относи-

тельной изолированности, которая, как писал сам Ховард, стала «абсолютной благодаря превращению целого острова в колонию для заключенных», куда ссылали самых опасных преступников (“their inaccessibility <...> has now been made absolute, by the conversion of the entire island into the ultimate penal colony” [Howard 1893: vi]).

Ховард был одним из первых зарубежных исследователей, которому удалось достаточно обстоятельно ознакомиться с системой тюрем и лагерей Сибири и Сахалина. Ему представилась возможность пообщаться не только с государственными чиновниками и тюремной охраной, но и с самими заключенными. В 1902 г. он опубликовал результаты своих поездок по самым отдаленным и труднодоступным местам Российской Империи в книге «Заключенные России: личное исследование жизни заключенных в Сибири и на Сахалине» (“Prisoners of Russia: a Personal Study of Convict Life in Sakhalin and Siberia”) (Howard 1902). Труд Ховарда можно сопоставить с книгой А. П. Чехова «Остров Сахалин», о которой речь пойдет ниже.

Нам еще предстоит выяснить, была ли эта книга Ховарда известна Йейтсу и знал ли Йейтс работы других исследователей Сибири и сибирских тюрем. Однако образ отважного путешественника, осмелившегося проникнуть в эти богом забытые места, появляется спустя многие годы в философском эссе Йейтса «Per Amica Silentia Lunae» (1917): «Я думаю, христианский святой или герой вместо того, чтобы испытывать пустое недовольство, решает на намеренное самопожертвование. Я помню, как читал однажды автобиографию человека, который совершил рискованное путешествие под прикрытием в Сибирь к российским заключенным. Он рассказывал, что для этого путешествия он еще ребенком приучал себя к опасным ночным прогулкам по улицам» (“I think the Christian saint and hero, instead of being merely dissatisfied make deliberate sacrifice. I remember reading once an autobiography of a man who had made a daring journey in disguise to Russian exiles in Siberia and his telling how, very timid as a child, he schooled himself by wandering at night through dangerous streets” [Yeats 1994: 10]). Далее Йейтс пишет о том, что не только «герою» или «святому» необходимо постоянно выходить за пределы собственных возможностей. Писатель или поэт (будь он Данте или Шекспир) также отправляется в рискованное путешествие, преодолевая себя, преодолевая внешние препятствия в бесконечных поисках совершенства.

Пока невозможно сказать с уверенностью, о каком путешествии говорит Йейтс. Утверждать, что в данном абзаце речь идет о Б. Д. Ховарде, не позволяет одна деталь: Ховарду не требовалось

скрывать свое присутствие, поскольку он имел с собой разрешение на пребывание в пределах сибирских лагерей и тюрем на Сахалине. Однако образ отважного путешественника, которому приходится тщательно маскироваться, чтобы не быть замеченным, является превосходной иллюстрацией йейтсовской мысли. Йейтс видит путешествие через Сибирь как «намеренное самопожертвование» (“deliberate sacrifice” [ibid.]), готовиться к которому нужно всю жизнь, ведь оно требует образцовой храбрости и преданности собственным убеждениям и собственному призванию. Отважиться на подобное путешествие может только «святой» или «герой». В метафорическом же понимании это путешествие, в которое отправляется поэт в своем стремлении достичь совершенства, означает выйти за пределы возможного, расширить границы собственной сущности и проверить, достаточно ли прочно его тело из плоти и крови для того, чтобы хранить в себе поэтический дар, и достойно ли оно этого.

Спустя несколько десятков лет другой ирландский поэт обращается к образу Сибири и воссоздает еще одно путешествие, которое состоялось в 1890 г., т. е. спустя год после поездки Ховарда на Сахалин. В своем стихотворении «Чехов на Сахалине» (“Chekhov on Sakhalin”) Шеймас Хини отправляется путем А. П. Чехова через всю Сибирь на далекий остров Сахалин. Сам Чехов объяснял это рискованное путешествие необходимостью отдать свой «долг медицине». Однако существовала гораздо более глубокая причина, на которую обращает внимание Хини не только в стихотворении, но и в своем эссе «Интересный случай Нерона, чеховского коньяка и колотушки» (“The Interesting Case of Nero, Chekhov’s Cognac and a Knocker”), опубликованном в сборнике его эссе и критических работ «Диктатура языка» (“The Government of the Tongue”, 1988).

В эссе Хини вспоминает эпизод 1972 г. в Белфасте, когда он и музыкант Дэвид Хэммонд решили собраться в студии, чтобы записать несколько музыкально-поэтических композиций. Однако в тот же день в городе произошло несколько взрывов, погибли люди, и в итоге ни о музыке, ни о стихах речи быть не могло, инструменты пришлось спрятать обратно в чехол и отправиться домой. Искусство оказалось бессильным перед жизнью, песня неуместной среди страдания: «Одна мысль о том, чтобы начать петь в тот момент, когда другие страдали, казалась оскорблением их страданий» (“The very notion of beginning to sing when others were beginning to suffer seemed like an offence against their suffering” [Heaney 1989: xi]). Хини не смог, подобно Нерону, продолжить петь среди пыла-

ющего родного города. В то же время, по его словам, он бы не отважился повторить путь У. Оуэна, участвовавшего в Первой мировой войне, или Чехова, отправившегося изучать жизнь заключенных на Сахалине, и броситься в самую гущу событий.

Хини родился в Северной Ирландии, в графстве Дерри (County Derry), учился в Белфасте, и вся его дальнейшая жизнь была тесно связана с североирландской действительностью (даже после того, как он уехал оттуда), поэтому североирландский конфликт и судьба Ольстера всегда волновали его особенно сильно и долгое время оставались одной из центральных тем в его творчестве. Тем не менее по своей природе Хини не был ни революционером, ни воином – он понимал, что вряд ли смог бы последовать примеру Оуэна или Чехова, о которых он говорит в эссе. Но в то же время ему было тяжело оставаться в стороне, а тем более чувствовать себя сбежавшим от ответственности. Бегство получилось действительно буквальным, так как в 1975 г. Хини с семьей уехал из Северной Ирландии (Соединенное Королевство) и обосновался в Республике Ирландии в графстве Уиклоу (County Wicklow). В стихотворении «Прочь от всего этого» ("Away from It All") из сборника «Остров покаяния» ("Station Island", 1984) Хини описывает свое положение цитатой из стихотворения Чеслава Милоша: «Я разрывался между созерцанием недвижимой точки и необходимостью принимать активное участие в истории» ("I was stretched between contemplation / of a motionless point / and the command to participate / actively in history" [Heaney 1985: 16]).

Эта дилемма нашла отражение во многих стихах и эссе Хини. Примечательно, что для того чтобы разрешить ее, ирландский поэт часто вступает в диалог с восточноевропейскими и русскими писателями и поэтами. Соответственно, в стихотворении «Чехов на Сахалине», которое следует в сборнике сразу за стихотворением «Прочь от всего этого», Хини вступает в диалог с Чеховым и пространством чеховской Сибири: «Итак, он отдаст "долг медицине". Но сначала – коньяк у океана. Повернувшись ко всему спиной, он отправился на север. Мысли летели словно тройка Тюмени» ("So, he would pay his "debt to medicine". / But first he drank cognac by the ocean / With his back to all he travelled north to face. / His head was swimming free as the troikas / Of Tyumin..." [ibid.: 18]).

С первых строк стихотворения происходит мифологизация пространства Сибири, Хини словно встраивает чеховскую Сибирь в свой собственный миф, воссоздавая по памяти маршрут русского писателя: Тюмень («Tyumin» у Хини),

озеро Байкал и, конечно, остров Сахалин. Хини даже изменяет направление движения Чехова, помещая Сахалин строго на севере: «Так далеко на север, что даже Сибирь казалась югом» ("That far north, Siberia was south" [ibid.]). Как предполагает Ш. Швертер, автор монографии «Североирландская поэзия и поворот на Россию» («Northern Irish Poetry and the Russian Turn», 2013), Хини намеренно помещает Сахалин не на востоке, а на севере страны, тем самым создавая метафорическую связь между севером России и Северной Ирландией [Schwerter 2013: 17].

И в эссе, и в стихотворении Хини волнуют такие вопросы, как: может ли поэт писать о том, с чем он не готов встретиться лицом к лицу, с чем он не готов жить и за что не готов умереть? Будучи часто всего лишь наблюдателем, может ли он продолжать писать о красоте среди боли и страданий? Должен ли поэт заслужить «право на свои стихи» ("the right to his lines") [Heaney 1989: xv]? В поисках ответа ирландский поэт погружается в чеховское пространство, следуя за русским писателем в Сибирь, на озеро Байкал, на Дальний Восток, тем самым постепенно отстраняясь от окружающей его действительности, от реалий Ирландии. Хини понимает, что официальная причина поездки («отдать долг медицине») была всего лишь предлогом. На самом деле, как пишет Хини в эссе, Чехову было необходимо доказать в первую очередь самому себе, что его писательское «я» тоже имело право на существование. Более того, в отличие от врача (кем Чехов был по образованию), которому не нужно было никому ничего объяснять и который мог без каких-либо угрызений совести заниматься своим делом, писатель должен был не только доказать, но и заслужить право на свое ремесло [ibid.: xvi–xvii].

Примечательно, что, удаляясь все дальше от знакомых мест, проникая в самое сердце Сибири, Чехов Шеймаса Хини начинает ощущать все большую внутреннюю свободу, ему становится не так страшно заглянуть «внутрь себя», туда, где находится его «внутренний зал суда» ("inner courtroom" [O'Driscoll 2008: 234]). Происходит почти катартический момент, когда Чехов видит себя «словно он был чистой водой: озеро Байкал с палубы парохода» ("as if he were clear water: / Lake Baikal from the deckrail of the steamer") [Heaney 1985: 18]. Таким образом, фигура на палубе – это отчасти Чехов, отчасти сам Хини, пытающийся разобраться в самом себе и в окружающей его реальности. Однако стоит отметить, что в данном стихотворении укор поэта самому себе звучит менее остро, чем, к примеру, в стихотворении «Разоблачение» ("Exposure"), написанном несколькими годами раньше и вошедшем

в сборник стихов «Север» (“North”, 1975), в котором Хини воссоздает героический образ О. Э. Мандельштама, ссыльного поэта, читающего в лагере свои стихи другим заключенным.

В «Разоблачении» Хини словно противопоставляет себя Мандельштаму, он сравнивает себя с «лесным партизаном, избежавшим резни, принявшим защитный окрас от глины и коры» (“a wood-kerne // Escaped from the massacre, / Taking protective colouring / From bole and bark...” [Heaney 1975: 73]), в то время как Мандельштам – это герой, чей дар, «как камень в праще, пущенный в обреченность» (“his gift like a slingstone / Whirled for the desperate” [ibid.]). «Чехов на Сахалине», на наш взгляд, содержит меньше самообличительного пафоса, это стихотворение, напротив, – если не принятие, то познание самого себя, что также подтверждается мыслью Хини о сборнике «Остров покаяния», высказанной в разговоре с Д. О’Дрисколлом: «...скорее проверка совести, чем признание. Своего рода внутренний зал суда... чтобы освободиться от внутреннего давления» (“more an examination of conscience than a confession. A kind of inner courtroom... to release inner pressure” [O’Driscoll 2008: 234]).

Одним из центральных образов стихотворения является коньяк, подаренный Чехову его друзьями на железнодорожном вокзале в Москве. Эту на первый взгляд незначительную деталь Хини превращает в настоящий символ, который является лейтмотивом всего стихотворения. Согласно версии Хини, Чехов выпил коньяк в первую ночь на Сахалине. Момент, когда он пьет янтарный коньяк «посреди зловония тирании и музыки жестокости» («a waft of luxury in the stink of oppression and the music of cruelty» [Heaney 1989: xvii]), становится знаковым для поэта. Из прощального подарка друзей Чехова коньяк превращается в «дар его мастерства» (“the gift of his art” [ibid: xviii]), право на которое он наконец-то заслужил. Писатель ощущает невероятную радость, которая оказывается даже сильнее священной радости певца у иконостаса (“no cantor / In full throat by the iconostasis / Got holier joy than he got from that glass” [Heaney 1985: 18]).

Коньяк мерцает, точно бриллиант в салонной гостиной, и таким образом функционирует одновременно и как символ заслуженного мастерства, и как связующее звено между суровой сахалинской реальностью и привычным для Чехова миром. Однако мы видим, что даже привычный мир словно отталкивает писателя и служит ему постоянным упреком, поскольку этот бриллиант сияет на груди холодной красавицы, высокомерной и неприступной (“That shone and warmed like

diamonds warming / On some pert young cleavage in a salon, / Inviolable and affronting” [ibid.]).

Когда Чехов разбивает бокал о камни, осколки звенят точно «цепи заключенных», точно «груз его свободы выбирать правильный тон – не для трактата, не для диссертации» (“It rang on like the burden of his freedom / To try for the right tone – not tract, nor thesis” [ibid.: 19]). Хини придает образу некоторую амбивалентность. С одной стороны, Чехов преодолевает всю Сибирь, проводит несколько месяцев среди ужасов тюремного лагеря, для того чтобы «выжать из себя кровь крепостных»¹ и доказать свое право называться писателем. С другой стороны, по иронии судьбы, несмотря на все попытки обрести внутреннюю свободу, он по-прежнему ощущает груз своих обязательств. Более того, даже сама свобода кажется писателю грузом, и ему по-прежнему приходится «следовать за проводником-заключенным через Сахалин» (“He who thought to squeeze / His slave’s blood out and waken the free man / Shadowed a convict guide through Sakhalin” [ibid.]).

Если рассматривать стихотворение «Чехов на Сахалине» с точки зрения мифологизации пространства, можно заметить, что Сахалин и Сибирь, земля «вечной мерзлоты» (если использовать образ из другого стихотворения Хини²), становится реальным воплощением Ада или, в контексте сборника «Остров Покаяния», Чистилищем. Остров Покаяния, давший название сборнику, находится на озере Лох-Дерг (Lough Derg) в графстве Донегол (County Donegal) и известен также под названием «Чистилище Святого Патрика» (St Patrick’s Purgatory). Остров является местом ежегодного паломничества для тысяч людей, и в заглавном стихотворении сборника Хини вспоминает свой собственный паломнический опыт. Подобно Данте, он проходит через «Чистилище», встречая на своем пути тени Патрика Каванаха, Джеймса Джойса, Уильяма Карлтона, а также тени своих знакомых, убитых в ходе североирландских беспорядков. Поэт размышляет об истории, о националистах и юнионистах, о католиках и протестантах, о своей жизни и своем месте в североирландской действительности, о своем отношении к ней. Но для того, чтобы найти ответы на все вопросы, помимо паломничества в родные места поэту требуется также отстраниться от близкой реальности и совершить путешествие в противоположном направлении, отправившись вслед за Чеховым на Сахалин, где нужно пройти иные круги ада, послушно следуя за своим проводником.

Метафора «Сибирь – земной ад» вновь возвращает нас к абзацу из «Per Amica Silentia Lunae» Йейтса, о котором речь шла выше, а об-

раз вечной мерзлоты, заложенный в данную метафору, но присутствующий в стихотворении Хини лишь имплицитно, к «Сибири» Мэнгана – к стихотворению, которое Йейтс считал у Мэнгана одним из лучших [Yeats 2004: 43]. Однако интересно, что Йейтс интерпретирует мифологическую Сибирь Мэнгана в достаточно романтическом ключе, объясняя ее скорее как отражение личных чувств и переживаний поэта, в то время как современный ирландский поэт Филип Макдона (Philip McDonagh) определяет стихотворение Мэнгана как «Эзопов язык», использованный для того, чтобы описать тяжелую жизнь Ирландии под гнетом англичан [McDonagh]³.

Параллель «Ирландия – Сибирь» встречается и у других ирландских авторов. К примеру, ирландскоязычный прозаик Мартин О'Каин (Máirtín Ó Cadhain) провел четыре года в тюремном лагере Куррах, который он назвал «ирландской Сибирью» (“Sibéir na hÉireann”) [Titley]. Эта же параллель прослеживается и у Хини, но для Хини, как и для Йейтса в «Per Amica Silentia Lunae», на первый план выходит другой аспект. Йейтс интерпретирует путешествие через Сибирь как путешествие поэта к совершенству, к овладению поэтическим мастерством. Это путешествие, которое в реальной жизни под силу только герою либо святому. Для Хини это путешествие к внутренней свободе. Хини использует характерную для него технику остранения, создавая собственный миф, основанный на сахалинских рассказах Чехова. Следовательно, Чехов в стихотворении остается лишь отчасти реальным русским писателем, поскольку это также и сам Хини, пытающийся найти баланс между «Песней и Страданием» (“Song and Suffering”), т. е. «Искусством и Жизнью» (“Art and Life”) [Heaney 1989: xii]. Отсюда рождается основное противопоставление стихотворения – одновременное ощущение свободы и скованности. Кроме того, переживания Чехова очень близки Хини, и отсюда появляется еще одно противопоставление, которое не столь заметно непосредственно в стихотворении, но открыто выражено в эссе: Чехов (и сам Хини) с его твердым убеждением в необходимости заслужить право быть писателем и, напротив, Мандельштам, который всегда верил, что слово и поэзия не нуждаются в каких-либо оправданиях. Хини понадобилось много лет, чтобы самому начать жить мандельштамовским убеждением о самодостаточности и самоценности поэзии и искренне поверить в то, что поэзия способна звучать даже среди вечной мерзлоты скованной льдом Сибири.

Подводя итог, можно отметить, что образ Сибири, с одной стороны, становится элементом мифологии национального пространства, в кото-

рой Ирландия и Северная Ирландия сравниваются с Сибирью царского, а затем и советского времени. С другой стороны, Йейтс и Хини используют данный образ не только для описания и осмысления историко-политического контекста. В творчестве этих поэтов он встраивается в более сложный миф, который отчасти основывается на дантовском путешествии по кругам Ада и в котором путешествие через Сибирь (земной ад) рассматривается как путешествие поэта к совершенству, к овладению поэтическим мастерством, к внутренней свободе.

Примечания

¹ Дед Чехова был крепостным крестьянином, отец – владельцем бакалейной лавки (отсюда, к слову, ироничное замечание Хини о том, что Чехов родился «можно сказать, под прилавком» и, соответственно, хорошо знал стоимость коньяка [Heaney 1985: 18]).

² “A globe stops spinning. I set my palm / On a contour cold as permafrost” – строки из стихотворения «М.», посвященного О. Э. Мандельштаму и вошедшего в сборник «Ватерпас» («The Spirit Level»), 1996) [Heaney 1996: 57].

³ За данную цитату мы благодарим А. В. Машиняна, директора Ирландского культурного центра в Санкт-Петербурге.

Список литературы

- Макдона Ф. Личная переписка Ф. Макдоны и А. В. Машиняна (рукописный источник).
 Foster R. W. B. Yeats: A Life. II: The Arch-Poet 1915–1939. N. Y.: Oxford University Press, 2003. 797 p.
 Heaney S. North. L.: Faber, 1975. 73 p.
 Heaney S. Preoccupations, Selected Prose, 1968–1978. London and Boston: Faber and Faber, 1980. 224 p.
 Heaney S. Station Island. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1985. 123 p.
 Heaney S. The Government of the Tongue. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1989. 170 p.
 Heaney S. The Place of Writing. Atlanta, Georgia: Scholars Press, 1989. 72 p.
 Heaney S. The Spirit Level. L.: Faber, 1996. 70 p.
 Howard B. D. Life with Trans-Siberian Savages. L.; N. Y.: Longmans, Green, and Co, 1893. 259 p.
 Howard B. D. Prisoners of Russia: a Personal Study of Convict Life in Sakhalin and Siberia. N. Y.: D. Appleton and Company, 1902. 389 p.
 Mangan J. C. Siberia. Poems of Places: An Anthology: in 31 vols. / ed. by Henry Wadsworth Longfellow. Boston: James R. Osgood & Co., 1876–79; Bartleby.com, 2011. URL: <http://www.bartleby.com/270/10/96.html> (дата обращения: 25.02.2017).

McDonagh P. Personal Letter from Philip McDonagh to Andrey Mashinyan. Andrey Mashinyan's Private Archive.

O'Driscoll D. *Stepping Stones: Interviews with Seamus Heaney*. L.: Faber and Faber, 2008. 524 p.

Schwerter S. *Northern Irish Poetry and the Russian Turn: Intertextuality in the work of Seamus Heaney, Tom Paulin and Medbh McGuckian*. Palgrave Macmillan, 2013. 264 p.

Titely A. Máirtín Ó Cadhain: Rí an Fhocail. URL: <http://www.rte.ie/tv/rianfhocail/article.html> (дата обращения: 25.02.2017).

Yeats W. B. Early articles and Reviews: Uncollected Articles and Reviews Written between 1886 and 1900 // *The Collected Works of W. B. Yeats*. Vol. 9. N. Y.: Scribner, 2004. 642 p.

Yeats W. B. Later Essays // *The Collected Works of W. B. Yeats*. Vol. 5. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1994. 296 p.

Yeats W. B. *Uncollected prose*. L.: Macmillan, 1975. 543 p.

References

Makdona F. *Lichnaya perepiska F. Makdony i A. V. Mashinyana* [Personal correspondence between F. Makdona i A. V. Mashinyan] (a manuscript source). (In Russ.).

Foster R. *W. B. Yeats: A Life. II: The Arch-Poet 1915–1939*. New York, Oxford University Press, 2003. 797 p. (In Eng.)

Heaney S. *North*. London, Faber, 1975. 73 p. (In Eng.)

Heaney S. *Preoccupations, Selected Prose, 1968–1978*. London and Boston, Faber and Faber, 1980. 224 p. (In Eng.)

Heaney S. *Station Island*. New York, Farrar, Straus and Giroux, 1985. 123 p. (In Eng.)

Heaney S. *The Government of the Tongue*. New York, Farrar, Straus and Giroux, 1989. 170 p. (In Eng.)

Heaney S. *The Place of Writing*. Atlanta, Georgia, Scholars Press, 1989. 72 p. (In Eng.)

Heaney S. *The Spirit Level*. London, Faber, 1996. 70 p. (In Eng.)

Howard B. D. *Life with Trans-Siberian Savages*. London, New York, Longmans, Green, and Co, 1893. 259 p. (In Eng.)

Howard B. D. *Prisoners of Russia: a Personal Study of Convict Life in Sakhalin and Siberia*. New York, D. Appleton and Company, 1902. 389 p. (In Eng.)

Mangan J. C. *Siberia. Poems of Places: An Anthology in 31 Volumes*. Ed. by Henry Wadsworth Longfellow. Boston, James R. Osgood & Co., 1876–79, Bartleby.com, 2011. Available at: <http://www.bartleby.com/270/10/96.html> (accessed 25.02.2017). (In Eng.)

McDonagh P. *Personal Letter from Philip McDonagh to Andrey Mashinyan*. Andrey Mashinyan's Private Archive. (In Eng.)

O'Driscoll D. *Stepping Stones: Interviews with Seamus Heaney*. London, Faber and Faber, 2008. 524 p. (In Eng.)

Schwerter S. *Northern Irish Poetry and the Russian Turn: Intertextuality in the Work of Seamus Heaney, Tom Paulin and Medbh McGuckian*. Palgrave Macmillan, 2013. 264 p. (In Eng.)

Titely A. Máirtín Ó Cadhain: Rí an Fhocail. Available at: <http://www.rte.ie/tv/rianfhocail/article.html> (accessed 25.02.2017). (In Irish).

Yeats W. B. Early Articles and Reviews: Uncollected Articles and Reviews Written between 1886 and 1900. *The Collected Works of W. B. Yeats*. Vol. 9. New York, Scribner, 2004. 642 p. (In Eng.)

Yeats W. B. Later Essays. *The Collected Works of W. B. Yeats*. Vol. 5. New York, Charles Scribner's Sons, 1994. 296 p. (In Eng.)

Yeats W. B. *Uncollected Prose*. London, Macmillan, 1975. 543 p. (In Eng.)

“A CONTOUR COLD AS PERMAFROST”:

SIBERIA IN THE MYTHOPOETIC SYSTEM OF W. B. YEATS AND SEAMUS HEANEY

Alla V. Kononova

Postgraduate Student in the Department of Foreign Literature
Tyumen State University

6, Volodarskogo st., Tyumen, 625003, Russian Federation. alice2128506@yandex.ru

SPIN-code: 2134-9957

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7690-2607>

ResearcherID: H-3701-2017

The article focuses on the mythologised image of Siberia as an indispensable part of the personal poetic space of two great Irish poets – W. B. Yeats and Seamus Heaney. The phenomenon of Siberia as a myth and as a part of the Irish poets' private mythology is one of the most intriguing and significant aspects which

helps us get a deeper understanding of the dialogue between Irish and Russian literary traditions. However, this phenomenon has received very little attention so far. Thus, the article aims to analyse the transformation of Siberia as a real geographical place into "Siberia of the mind" and attempts to find out the meaning this part of Russia acquired in the poetic systems of the two different authors who lived in different times and belonged to different generations of Irish poets.

The article studies literary works that served as a source of knowledge about Siberia for Yeats and Heaney. Thus, Yeats's literary knowledge of Siberia comes mainly from J. C. Mangan's poem of the same name and the book by B. D. Howard *Life with Trans-Siberian Savages* which Yeats owned, where the author describes his journey to the Siberian exile camps. Seamus Heaney became more familiar with Siberia through Anton Chekhov's account of his journey to the Island of Sakhalin, which greatly impressed the poet.

From the Irish point of view, Siberia is often seen as a land of exile and misery. However, this desolate territory appears to be an important destination for W. B. Yeats and especially Seamus Heaney. The article argues that for both of these poets Siberia became a metaphor and, to use Ronald Schuchard's idea, an element of their own private mythology, to which the poets referred when defining or questioning the role of a poet and in their search for poetic truth.

Key words: dialogue of cultures; Irish poetry; Siberia; W. B. Yeats; Seamus Heaney.

УДК 821.111-31: 785.11
doi 10.17072/2037-6681-2017-2-90-96

ДИАЛОГ МУЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ОЛДОСА ХАКСЛИ

Валерий Самуилович Рабинович

д. филол. н., профессор кафедры зарубежной литературы

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
620083, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51. zarlit.urfu@gmail.com

SPIN-код: 9046-5894

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4325-7960>

ResearcherID: C-9348-2017

Мария Игоревна Бабкина

аспирант кафедры зарубежной литературы

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
620083, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51. mar-babkina@yandex.ru

SPIN-код: 5773-8800

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5117-5482>

ResearcherID: C-9331-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Рабинович В. С., Бабкина М. И. Диалог музыки и литературы в творчестве Олдоса Хаксли // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 2. С. 90–96. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-90-96

Please cite this article in English as:

Rabinovich V. S., Babkina M. I. Dialog muzyki i literatury v tvorchestve Oldosa Khaksli [The Dialog of Literature and Music in Aldous Huxley's Works]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 2, pp. 90–96. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-90-96 (In Russ.)

В статье рассматривается «музыкальная» символика в творчестве Олдоса Хаксли в контексте авторского образа мира в его эволюции. «Музыкальное» в произведениях Олдоса Хаксли проявлялось как в наличии многочисленных музыкальных отсылок, аллюзий, прямых описаний звучания музыки (по модели экфрасиса), так и в организации текста романа Хаксли «Контрапункт» (1928) по модели музыкального контрапункта. Особую символическую роль в творчестве Хаксли играла музыка Моцарта (квинтет g-moll), Бетховена («Missa Solemnis», квартет a-moll) и Баха (сюита b-moll, Четвертый Бранденбургский концерт). В раннем творчестве писателя эти музыкальные произведения символизируют возможную альтернативу вселенскому хаосу и абсолютной экзистенциальной неопределенности, и в этом качестве моцартовский квинтет g-moll выполняет важную смыслообразующую функцию в «Шутовском хороводе» (1923) Хаксли, перерастая через сложное взаимопереплетение смыслов и ассоциаций в универсальное обобщение о человеке. Сюжет «Контрапункта» (1928) во многом организован движением от баховской музыки в начале романа к музыке Бетховена в конце. В позднем творчестве Хаксли, в частности, в его последнем утопическом романе «Остров» (1962), роль музыки Баха, а именно Четвертого Бранденбургского концерта, оказывается более амбивалентной. Эта музыка здесь одновременно и символ высшего совершенства, и фон для «Вселенского Ужаса», и даже начало, благословляющее этот «Вселенский Ужас» именем культуры (марш насекомых под аккомпанемент Четвертого Бранденбургского концерта). Примечательно, что и в письмах Хаксли рассматриваемые в статье образцы музыкальной классики упоминаются в родственных смыслах.

Ключевые слова: Хаксли; музыка; контрапункт; символика; организация текста; Бах; Бетховен; Моцарт.

Олдос Хаксли, очевидно, один из наиболее «музыкальных» писателей в мировой литературе – и по количеству, и смысловой роли обращений к музыкальной классике в его произведениях, и даже по организации текстов: в частности, его программный роман «Контрапункт» преднамеренно организован по модели музыкального контрапункта. В этой связи примечательно, что Хаксли безусловно осознавал ограниченность возможностей литературы (в отличие от музыки и живописи) в аспекте достижения эффекта контрапункта, – поскольку, как он полагал, «мы можем созерцать одновременно несколько визуальных единиц и мы можем слышать несколько аудиальных единиц. Но, к несчастью, мы не можем прочитывать несколько текстовых единиц... И в литературе нет эквивалента одновременному контрапункту и пространственному единству определенных элементов, соединенных так, чтобы они при первом взгляде воспринимались как значимое целое» [Huxley 1960: 7]. Тем не менее его художественным открытием стало максимально возможное приближение в художественном тексте к достижению эффекта контрапункта, которое и было осуществлено в его романе «Контрапункт».

Великий американский скрипач и дирижер И. Менухин так характеризовал «музыкальное» в творчестве О. Хаксли: «Не удивительно, что Олдос Хаксли любил и понимал музыку, – ибо музыка, непостижимая в своей сложности, подобно игре света на водной поверхности, – это одновременно чистейшая математика, чистейшее искусство и зеркало... отражающее одновременно вселенную и личность, вбирающее все в волну сотворенного человеком звука» [Aldous Huxley. A memorial volume 1965: 90]. Соответственно, «музыкальное» в разных его репрезентациях – от непосредственных обращений, отсылок и аллюзий и до организации текста романа «Контрапункт» – стало объектом интенсивной научной рефлексии как в зарубежном, так и отечественном литературоведении. В этой связи нужно отметить работы Е. Блома, З. Боуэна, Л. Колека, Б. Кришнана, Н. Дьяконовой, С. Фалалеевой, Е. Малышевой и др. (см. подробнее: [Blom 1936: 37–45; Bowen 1977: 490–508; Kolek 1972: 111–122; Krishnan 1977; Дьяконова 1975: 176–194; Diakinova 1979: 3–18; Фалалеева 2009: 267–269; Малышева 2011: 137–143]). В частности, как пишет С. Фалалеева, «по мысли Хаксли, только в музыке гармоническое единство противоположностей становится возможным и реальным, а поэтому именно этот вид искусства был для писателя выражением идеальной единой сущности бытия. Такое восприятие музыкальных произведений, и особенно духовных сочинений Баха,

Бетховена, Моцарта, ...Хаксли пронесит через всю свою жизнь» [Фалалеева 2009: 269].

Так или иначе, но музыка в ее сущности и в ее отдельных образцах на протяжении всей жизни Хаксли была инкорпорирована в его меняющуюся, динамичную картину мира, имела для Хаксли символический смысл, воплощением чего стали как «музыкальные» фрагменты в произведениях Хаксли, так и обращения к музыкальной классике в его письмах.

В раннем творчестве Хаксли музыка в ее вершинных проявлениях предстает как единственно возможная альтернатива хаосу мироздания и, соответственно, характерному для Хаксли 1920-х – начала 1930-х гг. «абсолютному сомнению»: как единственный знак возможного присутствия в мире высшей божественной сущности. В качестве таких вершинных образцов в раннем творчестве Хаксли присутствуют квинтет g-moll Моцарта, квартет Бетховена a-moll и, прежде всего, входящее в него «Благодарственное песнопение исцеленного в лидийском ладу», а также баховская сюита b-moll для флейты и струнного оркестра.

Символическое величие и метафизическая насыщенность моцартовского квинтета g-moll в романе Хаксли «Шутовской хоровод» (1923) воплощаются в сложном, «текучем» потоке ассоциаций, вызываемых этим квинтетом: «Как чиста страсть, как искренна, прозрачна, розова и безыскусна скорбь того *largo*, что следует за менуэтом <...> Блаженны чистые сердцем, ибо они узрят Бога... Но блаженны чистые сердцем, ибо они узрят Бога. Инструменты сходились и вновь расходились. Длинные серебряные нити легко повисали в воздухе над журчанием вод; посреди заглушенных рыданий – вопль. Фонтаны взмывают свои архитектурно-стройные колонны, и из бассейна в бассейн струятся воды; из бассейна в бассейн, и с каждым падением все выше и выше взмывается струя, и вслед за последним падением огромная колонна подымается к солнцу, и из воды музыка превращается, модулируя, в радуго. Блаженны чистые сердцем, ибо они узрят Бога; и не только узрят, но и сделают Бога зримым для всех» [Хаксли 1936: 194–195]. В конечном итоге моцартовский квинтет перерастает в универсальное обобщение о человеке: «И в трехдольном ритме начинается танец. Непочтительный, непоследовательный... но мощь человека – в его способности быть непоследовательным. Кругом голод, мор и война, а он воздвигает соборы; он раб, но в голове у него бродят непоследовательные, неподобающие мысли свободного человека. Дух в рабстве у бреда и стучащей крови, под властью мрачного тирана – страдания. Но, без всякой последовательности, он решает танцевать

в трехдольном ритме: прыжок – вверх, топот быстрых ног – вниз» [Хаксли 1936: 195]. Впрочем, неабсолютность даже этой метафизической вершины в качестве альтернативы хаосу реальности подчеркивается вторжением в мир ассоциаций «автобиографического» Гамбрила во время прослушивания квинтета ассоциаций, заведомо снижающих: «Чиста и непорочна, чиста и неподдельна, без примесей... во имя ухвертки. Аминь. Чистая, чистая...» [там же: 194]. Примечательно в этой связи, что в пьесе Хаксли «Мир света» (1931) продолжатель галереи «автобиографических героев» Хьюго Венхэм слушает этот же моцартовский квинтет g-moll и говорит о нем: «Это очень близко к живому Богу» [Huxley 1946: 153]. Важную структурообразующую роль в «Контрапункте» (1928) Хаксли играют баховская сюита b-moll в начале романа и квартет Бетховена в конце. Романное действие словно бы движется от Баха к Бетховену (его символическая роль в творчестве Хаксли будет рассмотрена ниже). Именно квартет a-moll Бетховена, точнее – входящее в него «Благодарственное песнопение исцеленного в лидийском ладу», слушает герой «Контрапункта» Спэндрелл вскоре после совершенного им политического убийства и в ожидании собственной гибели. И именно в эти минуты он ощущает подобие метафизического прозрения, возвышающего его над уродливой реальностью: «Музыка звучала, ведя от неба к небу, от блаженства к еще более глубокому блаженству» [Хаксли 2009: 521]. Но в разгар музыки происходит вторжение реальности: «Оглушительный выстрел, крик, еще один выстрел и еще один ворвались в рай звуков» [там же].

Важную смыслообразующую роль в творчестве Хаксли играет музыка Баха как своеобразный универсальный символ. Примечательно, что именно музыкой Баха, а именно его сюитой b-moll, задается метафора, определяющая сюжет и основной смысл романа Хаксли «Контрапункт» (1928). Мир как оркестр, где каждый инструмент ведет свою партию – «каждая часть живет своей особой жизнью; они соприкасаются, их пути перекрещиваются, они сливаются на мгновение в гармонии; она кажется конечной и совершенной, но потом распадается снова. Каждая часть одинока, отдельна, одна. “Я есмь я, – говорит скрипка, – мир движется вокруг меня”. “Вокруг меня”, – поет виолончель. “Вокруг меня”, – твердит флейта. И все одинаково правы и одинаково не правы, и никто из них не слушает остальных» [там же].

Собственно, уже в раннем творчестве Хаксли музыка Баха была символом высшей гармонии, божественного начала (в то время, когда еще ни о какой «положительной программе» Хаксли ре-

чи не шло). Так, в уже упомянутом чуть выше романе «Контрапункт» разные герои испытываются музыкой Баха – точнее, своей способностью или неспособностью ее воспринять. Соответственно, одна и та же музыка (а именно сюита Баха b-moll «для флейты и струнного оркестра» [там же], звучащая во второй главе «Контрапункта», где описывается торжественный прием в Тэнтемаунт-Хаусе) вызывает у разных героев принципиально разную реакцию. Наиболее «развернута» в романе рецепция музыки Баха случайной посетительницей концерта Фанни Логан, не входящей в число героев-интеллектуалов, носителей тех или иных концепций мироздания: «Слезы подступали к глазам Фанни Логан. Ее легко было растрогать, особенно музыкой; а когда она испытывала какое-нибудь чувство, она не старалась подавить его, но всем существом отдавалась ему. Как прекрасна музыка, как печальна и в то же время как успокоительна! Она чувствовала, как музыка претворяется в чудесное ощущение, незаметно, но настойчиво наполняющее все извилины ее существа» [там же].

С другой стороны, человек искусства, художник Джон Бидлэйк, откровенно не тронут музыкой Баха и даже, более того, упрекает остальных в «преклонении филистеров перед искусством» [там же: 57]: «Старый Бидлэйк не любил и не понимал музыку и откровенно признавался в этом. Он мог позволить себе быть откровенным. Какой смысл такому замечательному художнику, каким был Джон Бидлэйк, притворяться, будто он любит музыку?» [там же].

Между тем парадокс в том, что человек, казалось бы, «позитивной» профессии, ученый-биолог лорд Эдвард Тэнтемаунт, не может устоять перед тем, чтобы не спуститься в гостиную, где звучит музыка Баха. Бах для него – олицетворение всего лучшего в музыке и в философских размышлениях о сущности вещей: «Работа подождет. Такие вещи слышишь не каждый день» [там же: 66]; «собака, почуявшая дичь, вряд ли проявила бы больше рвения, чем лорд Эдвард при звуке флейты Понджилеони» [там же].

При этом уже в «Контрапункте» вполне определенно трактуется смысловое наполнение музыки Баха: она формулирует «истинные», конечные положения о смысле человеческого существования, мире, в котором, по мнению великого композитора, «есть величие и благородство» [там же: 56]. Соответственно, одновременно со звучанием музыкального произведения вам кажется, будто «вы нашли истину» [там же]. Но это ощущение растворяется в разнообразии и разобщенности земного существования, которое тоже «разлито» в музыке Баха: «В начальном *largo* Иоганн Себастьян... твердо и ясно сказал: в мире есть величие и

благородство... Размышления об этой земле, столь сложной и многолюдной, продолжались в *allegro*. Вам кажется, что вы нашли истину; скрипки возвещают ее, чистую, ясную, четкую; вы торжествуете: вот она, в ваших руках. Но она ускользает от вас» [Хаксли 2009: 56].

Много лет спустя Хаксли вернется к «баховской» символике как к важной смыслоорганизующей составляющей текста в своем последнем утопическом романе «Остров» (1962), где культурные источники прошлого (литературные, художественные, музыкальные, философские и даже библейский текст) так или иначе позиционированы по отношению к «синтетическому» идеалу Острова. Символическая роль музыки Баха здесь амбивалентна. С одной стороны, когда одна из обитательниц Острова, Сьюзила, ставит пластинку с Четвертым Бранденбургским концертом Баха для «бывшего автобиографического героя» Уилла Фарнеби, она прямо говорит о том, что эта музыка близка ценностям Острова, т. е. «несмотря на сложность композиции, ...близка к тишине и чистейшей, неразбавленной Духовности» [Хаксли 2000: 324]. Да и сам Фарнеби, слушая Баха, прозревает в нем глубокий вневременной смысл: «И в каждой фразе донельзя знакомой мелодии открывалась небывалая красота, восходящая вверх, будто фонтан из множества струй, к новому откровению, столь же незнакомому и удивительному, как сама эта музыка. ...Она была... ясная, чистая, божественно пустая» [там же: 326]. Однако в момент наивысшего единения Уилла с мирозданием и Бах перестает быть для него олицетворением абсолютного духовного начала: он осознает незначительность любых духовных откровений и человеческих свершений перед лицом вечности: «Понимание без знания и лучезарное блаженство неизмеримо превосходят даже Иоганна Себастьяна Баха» [там же: 328], – отмечает Фарнеби.

Несмотря на то что музыка Баха в творчестве Хаксли, как правило, является воплощением гармонии, в романе «Остров» Бах присутствует и в необычном для Хаксли контексте. Четвертый Бранденбургский концерт сопровождает не только момент постижения вечности Уиллом Фарнеби – эта же музыка является фоном для явившегося ему «Вселенского Ужаса» [там же: 331]. Последний сначала материализуется в «ящерице-крокопийце» [там же: 340] и двух богомолах (причем самка богомола пожирает самца после оплодотворения, и сама тут же оказывается в пасти ящерицы). Затем его масштабы увеличиваются. Музыка Баха, оставаясь утонченной, духовно-подъемной и прекрасной, звучит уже как военный марш: «Левой-правой, левой-правой...» [там же: 334]. Под самую быструю часть мелодии

Четвертого Бранденбургского концерта – Presto – маршируют колонны насекомых и рептилий, которые затем превращаются... в солдат гитлеровской Германии: «Они маршировали, точь-в-точь как коричневорубашечники по Берлину, когда Уилл был там за год до войны» [там же]. Бах, символизирующий культуру в высшей точке своего развития, становится фоном для всего самого бесчеловечного и антикультурного, что когда-либо имело место в истории; возвышающая дух музыка продолжает звучать на фоне «Вселенского Ужаса» [там же: 331] и перерождается в «залихватский марш смерти в стиле рококо» [там же: 335]. Солдаты представляются здесь насекомыми – обезличенными, лишенными человеческой сущности и собственной инициативы; взгляд на них Фарнеби – это словно бы взгляд сверху на бессмысленную толпу, движущуюся к собственной гибели – все быстрее и быстрее, под ускоряющиеся звуки прекрасной, одухотворенной музыки: «И вновь коричневая колонна насекомоподобных двигалась в бесконечном марше под музыку ужаса в стиле рококо» [там же]. Точно так же когда-то устремилась к вершине мирового господства Германия, чье недолгое величие закончилась катастрофой. В баховском Четвертом Бранденбургском концерте здесь, таким образом, сходится целый ряд неявных, «текучих», сложно взаимодействующих друг с другом смыслов. С одной стороны – вершинная точка культуры, «небывалая красота, восходящая вверх» [там же: 326], с другой – всего лишь звуковой фон, на котором маршируют насекомые, не способная что-либо изменить декорация. Но, более того, в контексте именно «бранденбургской» идентичности баховского Концерта, в силу того, что именно Бранденбургские ворота были символическим олицетворением величия имперской Германии, именно через них проходили солдаты – победители в франко-прусской войне, именно на их фоне осуществлялись наиболее помпезные праздничные действия в нацистской Германии, – оказывается, что Бранденбургский концерт отчасти благословляет марширующих насекомых-нацистов, зовет их к победам – именем культуры, именем великого искусства... А, с другой стороны – именно Бранденбург со знаменитыми Бранденбургскими воротами, стоявшими на границе Восточного и Западного Берлина, долгое время был одним из главных символов разделенной, поверженной Германии. И Четвертый Бранденбургский, таким образом, наряду с величием Германии, оправдывающим любые жертвы, символизирует и ее позор, катастрофу. И еще: смысловое поле Четвертого Бранденбургского концерта в романе Хаксли выходит уже за пределы собственно «немецких» коннотаций,

обретает своеобразную универсальность, а марширующие насекомые, они же марширующие нацисты, превращаются в универсальных завоевателей всех времен и народов – и будущего в том числе. И вечный, не прекращающийся марш сопровождается звуками все того же Четвертого Бранденбургского: «И на протяжении вечности скрипка, флейты и клавесин – финальное Presto Четвертого Бранденбургского – неустанно стремились вперед» [Хаксли 2000: 334]. Под бодрые звуки Четвертого Бранденбургского завоеватели в разных своих ипостасях стремятся доказать, что именно они – избранные и имеют право на обладание: «Вперед, солдаты: нацисты и христиане, коммунисты и мусульмане; вперед, избранные народы, крестоносцы, воители священных войн! Вперед к нищете, к злодеяниям, к смерти» [там же: 335]. Прекрасное дополняет собой отвратительное, существует неотделимо от него, в одном смысловом пространстве, даже отчасти – косвенно – благословляет его. Действительность не разложима на компоненты, и иногда прекрасное так переплетается с «Вселенским Ужасом» [там же: 331], что трудно отделить одно от другого.

В этой коннотации в сознании Вилла Фарнеби возникает, впрочем, и музыка уже Рихарда Вагнера, которая в нацистской Германии была символическим олицетворением «настоящей немецкой музыки». Самые тягостные воспоминания Фарнеби, вызывающие у него наибольшее чувство вины и отвращение к самому себе и к человеческой природе вообще, сопровождаются уже не музыкой Баха, а звуками оперы Вагнера «Парсифаль»: «...вот... голая мертвая старуха, которую он видел в... хижине в Сент-Джон Вуд. И затем – ...в зеркале на дверце шкафа отражения двух бледных тел, его и Бэбз, неистово совокупляющихся под аккомпанемент воспоминаний о похоронах Молли и аккорды из “Парсифаля” – передача Штутгарт-Радио...» [там же: 335]. То есть если музыка Баха предстает в утопии Хаксли как вершина культуры, и ее амбивалентность, таким образом, символизирует амбивалентность самой культуры (она – поднимает над «Вселенским Ужасом», но она же – и просто декорирует непреодолимое, и даже способна благословлять и оправдывать «Вселенский Ужас» в отдельных его проявлениях), то музыка Вагнера (с учетом прямо выраженных и подразумевающихся «нацистских» коннотаций) предстает в последнем романе Хаксли, скорее, именно как культурная апология «Вселенского Ужаса».

Музыкальная символика в произведениях Хаксли очень органична, поскольку не является просто художественным средством, но плотно инкорпорирована в авторскую картину мира в целом, поэтому те же образцы музыкальной

классики, которые выполняют символическую миссию в его произведениях, в родственных смыслах упоминаются и в его письмах – с учетом их временной отнесенности и, соответственно, эволюции образа мира Хаксли. Как уже отмечалось выше, в произведениях Хаксли 1920-х – начала 1930-х гг. началом, способным хотя бы на время гармонизировать разорванное, лишенное единой сущности бытие, и одновременно знаком возможного присутствия в мире высшего, божественного начала стала музыка – а именно моцартовский квинтет g-moll в «Шутовском хороводе» и пьесе «Мир света», баховская сюита b-moll и квартет Бетховена в «Контрапункте». Что примечательно, и в письмах Хаксли этого периода музыка именно этих трех композиторов предстает как своего рода символическое олицетворение Высшего. 6 января 1930 г. Хаксли пишет С. Класту: «Наиболее совершенная постановка великих метафизических проблем и их наиболее совершенные человеческие решения – в искусстве и особенно, как мне кажется, в музыке. “Missa Solemnis”, если это Бетховен, или его же посмертные квартеты, “Искусство фуги” Баха всегда потрясали меня как самые тонкие, самые выдающиеся и самые законченные метафизические произведения из когда-либо созданных» [Letters of Aldous Huxley 1969: 324–325]. 22 декабря 1933 г. (вскоре после написания пьесы «Мир света», где «автобиографический герой» Хьюго Венхэм говорит о близости моцартовского квинтета g-moll к живому Богу) Хаксли пишет миссис К. Робертс: «Я буду часто слушать записи в поисках этого странного качества звука – глубины и религиозной страсти. Для меня музыка, которая обладает этим качеством, “Missa Solemnis” Бетховена, фрагменты моцартовского “Реквиема” и его же великолепный “Ave Verum Corpus”» [ibid.: 375]. К этим величайшим образцам, как явствует из письма, приближается и Бах – хотя ему уже недостает страсти.

В последние годы жизни Хаксли будет готов признать приемлемой платой за земную гармонию, по крайней мере, за отсутствие боли и страданий, утрату способности воспринимать культуру в высших ее проявлениях. Польза и Счастье в это время в ценностной системе Хаксли будут в какой-то степени равноценны по отношению к Богу, Истине, Добру и Красоте, что с неизбежностью предполагает в случае несовпадения необходимость взаимных компромиссов. И вот в письме от 23 декабря 1955 г., адресованном Х. Осмонду, Хаксли размышляет о «прикладных» свойствах музыки, а именно о ее целебном влиянии на больных, и, что примечательно, он считает вредной с медицинской точки зрения именно ту музыку, которая обладает великим

метафизическим смыслом, – именно в силу этого ее качества. И в числе медицински вредных композиторов – именно в силу своего метафизического величия – оказываются Бетховен, Моцарт и Бах (в меньшей степени): «Я уверен, что наиболее неразумно было бы подвергать пациента [NB!] сентиментальной религиозной музыке или даже хорошей религиозной музыке, если она трагична (например, это “Реквием” Моцарта и Верди или “Missa Solemnis” Бетховена). Иоганн Себастьян Бах безопаснее, потому что... более реалистичен» [Letters of Aldous Huxley 1969: 780]. Примечательно, что если в 1933 г. Хаксли пишет о метафизической наполненности музыки Моцарта и Бетховена и о приближении к ним Баха, то в 1955 г. Моцарт и Бетховен для него наиболее вредны с медицинской точки зрения, а приближается к ним в этом плане Бах (но он – «безопаснее») именно потому, что менее метафизически насыщен. Во имя Пользы – Богу приходится потесниться.

Список литературы

Дьяконова Н. Я. Музыка в романе Олдоса Хаксли // Литература и музыка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. С. 176–194.

Малышева Е. В. Контрапункт как прием организации текста антиутопии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. № 1, т. 7. С. 137–143.

Рабинович В. С. Олдос Хаксли: эволюция творчества. Екатеринбург, 2001. 448 с.

Фалалева С. С. Музыка в романах О. Хаксли 1920-х гг. // Мировая литература в контексте культуры. 2009. № 4. С. 267–269.

Хаксли О. Остров: роман / пер. с англ. С. Шик. СПб.: Академический проект, 2000. 360 с.

Хаксли О. Контрапункт. О дивный новый мир. Обезьяна и сущность. Рассказы / пер. с англ. И. Романовича (Контрапункт); О. Сороки (О дивный новый мир); И. Русецкого (Обезьяна и сущность). М.: АСТ, 2009. 986 с.

Хаксли О. Шутовской хоревод: роман / пер. с англ. И. Романовича. М.: Гослитиздат, 1936. 328 с.

Aldous Huxley (1894–1963). *A Memorial Volume*. L.: Chatto & Windus, 1965. 176 p.

Blom E. *The Musician in Aldous Huxley* // *Ches-terian*. 1936. № 17. P. 37–45.

Bowen Z. Allusions to Musical Works in “Point Counter Point” // *Studies in the Novel*. 1977. № 9. P. 490–508.

Diakonova N. Aldous Huxley and the Traditions of English Novel // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 480. Серия «Литературоведение». Сб. «Проблемы реализма и романтизма в

американской литературе XIX и XX веков». Тарту, 1979. P. 3–18.

Huxley A. *On Art and Artists*. N. Y.; L.: Chatto & Windus, 1949. 300 p.

Huxley A. *The World of Light* // Huxley A. *Verses and Comedy*. L.: Chatto and Windus, 1946. P. 141–246.

Kolek L. Music in Structure Presentation of Huxley's Experiment in “Musicalization of Fiction” // *Zagadnienia Rodzajow Literackich*. 1972. № 14. P. 111–122.

Krishnan B. Aspects of Literature Technique and Guest in Aldous Huxley's Major Novels. Uppsala. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1977. 181 p.

Letters of Aldous Huxley. L.: Grover Smith, 1969. 995 p.

References

D'yakonova N. Ya. Muzyka v romane Oldosa Khakli [The music in Aldous Huxley's novel]. *Literatura i muzyka* [Literature and music]. Leningrad, Leningrad University Press, 1975, pp. 176–194. (In Russ.)

Malysheva E. V. Kontrapunkt kak priem organizatsii teksta antiutopii [Point counter point as a way to organize text of dystopia]. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. A. S. Pushkina* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University], 2011, issue 1, vol. 7, pp. 137–143. (In Russ.)

Rabinovich V. S. *Oldos Khakli: Evolyutsiya tvorchestva* [Aldous Huxley: the Evolution of His Creative Career]. Ekaterinburg, 2001. 448 p. (In Russ.)

Falaleeva S. S. Muzyka v romanakh O. Khakli 1920-kh gg. [Music in A. Huxley's novels of 1920s]. *Mirovaya Literatura v Kontekste Kul'tury* [World Literature in the Context of Culture], 2009, issue 4, pp. 267–269. (In Russ.)

Huxley A. *Ostrov* [Island]. Translated by S. Shik. St. Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 2000. 360 p. (In Russ.)

Huxley A. *Kontrapunkt. O divnyy novyy mir. Obez'yana y sushchnost'* [Point Counter Point. Brave New World. Ape and Essence. Stories]. Transl. by I. Romanovich (Point Counter Point), transl. by O. Soroka (Brave New World), transl. by I. Rusetskiy (Ape and Essence). Moscow, AST Publ., 2009. 986 p. (In Russ.)

Huxley A. *Shutovskoy khorovod* [Antic Hay]. Transl. by I. Romanovich. Moscow, Goslitizdat Publ., 1936. 328 p. (In Russ.)

Aldous Huxley (1894–1963). *A Memorial Volume*. L., Chatto & Windus, 1965. 176 p. (In Eng.)

Blom E. *The Musician in Aldous Huxley. Ches-terian*. 1936, issue 17, pp. 37–45. (In Eng.)

Bowen Z. Allusions to Musical Works in “Point Counter Point”. *Studies in the Novel*, 1977, issue 9, pp. 490–508. (In Eng.)

D'yakonova N. Aldous Huxley and the Traditions of English Novel. *Uchenye Zapiski Tartuskogo Universiteta*: issue 480. Seriya «Literaturovedenie». Sb. «Problemy Realizma i Romantizma v Amerikanskoy Literature 19 i 20 vekov» [Scientific Notes of the University of Tartu: issue 480. Series “Literature”. Collected works “Problems of Realism and Romanticism in American Literature of the 19th and 20th Centuries”]. Tartu, 1979, pp. 3–18. (In Russ.)

Huxley A. *On Art and Artists*. New York, London, Chatto & Windus, 1949. 300 p. (In Eng.)

Huxley A. The World of Light. Huxley A. *Verses and Comedy*. London, Chatto and Windus, 1946, pp. 141–246. (In Eng.)

Kolek L. Music in Structure Presentation of Huxley's Experiment in “Musicalization of Fiction”. *Zagadnienia Rodzajow Literackich*, 1972, issue 14, pp. 111–122. (In Eng.)

Krishnan B. *Aspects of Literature Technique and Guest in Aldous Huxley's Major Novels*. Uppsala. Stockholm, Almqvist & Wiksell International, 1977. 181 p. (In Eng.)

Letters of Aldous Huxley. London, Grover Smth, 1969. 995 p. (In Eng.)

THE DIALOG OF LITERATURE AND MUSIC IN ALDOUS HUXLEY'S WORKS

Valery S. Rabinovich

Professor in the Department of Foreign Literature

Ural Federal University

51, Lenina st., Ekaterinburg, 620083, Russian Federation. zarlit.urfu@gmail.com

SPIN-code: 9046-5894

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4325-7960>

ResearcherID: C-9348-2017

Maria I. Babkina

Postgraduate Student in the Department of Foreign Literature

Ural Federal University

51, Lenina st., Ekaterinburg, 620083, Russian Federation. mar-babkina@yandex.ru

SPIN-code: 5773-8800

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5117-5482>

ResearcherID: C-9331-2017

The article analyzes the musical symbolism in Aldous Huxley's works in the context of the author's worldview in its evolution. The “musical constituent” of Aldous Huxley's works is reflected both in the abundance of musical appeals, references, allusions, direct descriptions of musical performances (in the ekphrasis-like way) and in the text structure of the novel *Point Counter Point* (1928) organized according to the musical principal of counterpoint. The music of Mozart (Quintet in G-minor), Beethoven (*Missa Solemnis*, Quartet in A-minor) and Bach (Suite in B-minor, Brandenburg Concerto No. 4) plays a peculiar symbolic role in Aldous Huxley's works. In his earlier writings these musical masterpieces symbolize a possible alternative to the universal chaos and the absolute existential uncertainty, and in this quality Quintet in G-minor has an important sense-making function in Huxley's *Antic Hay* (1923), transforming through the complicated interaction of meanings and associations into the universal anthropological conclusion about the humanity. The plot of the *Point Counter Point's* is organized in many aspects as the motion from Bach's music at the beginning of the novel to Beethoven's music at the end. In Huxley's later works, in particular, in his latest utopian novel *Island* (1962) the role of Bach's music, namely Brandenburg Concerto No. 4, reveals itself more ambivalent. This music is concurrently a symbol of the highest perfection, a background for the universal horror, and to some extent even something blessing this universal horror in the name of culture (the march of insects to the accompaniment of Brandenburg Concerto No. 4). It is noteworthy that the musical masterpieces treated in this article are also mentioned in Huxley's letters in the similar sense.

Key words: Huxley; music; point counter point; symbolism; text organization; Bach; Beethoven; Mozart.

УДК 821.111.09
doi 10.17072/2037-6681-2017-2-97-107

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В РОМАНЕ К. ИСИГУРО «ПОГРЕБЕННЫЙ ВЕЛИКАН»

Тамара Львовна Селитрина

д. филол. н., профессор кафедры
романо-германского языкознания и зарубежной литературы
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
450025, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3. Selitrina@yandex.ru
SPIN-код: 8794-0210
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0357-2218>
ResearcherID: S-5226-2016

Дилара Глимхановна Халикова

старший преподаватель кафедры иностранных языков
Уфимский государственный нефтяной технический университет
450062, г. Уфа, ул. Космонавтов, 1. Dilarakhali@gmail.com
SPIN-код: 4422-0325
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9895-4643>
ResearcherID: S-5007-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Селитрина Т. Л., Халикова Д. Г. Художественный мир средневековья в романе К. Исигуро «Погребенный Великан» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 2. С. 97–107. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-97-107

Please cite this article in English as:

Selitrina T. L., Khalikova D. G. Khudozhestvennyy mir srednevekov'ya v romane K. Isiguro "Pogrebennyy Velikan" [Fictional World of the Middle Ages in K. Ishiguro's Novel *The Buried Giant*]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 2, pp. 97–107. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-97-107 (In Russ.)

Статья посвящена специфике времени и пространства, проблеме памяти и забвения в последнем романе Исигуро «Погребенный великан» (2015). Действие романа помещено в широкий контекст легендарной истории Британии и, в определенной мере, всего человечества. Проанализирована картина мира человека раннего Средневековья, когда христианское мировоззрение накладывалось на мощный пласт мифологических представлений. Прослеживается наличие исторического фона в контексте мифологического времени фэнтези. Большое внимание уделено образу сэра Гавейна, защитника христианского гуманизма, сопоставительно с трактовкой образа рыцаря Круглого стола в известных рыцарских романах с проблематикой любовного искушения. Подчеркивается, что из трех нарративных элементов, вокруг которых строится и композиция, и интрига, основным является мотив странствия-путешествия, связанный с поэтикой пейзажа и хронотопом в восприятии как средневекового человека, так и нашего современника. Повествуется о сложности и запутанности человеческих судеб, об одиночестве и покаянии, о памяти и забвении, о любви и прощении. Исигуро обращается к глобальным и в то же время личностным проблемам бытия, используя мифы, истории и фантастические мотивы как инструменты.

Роман «Погребенный великан» написан для интеллектуалов и представляет собой своего рода Science Fiction с четко выраженным историческим фоном, в финале приближаясь к жанру притчи. В заключение акцентируется мысль о том, что роман Исигуро – это роман-предупреждение, в котором в художественной форме показано осознание истории как урок будущим поколениям.

Ключевые слова: Исигуро; погребенный великан; средневековая Британия; хронотоп; фэнтези; память; сэр Гавейн; бритты; саксы; Проскурнин; художественный мир.

Категория времени, неразрывно связанная с исторической памятью, достаточно часто становится определяющей темой исследования как ученых, так и художников слова. В отечественной науке последний роман Исигуро «Погребенный великан» (2015), непосредственно касающийся проблемы времени, памяти и забвения, еще не стал предметом исследования, и в этом новизна и актуальность предлагаемой статьи.

На обороте книги «Погребенный великан», изданной на русском языке, приводится характерное высказывание английского критика Нила Геймана: «Исигуро не боится обращаться к глобальным и в то же время личностным темам, используя мифы, историю и фантастические мотивы как инструменты» [Исигуро 2016]. К этому можно добавить, что его последний роман написан для интеллектуалов и представляет собой своего рода Science Fiction. Писатель сопрягает различные временные отрезки: историческое время граничит с мифологическим и с современностью. Роман соткан из разнообразных жанрово-тематических элементов: отголоски героического эпоса («Беовульф») ощущаются в эпизодах, связанных с драконихой Квериг, мотивы рыцарского романа заметны в воспоминаниях сэра Гавейна о короле Артуре и его правлении, прослеживается куртуазия в отношениях главных героев Акселя и Беатрисы. И в то же время произведение может быть отнесено к жанру фэнтези, причем с четко выраженным историческим фоном, за счет приближения в финале к жанру притчи.

По мнению современного английского литературоведа де Грота, «историческое письмо может осуществляться в рамках многочисленных фикциональных локальностей: любовной истории, детектива, триллера, условных жанров, романа ужасов, романа в романе, неоготического жанра, эпопеи, фэнтези, романа тайны, вестерна, детской книги. В самом деле, жанровая гибридность и подвижность исторической художественной литературы долго была одной из ее определяющих характеристик» [De Groot 2010: 2].

В романе Исигуро можно точно установить время действия, во всяком случае эпоху. Это Англия в V – начале VI в. Лишенная поддержки Рима, начиная с 20-х гг. V в., Британия оказалась беззащитной перед новым нашествием варваров. Дальнейший ход событий обычно реконструируется по тем сведениям, которые содержатся главным образом в сочинениях Гильдеса и Беды, а также в «Англо-саксонской хронике» [Brooks 2000: 23]. Не выдержав натиска скоттов и пиктов, одна из групп бриттов во главе с неким Вортигерном обратилась к германским наемникам. И примерно в середине V в. с континента

прибыли первые англосаксы. Археологические раскопки показывают, что отдельные поселения англосаксов появились в Британии еще в римскую эпоху [Wood 1987: 45]. К середине V в. начались открытые вооруженные столкновения германцев с британскими войсками.

В первой половине VI в. началась вторая фаза массовых миграций англосаксов, хотя «первоначальные успехи этого продвижения были весьма скромны» [Глебов 2015: 33]. Объединившись под властью потомка знатной романо-бриттской семьи по имени Амвросий Аврелиан, «бритты одержали несколько побед над германцами, кульминацией этого стала битва у горы Боден» [Wood 1987: 45] в 516 г. В ней англосаксы потерпели сокрушительное поражение и были вынуждены приостановить свой натиск. В преданиях эта победа приписана легендарному королю Артуру, превратившемуся в центрального героя британского эпоса и рыцарских романов [Brooks 2000: 23]. Об этом сражении вспоминает один из главных персонажей романа, племянник короля Артура, сэр Гавейн.

Период царствования Артура считается эпохой идеального рыцарства, куртуазии и отваги. Это время в романе «Погребенный великан» представляется недалеким прошлым, поскольку сэр Гавейн, хотя и состарился, но продолжает традиции рыцарей Круглого стола. Он является хранителем памяти о прошлом, гармоничном мире. Затем наступил мир хаоса с появлением в землях бриттов драконихи Квериг, напускающей мрак на жителей Британии, лишаящий их памяти и прошлого. Лишь сэр Гавейн помнит, что король Артур во время своего правления «установил прочный мир между бриттами и саксами, и, хотя до нас доходят слухи о далеких войнах, здесь мы уже давно стали друзьями и соплеменниками... Мой дядя был правителем, никогда не полагавшим себя превыше Господа, и всегда молился, чтоб тот указал ему путь, поэтому побежденные, как и те, кто сражался на его стороне, видели его справедливость и желали перейти под его корону» [Исигуро 2016: 146]. (“Sir Gawain said "Our beloved Arthur brought lasting peace here between Briton and Saxon, and though we still hear of wars in distant places, here we've long been friends and kin... My reply is that my uncle was a ruler never thought himself greater than God, and always prayed for guidance. So it was that the conquered, no less than those who fought at his side, saw his fairness and wished him as their king"” [Ishiguro 2015]).

В романе «Погребенный великан» присутствуют приметы исторического времени: просевшие дороги, оставшиеся от римлян; кое-где встречающиеся развалины римских вилл. Точно

представлен тип построек: жилища бриттов, вырытых в склонах холмов, соединенных друг с другом глубокими подземными переходами и крытыми коридорами, где находила приют вся община. Детально изображены круглые дома саксов с соломенными крышами и просторным общинным домом.

Исигуро подробно воссоздает картину мира человека раннего Средневековья, когда общинник-крестьянин воспринимал себя в качестве члена сельского мира, выполняя порученную ему работу, подчиняясь общему распорядку. Весь ход его жизни определялся природным ритмом. По словам российского медиевиста А. Гуревича, «...христианское мировоззрение ложилось в его сознании на мощный пласт отнюдь не изжитых магических и мифологических представлений» [Гуревич 1984: 20]. Создавая роман, Исигуро безусловно учитывал высокий удельный вес фантастического элемента, присущий английской литературе со времен Шекспира. Перефразируя высказывание А. А. Смирнова об ирландских сагах, в романе «Погребенный великан», как и в сагах, можно обнаружить «упоение фантазией и крепкое чувство конкретности, пышной величавости и задушевной интимности» [Смирнов 1973: 549].

В фольклоре Великобритании далекое прошлое связано с легендами о демонах и ограх, драконах и великанах. Происходили события, в которых принимали участие рыцари короля Артура, а также Мерлин и фея Моргана. В XV в. Т. Мэлори создал мир рыцарских романов, в которых легендарные события соединялись с исторической реальностью.

Сюжет романа Исигуро складывается из трех нарративных элементов: мотив странствия-путешествия, вокруг которого строится и композиция, и интрига; уничтожение дракона (здесь она в женском роде – дракониха) и временные соотношения в структуре памяти. Два немолодых члена общины бриттов, Аксель и Беатриса, внезапно отправляются на поиски сына, который, по их мнению, живет в деревушке примерно в двух днях пути. Они не могут вспомнить, как выглядит их сын: «ни лица, ни голоса» [Исигуро 2016: 35] (“neither his face nor his voice” [Ishiguro 2015]). Акселю иногда кажется, что он припоминает, каким их сын был иногда в детстве, а Беатриса уверена, что сын превратился в красивого, сильного, справедливого человека, который «возьмет их под свое крыло, и никто не будет обращаться с ними грубо и насмешливо» [Исигуро 2016: 32]. (“He’ll protect us and see no one treats us ill” [Ishiguro 2015]).

Разговор с женой разворошил «бесчисленные обрывки памяти Акселя, да так сильно, что он

чуть не потерял сознание» [Исигуро 2016: 33] (“many fragments of memory tugged at Axl’s mind, so much so that he felt almost faint” [Ishiguro 2015]). Но в общине никто не помнил их сына, а они не могли припомнить, почему сын живет вдали от них и по какой причине он покинул своих родителей. Уже многие годы на их деревню и на весь окружающий мир по вечерам напал мрак, и они ничего не могут вспомнить из прошлой жизни. Иногда прошлое вспыхивает внезапными бликами, но связать их воедино им не дано, так же как и другим членам общины.

Считается что память – категория, несущая в себе прошлое. Замечено, что «особенность человеческой памяти заключается в том, что это уже не естественно-природная, а социально-культурная память, которая для отдельного человека складывается из знания о своем происхождении, о своем детстве, о своем Я, то есть речь идет о самосознании личности» [Коковина 2003: 3]. Существуют и социальные формы памяти, выражающиеся в коллективной памяти семей, социальных групп. Автор монографии о категории памяти в русской литературе Н. Коковина подчеркивает, что «понятие исторической памяти неразрывно связано с категорией времени, постигается через него и, в свою очередь, служит ключом к структуре времени. Ведь категория времени формирует мироощущение эпохи, сознание людей, ритм их жизни, отношение к вещам и идеям, осознание человеком самого себя как личности. Поэтому взаимообусловленность категории памяти и времени становится основой философского осмысления бытия в целом» [там же: 210].

Рассуждая о времени в раннем Средневековье, А. Гуревич отмечает: «Существенным аспектом времени был счет поколений. Определив принадлежность лица к тому или иному поколению или установив их последовательность, получали вполне удовлетворявшее представление о связи событий, о ходе вещей и обоснованности правовых притязаний. Понятие поколений воспроизводило ощущение живой преемственности, органических человеческих групп, в которые индивид включался как реальный носитель связей, соединяющих настоящее с прошлым и передававших их в будущее... На каждом хуторе, поселке, общине время текло, подчиняясь смене поколений» [Гуревич 1984: 109]. Поэтому для Акселя и Биатрисы столь важно найти сына, чтобы не прерывалась связь поколений.

На своем пути к сыну Акселю и Беатрисе приходится преодолевать горные вершины, прокладывая дорогу сквозь заросли колючего кустарника и чертополоха. Они оказываются в саксонской деревушке, встревоженной нападением

драконов на рыбаков, мирно удивших рыбу в прикормленном месте. Рыбаки погибли, а двенадцатилетнего мальчика Эдвина, находившегося с ними, драконы утащили в свое логово. Саксонский воин Вистан, оказавшийся случайно в деревне, сумел уничтожить драконов и спасти ребенка. Но у мальчика обнаружился след от укуса дракона, и по поверьям саксов в скором времени он может услышать зов драконихи и сам превратиться в дракона. Саксы решили избавиться от подростка, а Вистан, дабы спасти мальчика, предлагает Акселю и Беатрисе забрать его с собой втайне от общины и оставить в деревне сына на его попечении.

Вистан объясняет Акселю и Беатрисе, что он явился в эти края с востока, по поручению своего короля, чтобы проверить, не терпят ли соплеменники-саксы в этих краях дурное обращение от бриттов. Более того, его король опасается, что бриттский лорд Бреннус «строит планы захватить здешние земли и объявить войну всем саксам, которые тут живут» [Исигуро 2016: 162] (“conquer this land for himself and make war on all Saxons now living on it” [Ishiguro 2015]). Вистан поведал, что его король уверен, что лорд Бреннус захватит Квериг и заставит ее сражаться на своей стороне.

После двух дней пути Аксель и Беатриса вместе с Вистаном и Эдвином вышли к большой открытой площадке под открытым небом, в центре которой сидел высокий человек в доспехах, прислонившись спиной к огромному дубу. «Доспехи были старые и ржавые, хотя рыцарь, без сомнения, прилагал все усилия, чтобы сохранить их в достойном виде» [Исигуро 2016: 136]. (“His armour was frayed and rusted, though no doubt he had done all he could to preserve it” [Ishiguro 2015]). В этом эпизоде возникает интертекстуальная отсылка к рыцарю Печального Образа. Ведь и сэра Гавейн, изображенный здесь, будучи рыцарем короля Артура, выполняет функцию защитника всех обиженных и страждущих: «...Артур всегда наставлял нас щадить невинных, попавших под железную поступь войны... Более того, он приказывал нам спасать и давать убежище, когда это было возможно, всем женщинам, детям и старикам, равно бриттам и саксам. На этом и зиждилось доверие, пусть вокруг и гремели битвы» [Исигуро 2016: 147]. (“...Arthur charged us at all times to spare the innocents caught in the clatter of war. More, sir, he commanded us to rescue and give sanctuary when we could to all women, children and elderly, be they Briton or Saxon. On such actions were bonds of trust built, even as battles raged” [Ishiguro 2015]).

У сэра Гавейна есть верный конь по кличке Гораций, с которым он неразлучен. Гавейн уве-

рен, что при имени короля Артура они с Горацием всюду встречают теплый прием, потому что король Артур «был так милостив к побежденным, что вскоре те начинали любить его как своего родича» [Исигуро 2016: 145]. (“Horace and I find our king’s name well received everywhere, sir, even in those countries you mention. For Arthur was one so generous to those he defeated they soon grew to love him as their own” [Ishiguro 2015]).

Дальнейший событийный ряд странствия супружеской пары продолжается в монастыре, основанном на месте прежней горной крепости саксов. Постоянное чувство напряжения и опасности поддерживается воссозданием мрачного колорита жизни монахов, их самоистязания во время покаяния. Прикованные в наручниках к столбу в железной клетке, они выставляли себя на корм горным птицам. Железная маска хотя и служила целям милосердия, но предохраняла только глаза. Монастырь был известен в этих краях тем, что в его стенах находился прорицатель и целитель монах Джонас, не разделявший, кстати, существующей в монастыре надежды на то, что прощение и благословенье божье обойдутся «всего в пару молитв и толику раскаяния» [Исигуро 2016: 200] (“...few prayers and a little penance will bring forgiveness and blessing” [Ishiguro 2015]).

Монах Джонас открывает Акселю и Беатрисе тайну потери их памяти. Он поведал им, что дыхание Квериг стелется по земле и крадет у них память. Саксонскому воину Вистану известно, что монахи давно охраняют Квериг, а Джонас удручен бесконечными спорами монахов относительно их дальнейших действий: стоит ли взглянуть в лицо прошлому и тем самым избавить мир от драконихи, либо ничего не менять и оставить все как есть. Большая часть монахов и аббат поддерживают вторую точку зрения. Беатриса полагает, что эти споры монахов их с мужем не касаются, она хотела бы вернуть память, поскольку, как ей представляется, они с Акселем прожили счастливую жизнь и ей не хочется стереть следы прошлого. Она надеется на историю со счастливым концом, так как уверена, что любовь друг к другу всегда наполняла их сердца и они готовы принять любые воспоминания, – ведь это их общая жизнь.

Мрачная череда событий продолжается для Акселя, Беатрисы и Эдвина в подземном тоннеле, куда их спешно уводит один из монахов, хлопнув за ними монолитный люк. Их охватывает страх перед неведомым, под их ногами хрустят груды человеческих костей. Они понимают, что оказались в давнем месте погребения, использовавшемся еще римлянами, о чем свидетельствуют кое-где сохранившиеся римские

фрески и письма. В свете вспыхнувшей впереди свечи они к удивлению обнаруживают сэра Гавейна, раскрывшего им тайные злодеяния и интриги монахов, отправивших их на верную гибель от чудовища, поджидающего всякого у выхода из тоннеля. Сэр Гавейн возмущен поступком монахов: «...Людам Христа не гоже использовать ни меч, ни даже яд. Поэтому тех, кому они желают смерти, они отправляют сюда и уже через пару дней забывают, что вообще это сделали. Таковы их методы, особенно у Аббата» [Исигуро 2016: 216]. (“As men of Christ, it’s beyond them to use a sword or even poison. So they send down here those they wish dead, and in a day or two they’ll have forgotten they ever did so. Oh yes, that’s their way, especially the abbot’s”) [Ishiguro 2015]).

Гавейну стало известно, что монахи желали смерти как Эдвину, так и супружеской паре – свидетелям их деяний. Он подтверждает догадки Акселя и Беатрисы, что тоннель является местом погребения. Для него это часть истории страны: «Осмелюсь заметить, что вся наша страна именно это собой и представляет: прекрасная зеленая долина. Молодая роща, на которую так приятно смотреть по весне. Копните землю, и из-под маргариток и лютиков покажутся мертвецы. И не только те, кто удостоился христианского погребения. Наша земля пропитана останками после давнего кровопролития. Мы с Горацием устали от этого. Устали и состарились» [Исигуро 2016: 224]. (“I dare say, sir, our whole country is this way. A fine green valley. A pleasant copse in the spring-time. Dig its soil, and not far beneath the daisies and buttercups come the dead. And I don’t talk, sir, only of those who received Christian burial. Beneath our soil lie the remains of old slaughter. Horace and I, we’ve grown weary of it. Weary and we no longer young”) [Ishiguro 2015]).

В этой фразе безусловно представлена точка зрения человека нового времени, своего рода взгляд из XXI в. Сэр Гавейн присутствует в двух временных пространствах одновременно: в Средневековье и новом времени. Хотя в самом тексте романа речь идет о неуютном и неприветливом ландшафте раннего Средневековья, где путешественникам встречаются безымянные скалы, горы, реки, утесы, а также непроходимые леса.

В начале романа повествователь – человек, явно принадлежащий XX в., – противопоставляет современный уютный английский пейзаж Средневековью. В краткой экспозиции он представляет читателю панораму ландшафта средневековой Англии: «...На многие мили вокруг растлались земли пустынные и невозделанные, изредка перемежающиеся неторными тропами по скалистым горам или мрачным, заболоченным пустошам. Дороги, оставшиеся от римлян, к тому

времени либо превратились в сплошные колдобины, либо заросли травой, часто уводя в глухомань и там обрываясь. Над речками и болотами нависал ледяной туман – прекрасное убежище для огров, которые в те времена чувствовали себя в этих краях как дома» [Исигуро 2016: 7]. (“There were instead miles of desolate, uncultivated land; here and there rough-hewn paths over craggy hills or bleak moorland. Most of the roads left by the Romans would by then have become broken or overgrown, often fading into wilderness. Icy fogs hung over rivers and marshes, serving all too well the ogres that were then still native to this land”) [Ishiguro 2015]).

Этот пассаж практически дословно совпадает с описанием известного историка А. Я. Гуревича: «Ландшафт Западной и Центральной Европы в период раннего средневековья существенно отличался от современного. Большая часть ее территории была покрыта лесами... Немалая доля безлесного пространства представляла собой болота и топи: старые римские дороги... постепенно пришли в негодность... Лес отпугивал подстерегавшими в нем опасностями: дикими зверями, разбойниками и другими лихими людьми, призрачными таинственными существами и оборотнями, какими охотно населяла окружающий селения мир человеческая фантазия» [Гуревич 1984: 56].

Находясь в «неокультуренном» пространстве дикой природы, сэр Гавейн мужественно, как и подобает эпическому герою, сражается с чудовищем, спасая Акселя и Беатриссу от неминуемой гибели. В изображении Гавейна отсутствует известный по средневековому роману мотив искушения любовью, напротив, в книге «Погребенный великан» подчеркивается героическая природа испытания рыцаря Круглого стола. Гавейн вынужден отправиться в логово драконихи Квериг, двигаясь навстречу своей судьбе¹.

Ему предстоит сразиться с молодым, физически более сильным Вистаном, считающим себя вправе мстить бриттам за всех угнетенных и погубленных саксов. А Гавейн стремится из последних сил уберечь Квериг как символ забвения, дабы не свершались бесконечные братоубийственные войны между бриттами и саксами. Так же, как и в известном средневековом романе, Гавейна ожидает «смерть от благородного противника при исполнении рыцарского долга, что в конце концов является почетной формой гибели» [Оверченко 2003: 142].

Вистан требует от саксонского подростка Эдвина нести в своей душе ненависть к бриттам: «Наш долг ненавидеть каждого мужчину, женщину и ребенка, в жилах которых течет их кровь... Обещай, что ты будешь лелеять в душе эту ненависть... Мстить никогда не поздно»

[Исигуро 2016: 314]. (“We’ve a duty to hate every man, woman and child of their blood. So promise me this. Should I fall before I pass to you my skills, promise me you’ll tend well this hatred in your heart. And should it ever flicker or threaten to die, shield it with care till the flame takes hold again. Will you promise me this, Master Edwin?” [Ishiguro 2015]). Вистану важно, чтобы память вернулась к саксам, и тогда кровопролитию не будет конца. Отечественный историк И. М. Дьяконов в своей книге «Пути истории» заметил: «Англы и саксы, что было довольно необычно для того времени, пытались истребить здесь местное население; это вынудило кельтский народ бриттов отступить в Уэллс и Корнуолл или бежать через море в современную Бретань» [Дьяконов 1994: 90].

Миротворцем в романе Исигуро выступает Гавейн, защитник христианского гуманизма, в отличие от язычника Вистана с его идеологией «око за око и зуб за зуб». В книге присутствуют формальные признаки рыцарского романа, но мотив искушения любовью намеренно не реализован в связи с образом Гавейна. Любовь становится главным источником вдохновения для другого рыцаря Круглого стола, Акселя, хотя дыхание Квериг стерло из его памяти время служения Артуру. Лишь Гавейн напоминает в редких вспышках памяти и во сне трудный разговор Артура с Акселем в присутствии Гавейна о нарушенном королем Артуром перемирии между англами и саксами, в то время как Аксель клятвенно убедил саксов в том, что никогда воины Артура не вступят на их землю и не будет пролита кровь ни взрослых, ни невинных младенцев. Аксель вспоминает, что его называли Рыцарем мира, потому что он завоевал доверие саксов. Аксель возмущен вероломством Артура, правда, Гавейн пытается объяснить Акселю, что соглашение между саксами и бриттами было временным. Аксель покидает Артура – низкий мир человеческих страстей, уходя в частную жизнь. Отныне всего себя он посвящает прекрасной даме, собственной супруге. Его отношения к ней пронизаны исключительной куртуазностью и в стиле обращения (княгиня), и в вежливости и учтивости в поведении, и в заботах о бытовом комфорте, и в тревогах в связи с ее недомоганием.

Мотив поклонения собственной жене как прекрасной даме «очеловечивает» Акселя и разрушает стереотип куртуазного романа. Считается, что эпос и рыцарский роман содержат разную правду, опирающуюся в «первом случае на “историю”, а во втором на мораль» [Оверченко 2003: 196]. Одной из главных рыцарских добродетелей почиталась верность возлюбленной. Однако после убийства драконихи вернувшаяся па-

мять напомнила Беатрисе эпизод, когда Аксель оставил ее, увлекшись, как ей тогда показалось, другой женщиной, моложе и красивее, а Аксель вспомнил измену Беатриссы, покинувшей его на несколько месяцев (аллюзия на измену жены короля Артура Джиниевры).

Исследователь английского рыцарского романа М. Оверченко замечает, что «любовь как важнейшее проявление «внутреннего человека» в рыцаре по канону должна становиться главным источником его вдохновения и доблести при свершении подвигов» [там же: 374]. Подвигом Акселя стало заключение мира между саксами и бриттами.

Иногда в памяти Вистана возникал образ благородного и мудрого князя бриттов, обещавшего мир и спокойствие саксам. Вистан в ту пору был маленьким мальчиком, но этому князю он поверил, так же как и его сородичи. Однако «обещание» было попрано жестоким кровопролитием, бритты увели с собой мать Вистана, а его отправили в военный лагерь, где воспитали воином. Когда к Вистану вернулась память, он понял, что этим князем-миротворцем был Аксель, что в его действиях не было коварства, и что он искренне желал блага для обоих народов.

Как и в средневековом романе о Гавейне, «христианское мировоззрение находит воплощение в ценностях куртуазного кодекса, которому привержены все истинные рыцари» [там же: 187].

Гавейн и Аксель готовы проявить свои лучшие качества, являясь «представителями сложного комплекса религиозно-куртуазных добродетелей» [там же: 204]. Однако если Гавейн исполнен намерений осуществить подвиг во имя рода человеческого, вписываясь в своеобразный «макрокосм», то Аксель, целью которого стало служение прекрасной даме (после ссоры с Артуром), остался в частном мире «микрокосма».

Роман имеет кольцевую композицию. В начале путешествия Аксель и Беатриса встречают лодочника, перевозящего людей по их просьбе на неведомый остров. Если туда стремится попасть супружеская пара, то оба супруга должны по отдельности припомнить заметные эпизоды из их общей жизни, и если они идентичны, т. е. людей связывают «невероятно сильные узы любви», то и на острове они будут неразлучны. Однако Аксель вспомнил, что долго не мог простить жене ее измену: «из-за глупости и гордости» не разрешил ей посетить могилу сына, ушедшего из дома из-за конфликта между родителями и скончавшегося от чумы в соседней деревне. Аксель стремится убедить лодочника, что их размолвка с женой давно забыта, что их любовь с годами окрепла, «что без черных суме-

рек... не наступил бы рассвет» [Исигуро 2016: 409]. («And I knew the last of the darkness had left me» [Ishiguro 2015]). Но лодочник выполняет свою работу, увозя на остров Беатрису, разлучив ее с мужем. Т. А. Михайлова в статье «Острова за морем, или Тема плаваний в иной мир в ирландской традиции» указывает, что «имеющийся в нашем распоряжении материал не позволяет реконструировать некий прамиф о некоем едином Острове – обители мертвых или неких сверхъестественных существ, куда непременно после окончания земного существования должны попасть все люди (или хотя бы – избранные)» [Михайлова 2002: 154].

Другой исследователь ирландского фольклора В. П. Калыгин обращает внимание на то, что «Иной мир, как впрочем и загробный, помещается вне доместицированного пространства: вне дома, вне поселка, за лесом, за горами, за морем» [Калыгин 2002: 154]. Он отмечает, что мифология – как кельтская, так и германская – засвидетельствована на поздней стадии своего существования, в эпоху упадка и разложения, когда она сосуществовала с христианством в рамках двоеверия. Именно этот период изображает Исигуро. «Смерть далеко не всегда мыслится как нечто отрицательное... идея представления о смерти как о конце нами встречена не была», – указывает Т. Михайлова в статье «Отношение к смерти у кельтов: номинация умирания в гойдельских языках» [Михайлова 2002: 17].

Композиции романа присуща пространственно-временная симметрия. Путешествие Акселя и Беатрисы длится чуть более трех дней, начинаясь от деревни, через Великую Равнину и полуразрушенную римскую виллу, где обитает лодочник, отправляющий людей на Остров. Действие замыкается в круг, возвращаясь к тому же пункту, откуда началось. Лодочник выступает одновременно и повествователем, и перевозчиком душ людей в Иной мир. Это приводит к концентрации внимания на развивающихся событиях. Лодочник существует как в далеком прошлом (возможно, со времени прибытия Брута на остров), так и в момент развития действия, связанного с путешествием Акселя и Беатрисы, в то же время ему ведомо будущее. Именно лодочник в начале романа сопоставляет пейзаж современной Британии со средневековым. Он, как и прорицатель Мерлин, находится над временем и над пространством.

Путешествие для Акселя и Беатрисы завершилось на новом уровне жизненного опыта. Пространственная перспектива совмещается с моральной. Этот роман не столько рыцарская эпопея, сколько психологический роман о сложности и запутанности человеческой судьбы, об

одиночестве и покаянии. В нем представлен широкий гуманистический взгляд на взаимоотношения людей. Писатель отстаивает благородство, умение понимать, и прощать, и не взыскивать с других за их промахи и просчеты. Все пережитые чувства, посетившие человека, мысли не проходят бесследно, а продолжают существовать в памяти. Люди продолжают жить в памяти людей, пока о них помнят. Их жизнь продолжается в ином мире – обители вечного покоя. Временные ориентиры последней части романа – вечность и время – охватывают всех живых и мертвых. Есть всеобщий закон перехода живых в иной мир, где время останавливается и люди пребывают там в большинстве своем в одиночестве, и только некоторым дано находиться в этом «мире теней» вдвоем, о чем мечтают Аксель и Беатриса. В романе происходит изменение сознания Акселя и Беатрисы. Время от простого и понятного «день, год, весна, утро, ночь» переходит через забытое в былое, из настоящего в будущее, к абстрактному понятию «вечность». Сама жизнь человеческая становится мерилем времени. Конкретная жизнь Акселя и Беатрисы превращается в раздумье о человеческой судьбе. В хронотопе наблюдается слияние прошлого, настоящего и будущего, внутреннее пространство романа расширяется до сферы Вселенной.

Роман «Погребенный великан» помещен в широкий контекст легендарной истории Британии и, в определенной мере, всего человечества. Это роман-предупреждение, ибо в нем в художественной форме представлено осознание истории как урок будущим поколениям, поскольку во взаимоотношениях людей существует лишь один выход – мирное и разумное сотрудничество между нациями и народами.

В своем интервью корреспонденту «Нью-Йорк Таймс» Исигуро заметил, что он к своему удивлению обнаружил, что период англосаксонского нашествия «остался, по сути, белым пятном Британской историографии» [Alter 2015]. Отечественный историк А. Б. Глебов заключает: «Политическая карта Англии времени самого завоевания практически неизвестна, хотя мы и знаем более или менее определенные даты основания большинства англо-саксонских королевств» [Глебов 2015: 34]. Этот период в истории средневековой Британии нашел отражение в «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского. В его изложении история бриттов приобретает черты героического сопротивления иноземцам, сопротивления, которое растягивается не на одно столетие. «Не приходится удивляться, что трактовка германских племен и их вождей... у Гальфрида неизменно отрицательная... Англы и саксы непременно коварны, жестоки и подлы»

[Михайлов 1984: 209]. Гальфрид Монмутский считает, что «благодаря этим качествам саксам удается не раз одерживать верх над бриттами, которые обычно побеждают в открытом и честном бою» [там же]. Но далеко не все бриттские цари изображены Гальфридом положительно: «Рисуя правителей слабых или коварных, нерешительных или вероломных, он сознательно противопоставляет им своих положительных героев, прежде всего, Артура» [там же: 210].

Французский историк Е. Фарраль, тщательно изучивший книги Гальфрида Монмутского и Ненния (предшественника Гальфрида) поясняет: «Артур, вождь северных бриттов, герой локальных сражений, приобретает в тексте артурианы в том виде, в каком она дошла до нас, черты героя, чьи подвиги распространяются на всю Британию, и в котором последующие поколения призваны прославить наиболее крупного государя британской национальной истории» [там же: 221]. Однако в последнем романе Исигуро читатель обнаруживает не «мифологизацию истории», а «историзацию мифа». В книге имеются красноречивые эпизоды непрекращающейся изнурительной, кровопролитной борьбы бриттов с англосаксами, с чередой отдельных частных успехов и поражений с обеих сторон, с картинами жестокой резни и злодеяний. Полагаем, что из-за современной политкорректности обозреватели англоязычных газет и журналов эти сцены не анализируют [Alter 2015; Holland 2015; Miller 2015; Preston 2015 ; Rich 2015; Wood 2015].

Исследователи отмечают, что в клерикальном XI в. вообще существовала тенденция изображения Артура «как злобного тирана, грабителя и совершенно бессовестного человека» [Михайлов 1984: 219]. Не случайно в романе есть страницы, повествующие о ссоре Акселя с Артуром, нарушившим перемирие, заключенное ранее между саксами и бриттами. Исигуро, как всякий большой писатель, раскрывает сложное развитие мировой истории во всей ее противоречивости. Один из серьезных историков современности Э. Трельч в книге «Историзм и его проблемы» писал: «Историческое время – это поток, в котором ничто не ограничивается и не обособляется, а все переходит друг в друга, прошлое и будущее одновременно проникнуты друг другом, настоящее всегда продуктивно заключает в себя прошлое и будущее» [Трельч 1994: 50].

В одном из интервью Исигуро заметил, что когда он перечитывал роман «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь», его не заинтересовали описания турниров, но он представил себе, что этот «неокультуренный таинственный мир» может быть интересен. По его словам, его волновала проблема коллективной и социальной памяти и

ее атрофия. На взгляд писателя, достаточно обратиться к послевоенной истории Европы, конкретно Франции времени Второй мировой войны, или современной Боснии, Америки, Японии. Но писатель предупреждает, «что его роман нельзя рассматривать исключительно как политический. Это его обедняет и упрощает» [Alter 2015].

Исигуро неоднократно подчеркивал, что он состоялся как личность в «идеальное» время конца 60-х – начала 70-х гг. XX в., когда молодое поколение (молодые люди его возраста) выросли с мыслью, что они должны изменить мир и что это их обязанность [Селитрина 2014: 141]. Исигуро был членом многих политических групп и участвовал в качестве волонтера во многих социальных проектах. У его сверстников были прекраснодушные идеалы. «Однако жизнь все усложнялась, и в настоящий момент, считает писатель, «на многих из нас лежит тяжелая ноша ответственности за все, что происходит в стране: кто находится у власти, какие решения принимает правительство, что значит быть гражданином демократической страны» [Conversations 2008: 100]. По мнению писателя, каждый член общества выполняет свои текущие обязанности, живя надеждой на лучшее будущее: «мы не возглавляем правительство, не являемся инициаторами государственных переворотов, но мы работаем, работаем на нанимателя или на организацию. Конечно, наш вклад в общее дело достаточно мал, но мы уверены, что те, кто находится наверху социальной лестницы, используют наш вклад в общее дело в справедливых целях» [там же: 101].

Писателю присущ историзм мышления. В одной из финальных сцен романа говорится о возможном пробуждении «погребенного великана». Образ погребенного великана можно интерпретировать как аллегория войны. И тогда, как полагает писатель, может наступить «*ma-hem*» (хаос) [Alter: 2015]. Поэтому Исигуро как наиболее чуткий представитель человечества призывает объединиться перед возможной, надвигающейся бесчеловечностью и искать выход на путях как политики, так и культуры, неразрывно с ней связанной.

Совершенно справедливо известный отечественный ученый Б. М. Проскурнин считает, что «всякий исторический романист, как бы глубоко он ни уходил в прошлое, на самом деле стремится сказать что-то важное о современности, заострить внимание на принципиальных для него проблемах и вопросах своего времени, истоки которых он видит в исторической дали и о последствиях необдуманных (спорных, противоречивых) решений которых он хотел бы предупредить читателей» [Проскурнин 2013: 216].

Б. М. Проскурнин склонен рассматривать анализируемое нами произведение как современную модификацию жанра исторического романа. В самом деле, последнюю книгу Исигуро можно вписать в обширный ряд романов с исторической тематикой: Умберто Эко «Имя Розы» (1980), Милорада Павича «Хазарский словарь» (1989), Грэма Свифта «Водоземье», Джулиана Барнса «История мира в 10 ½ главах» (1989) и т. д. Мэриадель Боккарди в своей книге «Современный британский исторический роман» («The contemporary British historical novel», 2009) цитирует известную английскую писательницу А. Байетт, обратившую внимание на то, что история вновь проникла в английскую беллетристику как важнейшая составляющая [Boccardi 2009: 1]. Однако многие западные исследователи помещают последнюю книгу Исигуро в жанр фэнтези по типу Толкиена и Ле Гуин [Alter 2015; Miller 2015]. Полагаем, что в постмодернистскую эпоху могут мирно сосуществовать обе точки зрения.

Примечание

¹ Авторы статей в зарубежной периодической печати отмечают аллюзии как из средневекового рыцарского романа о сэре Гавейне, так и из «Беовульфа».

Список литературы

Глебов А. Б. Англия в раннее средневековье. СПб.: Евразия, 2015. 288 с.

Гуревич А. Я. Категория средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.

Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М.: Наука, 1994. 384 с.

Исигуро К. Погребенный великан. М.: Изд-во «Э», 2016. 416 с.

Коковина Н. З. Категория памяти в русской литературе XIX века. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2003. 234 с.

Калыгин В. П. Кельтская космология // Представления о смерти и локализация Иного мира у древних кельтов и германцев / отв. ред. Т. А. Михайлова. М.: Языки славянской культуры, 2002. 464 с.

Михайлов А. Д. Книга Гальфрида Монмутского // Гальфрид Монмутский. История Бриттов. Жизнь Мерлина. М.: Наука, 1984. 284 с.

Михайлова Т. А. Отношение к смерти у кельтов: номинация умирания в гойдельских языках // Представления о смерти и локализация Иного мира у древних кельтов и германцев / отв. ред. Т. А. Михайлова. М.: Языки славянской культуры, 2002. 464 с.

Оверченко М. В. Неидеальное приключение идеального рыцаря // Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь. М.: Наука, 2003. 247 с.

Проскурнин Б. М. «После постмодернизма»: о динамике жанра исторического романа. Заметки на полях книги Джерома де Гроота // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 3(23). С. 214–221.

Селитрина Т. Л. Русская и зарубежная литература. Сравнительно-исторический подход. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 160 с.

Смирнов А. А. Древнеирландский эпос // Ирландские саги. Ирландский эпос. М.: Худож. лит., 1973. 863 с.

Трельч Э. Историзм и его проблемы: пер. с нем. М.: Юрист, 1994. 719 с. (Лики культуры).

Alter A. For Kazuo Ishiguro, «The Buried Giant» Is a Departure // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2015/02/20/books/for-kazuo-ishiguro-the-buried-giant-is-a-departure.html?ref=collection%2Ftimestopic%2FISHIGURO%2C%20KAZUO> (дата обращения: 07.12.2016).

Boccardi M. The Contemporary British Historical Novel. Representation, Nation, Empire. N. Y.: Plagrave Macmillan. 193 p.

Brooks N. Anglo-Saxon Myths. State and Church. 400–1066. L.: The Hambleton Press, 2000. 308 p.

Conversations with Kazuo Ishiguro: [Edited by B. W. Shaffer a. C. F. Wong]. University Press of Mississippi, 2008. 228 p.

De Groot J. The Historical Novel // The New Critical Idiom. L.: Routledge, 2010. 200 p.

Holland T. The Buried Giant Review – Kazuo Ishiguro Ventures into Tolkien Territory // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/books/2015/mar/04/the-buried-giant-review-kazuo-ishiguro-tolkien-britain-mythical-past> (дата обращения: 07.12.2016).

Ishiguro K. The Buried Giant // FREEBOOK-SVAMPIRE. URL: http://www.ebookvampire.com/Most-Popular/The-Buried-Giant-by-Kazuo-Ishiguro/page_1.html (дата обращения: 27.01.2017).

Miller L. Dragons aside, Ishiguro's «Buried Giant» is not a fantasy novel // Salon. URL: http://www.salon.com/2015/03/02/dragons_aside_ishiguro_s_buried_giant_is_not_a_fantasy_novel/ (дата обращения: 07.12.2016).

Miller L. We're all Genre Readers Now: Can we finally stop the tired «pixies and dragons» vs. literary fiction wars? // Salon. URL: http://www.salon.com/2015/03/11/were_all_genre_readers_now_can_we_finally_stop_the_tired_pixies_and_dragons_vs_literary_fiction_wars/ (дата обращения: 07.12.2016).

Preston A. The Buried Giant by Kazuo Ishiguro – Review: «Game of Thrones with a conscience» // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/books/2015/mar/01/the-buried-giant-kazuo-ishiguro-review-game-of-thrones-conscience> (дата обращения: 07.12.2016).

Rich N. The Book of Sorrow and Forgetting // The Atlantic. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/03/the-book-of-sorrow-and-forgetting/384968/> (дата обращения: 07.12.2016).

Ulin D. L. In Ishiguro's "The Buried Giant" Memory Draws a Blank // Los Angeles Times. URL: <http://www.latimes.com/books/jacketcopy/la-ca-jc-kazuo-ishiguro-20150301-story.html> (дата обращения: 07.12.2016).

Wood J. Kazuo Ishiguro's "The Buried Giant" // The New Yorker. URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2015/03/23/the-uses-of-oblivion> (дата обращения: 07.12.2016).

Wood M. In Search of Dark Ages. N. Y., 1987. 250 p.

References

Glebov A. B. *Angliya v rannee srednevekov'e* [England in the early Middle Ages]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2015. 288 p. (In Russ.)

Gurevich A. Ya. *Kategoriya srednevekovoy kul'tury* [The category of the medieval culture]. Moscow, Iskustvo Publ., 1984. 350 p. (In Russ.)

D'yakonov I. M. *Puti istorii. Ot drevneyshego cheloveka do nashikh dney* [The ways of history. From the earliest man to the human of our days]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 384 p. (In Russ.)

Ishiguro K. *Pogrebennyi velikan* [The Buried Giant]. Moscow, "E" Publ., 2016. 416 p. (In Russ.)

Kokovina N. Z. *Kategoriya pamyati v russkoy literature 19 veka* [The category of memory in Russian literature of the 19th century]. Kursk, Kursk State University Publ., 2003. 234 p. (In Russ.)

Kalygin V. P. *Kel'tskaya kosmologiya* [Celtic cosmology]. *Predstavleniya o smerti i lokalizatsiya inogo mira u drevnikh kel'tov i germantsev* [Ideas of death and localization of another world among ancient Celts and the Germanic peoples]. Ed. by T. A. Mikhaylova. Moscow, LRC Publishing House, 2002. 464 p. (In Russ.)

Mikhaylov A. D. *Kniga Gal'frida Monmutskogo* [The book of Geoffrey of Monmouth]. *Gal'frid Monmutskiy. Istoriya Brittov. Zhizn' Merlina* [Geoffrey of Monmouth. The History of the Britons. The Life of Merlin]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 284 p. (In Russ.)

Mikhaylova T. A. *Otnoshenie k smerti u kel'tov: nominatsiya umiraniya v goidel'skikh yazykakh* [Attitude to death among the Celts: death nomination in Goidelic languages]. *Predstavleniya o smerti i lokalizatsiya inogo mira u drevnikh kel'tov i germancev* [Ideas of death and localization of another world among ancient Celts and the Germanic peoples]. Ed. by T. A. Mikhaylova. Moscow, LRC Publishing House, 2002. 464 p. (In Russ.)

Overchenko M. V. *Neideal'noe prikluychenie ideal'nogo rytsarya* [Non-ideal adventure of an ideal knight]. *Ser Gaveyn i Zelenyy Rytsar'* [Sir Gawain and the Green Knight]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 247 p. (In Russ.)

Proskurnin B. M. «Posle postmodernizma»: o dinamike zhanra istoricheskogo romana. *Zametki na polyakh knigi Dzheroma de Groota* ["After postmodernism": on the historical novel's development. Some notes in the margins of the book by Jerome de Groot]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya fililogia* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2013, issue 3(27), pp. 214–221. (In Russ.)

Selitrina T. L. *Russkaya i zarubezhnaya literatura* [Russian and foreign literature]. *Sravnitel'no-istoricheskiy podkhod: monografiya* [Comparative historical approach: monograph]. Ufa, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University Publ., 2014. 160 p. (In Russ.)

Smirnov A. A. *Drevneirlandskiy epos* [Ancient Irish epos]. *Islandskie sagi. Irlandskiy epos* [Icelandic sagas. Irish epos]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1973. 863 p. (In Russ.)

Troeltsch E. *Istorizm i ego problem* [Historicism and its problems]. Transl. from German. Moscow, Yurist Publ., 1994. 719 p. (In Russ.)

Alter A. For Kazuo Ishiguro, The Buried Giant is a Departure. *The New York Times*. Available at: <http://www.nytimes.com/2015/02/20/books/for-kazuo-ishiguro-the-buried-giant-is-a-departure.html?ref=collection%2Ftimestopic%2FIshiguro%2C%20Kazuo> (accessed 07.12.2016). (In Eng.)

Boccardi M. *The contemporary British historical novel. Representation, nation, empire*. New York, Palgrave Macmillan, 193 p. (In Eng.)

Brooks N. *Anglo-Saxon Myths. State and Church. 400–1066*. London, The Hambledon Press, 2000. 308 p. (In Eng.)

Conversations with Kazuo Ishiguro. Ed. by B. W. Shaffer and C. F. Wong. University Press of Mississippi, 2008. 228 p. (In Eng.)

Groot J. de *The historical novel. The new critical idiom*. London, Routledge, 2010. 200 p. (In Eng.)

Holland T. The Buried Giant review – Kazuo Ishiguro ventures into Tolkien territory. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2015/mar/04/the-buried-giant-review-kazuo-ishiguro-tolkien-britain-mythical-past> (accessed 07.12.2016). (In Eng.)

Ishiguro K. The Buried Giant. *FREEBOOKS-VAMPIRE*. Available at: http://www.ebookvampire.com/Most-Popular/The-Buried-Giant-by-Kazuo-Ishiguro/page_1.html (accessed 27.01.2017). (In Eng.)

Miller L. We're all genre readers now: Can we finally stop the tired "pixies and dragons" vs. literary

fiction wars? *Salon*. Available at: http://www.salon.com/2015/03/11/were_all_genre_readers_now_can_we_finally_stop_the_tired_pixies_and_dragons_vs_literary_fiction_wars/ (accessed 07.12.2016). (In Eng.)

Miller L. Dragons aside, Ishiguro's "Buried Giant" is not a fantasy novel. *Salon*. Available at: http://www.salon.com/2015/03/02/dragons_aside_is_higuros_buried_giant_is_not_a_fantasy_novel/ (accessed 07.12.2016). (In Eng.)

Preston A. The Buried Giant by Kazuo Ishiguro – review: "Game of Thrones with a conscience". *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2015/mar/01/the-buried-giant-kazuo-ishiguro-review-game-of-thrones-conscience> (accessed 07.12.2016). (In Eng.)

Rich N. The Book of Sorrow and Forgetting. *The Atlantic*. Available at: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/03/the-book-of-sorrow-and-forgetting/384968/> (accessed 07.12.2016). (In Eng.)

Ulin D. L. In Ishiguro's "The Buried Giant", memory draws a blank. *Los Angeles Times*. Available at: <http://www.latimes.com/books/jacketcopy/la-ca-jc-kazuo-ishiguro-20150301-story.html> (accessed 07.12.2016). (In Eng.)

Wood J. Kazuo Ishiguro's "The Buried Giant". *The New Yorker*. Available at: <http://www.newyorker.com/magazine/2015/03/23/the-uses-of-oblivion> (accessed 07.12.2016). (In Eng.)

Wood M. *In search of dark ages*. New York, 1987. 250 p. (In Eng.)

FICTIONAL WORLD OF THE MIDDLE AGES IN K. ISHIGURO'S NOVEL *THE BURIED GIANT*

Tamara L. Selitrina

Professor in the Department of Germanic and Romanic Linguistics and Foreign Literature

M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University

3, Oktyabrskoy revolyutsii st., Ufa, 450025, Russian Federation. Selitrina@yandex.ru

SPIN-code: 8794-0210

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0357-2218>

ResearcherID: S-5226-2016

Dilara G. Khalikova

Senior Lecturer in the Department of Foreign Languages

Ufa State Petroleum Technological University

1, Kosmonavtov st., Ufa, 450062, Russian Federation. Dilarakhali@gmail.com

SPIN-code: 4422-0325

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9895-4643>

ResearcherID: S-5007-2016

The article considers the specific character of time and space, the problem of memory and oblivion in the latest novel by K. Ishiguro *The Buried Giant* (2015). The novel is placed into the broad context of a legendary history of Britain and to a certain extent into the context of the whole mankind's world. The paper analyzes the world view of a medieval man at the time when Christian ideology overlaid the thick stratum of mythological ideas. Much attention is paid to the image of Sir Gawain, the defender of Christian humanity, the idea being different from the interpretation of the famous Arthurian Romances focused on love enticements of the knight of the Round Table. It is emphasized that out of the three narrative elements establishing both the composition and the plot, the basic motif is travelling and wandering. This motif is associated with poetics and chronotope embedded in the perception of a mediaeval man as well as of our contemporary. The novel narrates about the complexity and entanglement of human destinies, solitude and repentance, memory and oblivion, love and forgiveness. Ishiguro turns to the global and at the same time personal issues of existence applying myths, stories and fantastic motifs. Being written for intellectuals, Ishiguro's novel represents a kind of science fiction with a distinct historical background and approaches the genre of parable in its finale. It is concluded that Ishiguro's work is the novel-admonition that fictionalizes the perception of history as of a lesson for future generations.

Key words: Ishiguro; buried giant; medieval Britain; chronotope; fantasy; memory; Celtic mythology; Sir Gawain; Britons; Saxons; Proskurnin.

УДК 821.111(73)
doi 10.17072/2037-6681-2017-2-108-116

МОНСТР КАК ДРУГОЙ (ДРУГАЯ) В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Лилия Фуатовна Хабибуллина

д. филол. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого
Казанский (Приволжский) федеральный университет
420021, г. Казань, ул. Татарстан, 2. fuatovna@list.ru

SPIN-код: 3965-9624

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3550-1986>

ResearcherID: D-9403-2015

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Хабибуллина Л. Ф. Монстр как Другой (Другая) в современной англоязычной литературе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 2. С. 108–116. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-108-116

Please cite this article in English as:

Khabibullina L. F. Monstr kak Drugoy (Drugaya) v sovremennoy angloyazychnoy literature [Monster as the Other in Modern Literature in English]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 2, pp. 108–116. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-108-116 (In Russ.)

В статье рассматривается эволюция образа монстра в западной англоязычной литературе. Особое внимание уделяется литературе рубежа XX–XXI вв., произведениям английских писательниц Анжелы Картер, Джанет Уинтерсон и американского писателя греческого происхождения Джеффри Евгенидиса. В романах всех этих авторов центральный персонаж в разной степени наделен чертами монструозности, которая служит выражением инаковости этого героя. *Другой* в романах может быть наделен зооморфными признаками («Ночи в цирке», «Страсть») или особенностями физиологии («Средний пол»); в каждом таком случае монстр по-разному осознает свою инаковость и транслирует ее. Помимо главного героя во всех романах присутствуют и другие персонажи, наделенные чертами монструозности, что определяет сложность и разнообразие выражения рассматриваемой проблемы. Способы репрезентации инаковости, отношение к Другому, а также смыслы, которые транслирует автор через такого героя, и стали предметом исследования в данной статье. На примере произведений названных писателей прослеживается эволюция тех значений, которые связываются с Другим в современной литературе. Выявляются закономерности развития образа гендерного Другого от чужого и враждебного, далее находящегося в зоне патологии и безумия, до исключительного, а затем и просто не такого, как остальные, но достойного признания и уважения. Особо акцентируется проблема соотношения инаковости и монструозности в английской и американской литературе XX–XXI вв.

Ключевые слова: английская литература; американская литература; образ монстра; А. Картер; Дж. Уинтерсон; Дж. Евгенидис.

История монстров в мировой литературе чрезвычайно давняя и не прерывающаяся надолго своего развития, что говорит о значимости этого образа для человечества на протяжении его истории. Появление образов чудовищ (монстров) в фольклоре исследователи традиционно связывают с эпохой матриархата, когда человек еще не отделял себя от мира природы; борьба же с чу-

довищем – классический сюжет победы «светлых» сил эпохи патриархата над уходящими ценностями. Один из ярких сюжетов такого плана – «Поэма о Беовульфе», где победа над матерью чудовища Гренделя знаменует одновременно торжество мужского над женским, социального над родовым, человеческого над животным. Мысль о необходимости уничтожения монстра,

причины человеческого ужаса, вызываемого им, отчетливо выражены у древних авторов. Запомним эти древние смыслы и проследим развитие этой темы далее.

Массовая актуализация монструозных образов в мировой литературе происходит в XIX в. Эпоха великих открытий в области естественных наук по-новому ставит вопрос о могуществе человека. Дарвиновская теория вновь делает острой проблему родства человека и животного. Образ безумного ученого, чьи безответственные эксперименты приводят его на край гибели, становится одним из основных в мировой литературе XIX в. Самые известные – это Виктор Франкенштейн, породивший могучее и ужасное существо, герой одноименного романа Мэри Шелли¹. Не менее известен и доктор Моро из романа Г. Уэллса «Остров доктора Моро», соединяющий людей и животных искусственным путем и населенный целый остров удивительными и несчастными созданиями. Доктор Моро не преуспел в вытравлении в них животного начала, а позже и сам погиб от одного из них, то же случилось и с его помощником Монтгомери, и только Прендик, дневник которого обнаруживает его племянник, остается жив и описывает свои злоключения. Страх перед монстрами и необходимость их уничтожить, характерные для древности, в эпоху романтизма сменяются сочувствием и сожалением об их неизбежной гибели. Длинная обвинительная речь существа в адрес Франкенштейна не отменяет характерной порочности его натуры, но заставляет задуматься о неоднозначности его вины.

В конце XX в. монстры вновь появляются в литературе, но уже совершенно по другому поводу и в другом контексте. Предваряют их появление серьезные научные исследования о природе женщины и ее положении в обществе. Как известно, вторая волна феминизма связана с периодом шестидесятых годов и характеризуется началом широкого теоретического осмысления вопроса². Здесь решающую роль сыграли работы Симоны де Бовуар «Второй пол» (*Le deuxième sexe*, 1949) [Бовуар1997], где она рассматривает историю унижения женщины прежде всего через теории тела и осмысление мифов о женщине, и Бетти Фридан «Загадка женщины» (*The Feminine Mystique*, 1963) [Фридан1994], которая считает, что тайну женственности придумали мужчины, чтобы оправдать неравенство полов. В 70-е гг. XX столетия появляются такие знаковые для феминистской критики труды, как «Думать о женщинах» (1968) Мэри Эллманн, «Литературная женщина» (1976) Эллен Моэрс, «Безумная на

чердаке: женщина-писательница и литературное воображаемое в XIX веке» (1979) Сандры Гилберт и Сюзан Губар, «Письмо и несть ему конца: нарративные стратегии в женской литературе XX века» (1985) Рэйчел ДюПлесси, «Их собственная литература: британские женщины-писательницы от Бронте до Лессинг» (1977) Элейн Шоуолтер, сборники «Новая феминистская критика. Эссе о женщинах, литературе и теории» (1985), «Эти современные женщины: автобиографические эссе 20-х годов» (1978), «Дочери декаданса. Женщины-писательницы на рубеже веков» (1984) под редакцией Элейн Шоуолтер³. Элейн Шоуолтер, как и С. Гилберт и С. Губар, пишет о том, что язык женской литературы прошлого – это преимущественно «язык безумия»: «Авторы доказывают, что женщины-писательницы в патриархатной культуре неизбежно попадают в ее дискурсивные ловушки, так как в любом случае вынуждены драматизировать амбивалентное разделение между двумя возможными образами женского: традиционным патриархатным образом и одновременным сопротивлением ему. Данный «разрыв», по мнению авторов, и формирует амбивалентную структуру женского авторства как структуру «сумасшествия». Другим символом «сумасшедшей» идентичности женщин-писательниц, который также используют в своем исследовании Гилберт и Губар, является символ зеркала, выражающий женское драматическое состояние разрыва: желание соответствовать мужским нормативным представлениям о женщине и одновременное желание отвергать эти нормы и представления» [Жеребкина 2001]. Язык патологии и «безумия», выявленный американскими феминистками как основной язык «женской» художественной литературы, становится предметом проблематизации не только в критике, но и в литературе уже с середины 1980-х гг.

Однако не только женщина воспринимается традиционными культурами как нечто чуждое, патологическое, монструозное – это удел любого, кто не вписывается в норму. Конец XX – эпоха осознания значения образа монстра как Чужого, Другого в мировой культуре, причем монструозность может транслировать различные виды инаковости, не только гендерной, но и, например, национальной: «Мы перестаем воспринимать мигранта просто как Чужого, а начинаем воспринимать его как Монстра, разрушающего наше культурное пространство. Может, процесс реабилитации экранного монстра поможет нам воспринимать Чужого в жизни более терпимо» [Романова 2015]. Появляется и понимание ново-

го места монстра в культуре: «В культуре постиндустриального общества, в эпоху развития и становления политкорректности и толерантности, создаются особые зоны трансгрессии, где не только взаимодействуют представители разных культур, но и легализуется образ монстра как полноправного субъекта межкультурной коммуникации» [Зюзина 2016].

Процесс осознания монструозности как способ выражения феминной инаковости начинается в английской литературе в последние десятилетия XX в. в творчестве женщин-авторов, неизменно привлекающих повышенное внимание критиков и журналистов [Haffenden 2005; Patterson 2004; Reynolds 2003]. Так, одним из примеров реализации феминистского содержания посредством дискурса монструозности является, на наш взгляд, роман Анджелы Картер «Ночи в цирке» (*Nights at the Circus*, 1984). Главная героиня романа – женщина с крыльями, появившаяся из яйца, Феверс – символ обретения женщиной свободы. Монструозность Феверс – женщины с крыльями – означает появление нового типа женщин практически как природного вида. Здесь монструозный дискурс используется как раз как способ обозначения инаковости самой женской природы относительно мужской, «нормальной», а также независимости «новой» женщины от мужского мира. Во всем облике Феверс подчеркивается грубая телесность, которая отдаляет ее от идеала «женственности». Описание изобилует «животными» сравнениями: «в тесном помещении она напоминала скорее лемовую кобылу, чем ангела» [Картер 2004: 16], «раскрылись ее крылья – разноцветны шестифутовым размахом орла, кондора, альбатроса, до невозможности раскормленных на диете, от которых фламинго становятся розовыми» [там же: 22]; «вяло брела по какому-то невидимому коридору между трапезиями с тучным достоинством трафальгарского голубя, лениво перелетающего от одной протянутой руки с хлебными крошками к другой» [там же: 25–26]. В описании внешности героини подчеркивается тучность, мощь, масштабы и сила, также противоречащие традиционным представлениям о женственности: «В телесном трико с выпирающей корабельным бушпритом грудью» [там же: 21], «лицо ее, широкое и овальное, как блюдо для мяса, было как будто вылеплено из грубой глины на гончарном круге» [там же: 16]. «Бог мой, какая же она туша!» [там же].

Феверс – центральный образ романа, образец новой, свободной женщины XX в. Загадкой личности главной героини, раскрытой лишь в фина-

ле романа, является ее принадлежность к ранним феминистским движениям через ее постоянную спутницу и воспитательницу Лиз. Лиз не только феминистка, но и революционерка, в том числе активно помогающая русской революции, на что прозрачно намекает Картер⁴. Если Лиз воплощает новую женщину в интеллектуальном и моральном плане, то Феверс, женщина, воспитанная женщинами, по своей природе отличается от представителей прежнего мира. Феверс воплощает Новую женщину нового века, обладая качествами сверхнормативности, она находится за пределами ограничений, наложенных на женщину викторианской эпохой. Однако, как отмечают исследователи, свобода Феверс не абсолютна: «Она также занимает промежуточное положение между викторианским *angel in the house* и типом новой женщины рубежа столетий. Но ее крылья, являющиеся загадкой для окружающих, имеют больше ограничений, чем крылья настоящей птицы. Крылья Феверс не позволяют ей улететь, что означало бы полную свободу» [Шамсутдинова 2008: 320].

Заведомо фантастический сюжет романа скрывает за собой реализованную индивидуальную утопию феминистского толка, привязанную к определенному историческому периоду – рубежу XIX–XX вв. Этот временной этап, как и все в романе, имеет скорее символический смысл, обозначая значимый переход времени, наступление некоего Женского века в истории. Путь самопознания героини сочетается с символическим путешествием, конечным пунктом которого становится мифологизированная Сибирь. Символическому пространству соответствует символика остановившегося времени (сломанные или остановившиеся часы), обозначающего начало Пути к внутренней свободе.

В результате испытания большинство женщин обретает свое «я»: русская женщина Ольга, убившая мужа, – в утопической женской коммуне, Республике Свободных женщин, состоящей из таких же мужеубийц, – «амазонской» утопии, созданной бывшими каторжанками и узницами графини (она, как и остальные женщины, убила мужа); циркачки Миньона и Принцесса – в осознании своей лесбийской сущности; Феверс – в новом обретении любимого мужчины, очистившегося, как и она, в результате испытаний. Нельзя не отметить феминистскую направленность всего содержания романа, где мужчины – потенциальные или реальные насильники, которых ожидает суровое справедливое наказание, если они не становятся смиренными почитателями женщин, признающими

свою вторичность (силач Самсон, журналист Уолсер). Сюжет мужского насилия в романе Картер является основным, но в отношении Феверс он сочетается с мотивом соблазна богатством и роскошью, усиленным проявлением холодности и бездушия, что символически воплощается в ледяной статуе, изображающей Феверс, таяние которой противопоставлено мертвой неподвижности российской маскулинности. В специфическом мире романа Картер персонажи, имеющие черты монструозности, патологии претендуют на истинную человечность, в отличие от «обычных» людей, которые либо ее лишены, либо только находятся в процессе ее обретения: «...противоестественными были не мы, а те утонченные джентльмены, что выкладывали за нас соверены, дабы утолить свой болезненный интерес» [Картер 2004: 96]. Однако эта закономерность не абсолютна в романе, например, когда маленькая Дива попадает в компанию таких же маленьких мужчин, они проявляют худшие качества: «они дурно со мной обращались: хоть и маленькие, но они были мужчинами» [там же: 109].

Таким образом, оппозиция *мужчина – женщина* в этом романе более существенна, чем оппозиция *патология – норма*, монструозность Феверс является скорее выражением ее личной сверхнормативности, возвышения над общими законами эпохи, чем утверждением монструозности как новой нормы.

Еще один роман, в котором используются черты монструозности для акцентирования специфики женской природы, – это произведение английской писательницы Дж. Уинтерсон «Страсть» (*The Passion*, 1987). В нем монструозность подчеркивает условность границ между мужским и женским и вместе с тем специфичность чисто женского взгляда на мир, женской природы. Главная героиня романа Уинтерсон, венецианка Вилланель, наделена особым свойством от рождения, у нее перепончатые пальцы на ногах, что позволяет ей ходить по воде. Это свойство, по замыслу автора, передается из поколения в поколение у венецианских лодочников, но только мужчинам. Так в романе намечается ситуация диффузности гендерных границ, значимая для творчества писательницы. Это отмечает Т. Хацкевич: «Перепонки, символизирующие мужское начало, спрятаны в обувь, как и мужские черты характера, заключенные в женском теле, таким образом, происходит смешение женской и мужской идентичности. У Дж. Уинтерсон особая черта венецианки не дает особых преимуществ и не является сверхспособностью (Вилланель предпочитает не ходить по воде, хотя

это возможно). В связи с образом главной героини в романе развивается ситуация обратимости мужского и женского, автор обращается к мотиву переодевания в мужской костюм (травестии), вследствие чего пол героини уже сложно определить окружающим» [Хацкевич 2015: 121]. Здесь кроется, на наш взгляд, принципиальная разница между героинями А. Картер и Дж. Уинтерсон: если в романе Картер появление Феверс, обнаружение себя, – это торжество активной женственности, то скрытность Вилланель, которая предпочитает не снимать обувь, демонстрирует стремление спрятать свои особенности, не проявлять своей специфики.

Важным в романе становится противопоставление мнимого и истинного Другого: действие романа происходит в эпоху Наполеона, который как раз и предстает как мнимый Другой. Повествовательный рисунок произведения усложняется тем, что образ Наполеона, и отчасти Вилланель, дается в восприятии солдата Анри, Вилланель представляет себя сама, следовательно, перед нами два рассказчика. Противопоставление мужского и женского дается через ситуацию инаковости, в случае Наполеона она мнимая, а в случае Вилланель – истинная⁵. Вилланель обладает способностью ходить по воде, а также способностью к страсти. Единственной настоящей любовью героини была любовь к женщине. Центральным понятием в романе является понятие «страсть», и именно способность испытывать страсть, или любовь, обуславливает разницу между персонажами.

Инаковость Наполеона обозначается через две особенности, с которых, собственно, и начинается роман: любовь к поеданию кур и маленький рост. Все остальное в его образе так или иначе связывается с этими чертами, например: «Императору не нравился никто, кроме Жозефины, а Жозефина нравилась ему примерно так же, как куры» [Уинтерсон 2002: 24]. Или: «Слуг он держал маленьких, а лошадей – больших» [там же: 25]. Бонапарт описан в романе как лишенный способности любить по-настоящему, испытывать страсть к другому: «Бонапарт был влюблен в себя, и вся Франция разделяла его чувство» [там же: 27]. Ложная инаковость Наполеона противопоставлена истинной инаковости Вилланель (см. подробнее: [Хацкевич 2014]).

В романе значима метафора бессердечности, которая реализуется в отношении мужских и женских образов по-разному. Для мужчин бессердечность означает способность к выживанию: «Чтобы пережить ту лютую зиму и войну, мы сложили из своих сердец погребальный костер и

навсегда забыли о них» [Уинтерсон 2002: 20]. Для Вилланель потеря сердца означает самую большую любовь в ее жизни, метафора потерянного сердца и его поиска определяет практически весь сюжет ее жизни. Очевидно, что образ Вилланель, способной становиться похожей на мужчину, дарить любовь мужчинам и женщинам и испытывать сильную страсть, вышшеается в романе над остальными, а через способность ходить по воде ассоциируется с Христом: «Поляки делали большие глаза, а одного вообще едва не отлучили от церкви: он предположил, что Христос, наверное, тоже умел ходить по воде, потому что таким уродился» [там же: 28]. Монстр, таким образом, не утрачивая зооморфизма, как и в романе А. Картер, не принижается, а, наоборот, возвеличивается, обретая надчеловеческие черты.

Образ Вилланель в романе тесно связан с образом Венеции. Хронотоп города здесь характеризуется изменчивостью временных и пространственных параметров: «По ночам улицы появляются и исчезают, а в суше пробиваются новые каналы. Иногда бывает невозможно пройти из одного места в другое, потому что путь кажется бесконечным, а иногда можешь обойти свое королевство за минуту, как владения какого-нибудь карманного принца» [там же: 26]⁶. Наполеон привносит порядок в окружающий мир: «Там, где приходит Бонапарт, тянутся прямые дороги, здания перестраиваются, улицы получают названия в честь одержанных побед» [там же: 30], так, он поменял таблички с названиями улиц в Венеции, но Венеция – город-лабиринт, живой город, не поддающийся реформам императора, это еще один символ превосходства женского над мужским (см. подробнее: [Поваляева 2006: 80–83; Хацкевич 2015: 125–131; Тега 2016: 152–162; Вакау 2015: 197–200]).

Как и у Картер, значимость монструозного дискурса в романе проявляется в том, что не только Вилланель, но и другие персонажи обладают необычными возможностями; у Уинтерсон это так или иначе связано с телесными проявлениями любви. Так, ирландский священник Патрик обладал дальновзорким левым глазом: «Левый видел за три поля пару горожан, совершавших плотский грех под Божьим небом, пока их супруги стояли на коленях в церкви» [Уинтерсон 2002: 29]. Необычные способности героев обозначают их главную способность – к любви.

Образы героев-рассказчиков, обладающих высшей способностью к любви, контрастируют с образами их антагонистов – Наполеона и толстого повара, мужа Вилланель, которые обозначают

абсолютное зло, неспособность к страсти. Однако только Вилланель, наделенная сверхспособностями, может любить по-настоящему и остаться сильной – страсть Анри к Вилланель сводит его с ума и убивает. Как отмечает исследователь, «Вилланель – заключает в себе фактически все... стереотипные ипостаси женщины, однако ни одна из них не является для нее определяющей. В дискурсе Вилланель все эти стереотипы рассыпаются в прах, а сама оппозиция “мужское / женское” становится объектом игры» [Поваляева 2006: 91]. Таким образом, монструозный дискурс здесь используется для реализации идеи диффузности гендерных границ и выведения образа главной героини как наделенной двойной природой и обладающей сверхчеловеческими способностями, главная из которых – способность испытывать страсть.

Роман Дж. Евгенидиса «Средний пол» (*Middlesex*, 2002) также в известной степени связан с ситуацией монструозности. История американки греческого происхождения Каллиоппы Стефанидис, которая в подростковом возрасте осознает себя юношей Каллом, построена по законам романа воспитания: начинаясь с истории бабушки и деда, покинувших Грецию, затем родителей, строивших свою жизнь в США, завершается моментом взросления главного героя.

Тема монструозности на этот раз задается ассоциациями с греческой мифологией, в частности, через миф о Минотавре, – американская театральная постановка по мотивам мифа оказывается чем-то не менее чудовищным: «На сцене в серебристых лифчиках и просвечивающих сорочках резвились хористки – они танцевали и читали стихи, не попадая в такт жуткому завыванию флейт. Потом появился Минотавр с бычьей головой из папье-маше. В отсутствие какого бы то ни было представления о классической психологии актер изображал в чистом виде киношного монстра»⁷ [Евгенидис 2003: 257]. Этот момент связывается с началом истории появления Каллиоппы / Калла на свет. Монструозность героини / героя на сюжетном уровне объясняется близким родством ее бабушки и дедушки (родные брат и сестра) и отдаленным родством родителей (троюродные). Восприятие себя как монстра становится первой реакцией героя на новости о собственной природе: «Калли вдруг увидела себя именно с этой точки зрения. Она представила себя неуклюжим волосатым существом, вышедшим из чащобы. Рогатой гусеницей, высывающей свою драконью пасть из ледяного озера»⁸. Глаза ее наполнились слезами, буквы

начали расплываться, и она бросилась прочь из библиотеки» [Евгенидис 2003: 110]. Другой мифологической ассоциацией, усиливающей мотив стыда, вины и наказания, становится ассоциация с Тиресием, который в наказание за убийство змеи несколько лет прожил в женском теле. Эта история, взятая из «Метаморфоз» Овидия, акцентирует мотив наказания, в данном случае за инцестуальные связи предков героя / героини.

Впоследствии Калл принимает первое «мужское» решение: покидает свой дом в поисках собственной судьбы, как когда-то пришлось сделать его предкам. Встретив в бурлеск-шоу подобных себе людей, транссексуала Кармен и «интерсексуалку» Зору, он осознает натуральный характер своей природы. На место мифа о Минотавре приходит миф о прекрасном Гермафродите, которого так полюбила нимфа Салмакида, что слилась с ним в одно существо. Эта история, также из «Метаморфоз», дает надежду на освобождение от вины и грехов предков; вместо безобразия, здесь акцентируются красота и способность вызывать любовь, характерные и для главного героя, который приходит к принятию себя и своей сложной природы. Введение образа рассказчика, Калла-взрослого, вполне благополучного, уважаемого жителя Берлина, который в финале устраивает и личную жизнь, контрастирует с историей его семьи и его собственного взросления, обозначая правильность сделанного им выбора.

Историческим фоном романа становится греко-турецкая война, в результате которой Дездемона и Элевтериос (Левти) Стефанидис покидают греческую Смирну, ставшую впоследствии турецким Измиром, развитие и кризис американского Детройта. В романе отражены знаковые события сентября 1922 г., известные как резня в Смирне, волнения на Двенадцатой улице в Детройте в июле 1967 г. Трагедия греческого народа дается через подробное описание происходящего, она оттеняется и трагедией армян, отраженной в истории доктора Нишана Филобозяна, потерявшего всю семью, вырезанную турками. История Детройта также наполнена драматизмом: Стефанидисы приезжают в город в эпоху его роста, а заканчивается роман упадком Детройта. В романе обозначается эволюция развития человечества в XX в.: «Люди лишились человечности в 1913 году, и это исторический факт. Именно в этом году Генри Форд начал массовый выпуск автомобилей и заставил рабочих работать со скоростью конвейера» [Евгенидис 2003: 24]. В Детройте дед героя оказывается в метафорическом «плавильном котле» на празднике на заводе

Форда, затем торгует контрабандным алкоголем, держит ресторан, разоряется из-за беспорядков, устроенных черными. В романе даются и различные варианты жизни эмигрантов: так и не ассимилированная Дездемона противопоставлена своей американизированной кузине Сурмелине, законопослушный Левти нарушает закон только из-за Джимми Зизимопулоса, торгующего алкоголем в годы сухого закона. Все это позволяет рассматривать историю жизни героя в более широком контексте, – не как исключительно личную драму, а как часть тех процессов, которые происходят с человечеством в XX в. и на протяжении всего его существования. Этот контекст связывает гендерную и национальную инаковость героя / героини воедино и дает возможность вписать его «случай» благодаря наличию выраженного научного дискурса не только в историю медицины, что отражено в романе, но и в контекст истории и культуры человечества.

Таким образом, в литературе на рубеже XX–XXI вв. происходит существенный «сдвиг» в гендерной проблематике. Не только «женская» литература и женская проблематика выводятся из «зоны» безумия и патологии, но и те ситуации, нахождение которых в этой зоне определяется научным дискурсом, прежде всего трансгендерные, выводятся из нее и начинают рассматриваться как частный случай личной самоидентификации. Образы, несущие в себе черты монструозности, становятся важным средством выражения данного «сдвига», демонстрируя изменившийся статус Другого на рубеже XX–XXI вв.

Примечания

¹ Подробный анализ этого романа и во многом аналогичного с точки зрения репрезентации образа монстра романа Б. Стокера «Дракула» и их экранизаций дает Е. Н. Шапинская в статье «Монструозный Другой в вербальных и визуальных текстах культуры» [Шапинская 2010]. В целом мы согласны с большинством высказываемых в работе идей.

² Нельзя сказать, что до этого работ, посвященных положению женщины, не было. В 1792 г. английская писательница Мэри Уолстонкрафт опубликовала публицистическую книгу «Защита прав женщины», в которой она назвала основными отрицательными женскими чертами нарциссизм, зависимое положение и необходимость подчиняться. В работах XVIII–XIX вв. женщины, рисуя свое положение, в большой степени еще руководствовались «мужской» логикой, а не описывали эту логику и ме-

ханизмы подавления женщин на уровне языка, как в XX в.

³ Обзор этих публикаций содержится в работе И. Жеребкиной «Феминистская литературная критика» [Жеребкина 2001].

⁴ «Письма... были новостями о борьбе ссыльных товарищей в России... Лиз пообещала это одному подвижному маленькому джентльмену, с которым познакомилась в читальном зале Британского музея» [Картер 2004: 473].

⁵ Подробный и исчерпывающий, на наш взгляд, анализ образа Наполеона дается в статье Т. М. Хацкевич «Образ Наполеона как “ино-го / другого” в романе Дж. Уинтерсон “Страсть”» [Хацкевич 2014].

⁶ «Streets appear and disappear overnight, new waterways force themselves over dry land. There are days when you cannot walk from one end to the other, so far is the journey, and there are days when a stroll will take you round your kingdom like a tinpot Prince» [Winterson 1997: 97]. Здесь и далее ссылки на английский текст приводятся, если замечено определенное расхождение между оригиналом и переводом или требуется уточнение.

⁷ “...as pure movie monster” [Eugenides 2002: 194].

⁸ “As a lumbering, shaggy creature pausing at the edge of woods. As a humped convolvulus rearing its dragon’s head from an icy lake” [Eugenides 2002: 87].

Список литературы

Бовуар С. де. Второй пол / пер. с франц.; общ. ред. и вступ. ст. С. Г. Айвазовой; коммент. М. В. Аристовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. Т. 1, 2. 832 с.

Евгенидис Дж. Средний пол / пер. с англ. М. Ланиной. СПб.: Амфора, 2003. 751 с.

Жеребкина И. Феминистская литературная критика // Введение в гендерные исследования: учеб. пособие. Ч. 1 / под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. URL: <http://www.owl.ru/library/004t.htm>. (дата обращения: 20.12.2016).

Зюзина О. Ю. Феномен монстра в культуре // VII Всерос. культуролог. конф. «Лихачёвские чтения»: сб. материалов конф. 2016. С. 78–80.

Картер А. Ночи в цирке: роман / пер. с англ. Д. Ежова; под ред. Б. Останина. СПб.: Амфора, 2004. 479 с.

Поваляева Н. С. Дженет Уинтерсон, или Возрождение искусства лжи. Минск: РИВШ, 2006. 281 с.

Романова А. П. Амбивалентность образа монстра в современной культуре: дихотомия «свой –

чужой» // Евразийский союз ученых. 2015. № 10–3 (19). С. 52–54.

Тегга Е. В. Мифологизация в романах Дж. Уинтерсон: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. С.1 52–162.

Уинтерсон Д. Страсть: роман / пер. с англ. Е. Каца. М.: ЭКСМО, 2002. 252 с.

Уэллс Г. Остров доктора Моро / пер. с англ. К. Морозовой. М.: Худож. лит., 1972. С. 107–210. сер. (БВЛ).

Фридан Б. Загадка женственности. М.: Изд. группа «Прогресс», 1994. 318 с.

Хацкевич Т. М. Образ Наполеона как «ино-го / другого» в романе Дж. Уинтерсон «Страсть» // Филология и культура. 2014. № 3(37). С. 60–64.

Хацкевич Т. М. Своеобразие художественного воплощения проблемы инаковости в творчестве Дж. Уинтерсон: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2015. 230 с.

Шамсутдинова Н. З. Феминистские мотивы в сказках Анжелы Картер // Альманах современной науки и образования. 2007. № 3–3. С. 244–246.

Шамсутдинова Н. З. Реальность и вымысел в романе А. Картер «Ночи в цирке» // Вестник Чувашицкого университета. 2008. № 1. С. 315–322.

Шапинская Е. Н. Монструозный Другой в вербальных и визуальных текстах культуры // Полигнозис. 2010. № 1–2(38). URL: <http://www.culturalnet.ru/main/person/596> (дата обращения: 16.02.17).

Шелли М. Франкенштейн, или Современный Прометей. Последний человек. М.: Наука, Ладомир, 2010. 667 с.

Bakay G. Venice as a “Sinister City” in Two Contemporary Novels: Jeanette Winterson’s *Passion* and Ian McEwan’s *Comfort of Strangers* // Images (IV). Images of the Other. Istanbul-Vienna-Venice / ed. by V. Bernard. Zurich, 2015. P. 193–201.

Carter A. Nights at the Circus. Picador, 1985. 295 p.

Eugenides J. Middlesex. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2002. 544 p.

Haffenden J. Interview with Angela Carter // Novelists in Interview. L.; N. Y.: Methuen, 2005. P. 76–96.

Patterson C. Of love and other demons // The Independent. May 07, 2004. URL: <http://www.jeanettewinterson.com/pages/content/index.asp?PageID=271> (дата обращения: 28.02.2017).

Reynolds M. Interview with Jeanette Winterson // Reynolds M., Noakes J. Jeanette Winterson: The Essential Guide. Vintage, 2003.

Winterson J. The Passion. N. Y.: Grove Press, 1997.

References

- Bovuar S. de. *Vtoroy pol* [The Second Sex]. Vols. 1, 2. Transl. from French, ed., introduct. part by S. G. Ayvazova, comment. by M. V. Aristova. Moscow, Progress Publ., St. Petersburg, Aleteya Publ., 1997. 832 p. (In Russ.)
- Eugenides Jeff. *Sredniy pol* [Middle sex]. Transl. from English by M. Lanina, St. Petersburg. Amfora Publ., 2003. 751 p. (In Russ.)
- Zherebkina I. Feministskaya literaturnaya kritika [Feminist Literary Critique]. *Vvedenie v gendernye issledovaniya*. Uchebnoe posobie. Chast'1 [Introduction to Gender Studies. Textbook. Part 1]. Ed. by I. A. Zherebkina. Khar'kov, KCGS Publ., St. Petersburg, Aleteya Publ., 2001. Available at: <http://www.owl.ru/library/004t.htm> (accessed 20.12.2016). (In Russ.)
- Zyuzina O. Yu. Fenomen monstra v kul'ture [The phenomenon of monster in culture]. *VII Vserossiyskaya kul'turologicheskaya konferentsiya «Likhachevskie chteniya»*. Sbornik materialov konferentsii [Proceedings of VII All-Russian culturological conference "Likhachev's readings"]. 2016, pp. 78–80. (In Russ.)
- Karter A. *Nochi v tsirke* [Nights at the Circus]. Transl. from English by D. Ezhov. Ed. by B. Ostannin. St. Petersburg, Amfora Publ., 2004. 479 p. (In Russ.)
- Povalyaeva N. S. *Dzhenet Uinterson, ili Vozrozhdenie iskusstva lzhi* [Jennet Winterson or the Reborn of the Art of Lie] Minsk, RIVSh, 2006. 281 p. (In Russ.)
- Romanova A. P. Ambivalentnost' obraza monstra v sovremennoy kul'ture: dikhotomiya «svoe – chuzhoy» [Ambivalence of the image of monster in contemporary culture: the dichotomy of "insider – outsider"]. *Evraziyskiy soyuz uchenykh* [Eurasian Union of Scientists], 2015, issue 10–3(19), pp. 52–54. (In Russ.)
- Tega E. V. *Mifologizatsiya v romanakh J. Uinterson*. Diss. kand. filol. nauk [Mythologizing in J. Winterson's novels. Cand. philol. sci. diss]. Moscow, 2016, pp. 152–162. (In Russ.)
- Winterson J. *Strast'* [The Passion]. Transl. from English by E. Katz. Moscow, EKSMO Publ., 2002. 252 p. (In Russ.)
- Wells G. *Ostrov doktora Moro* [The Island of Dr. Moreau]. Transl. from English by K. Morozova. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1972, pp. 107–210. (In Russ.)
- Friedan B. *Zagadka zhenstvennosti* [The Feminine Mystique]. Moscow, Progress Publ., 1994. 318 p. (In Russ.)
- Khazkevich T. M. *Obraz Napoleona kak «inogo / drugogo» v romane Dzh. Uinterson «Strast'»* [The image of Napoleon as the Other in J. Winterson's Novel "Passion"]. *Filologiya i kul'tura* [Filology and Culture], 2014, issue 3(37), pp. 60–64. (In Russ.)
- Khazkevich T. M. *Svoeobrazie khudozhestvennogo voploshcheniya problemy inakosti v tvorchestve Dzh. Uinterson*. Diss. kand. filol. nauk [The Originality of Expression of Otherness in the Novels of J. Winterson. Cand. philol. sci. diss]. Kazan, 2015. 230 p. (In Russ.)
- Shamsutdinova N. Z. *Feministskie motivy v skazkakh Anzhely Karter* [Feminist motives in Angela Carter's tales]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education], 2007, issue 3–3, pp. 244–246. (In Russ.)
- Shamsutdinova N. Z. *Real'nost' i vymysel v romane A. Karter «Nochi v tsirke»* [Reality and Fiction in A. Carter's Novel "Nights at the Circus"]. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2008, issue 1, pp. 315–322. (In Russ.)
- Shapinskaya E. N. *Monstruoznyy drugoy v verbal'nykh i vizual'nykh tekstakh kul'tury* [The monstrous Other in verbal and visual texts of culture]. *Polygnosis*, 2010, issue 1–2(38). Available at: <http://www.culturalnet.ru/main/person/596> (accessed 16.02.17) (In Russ.)
- Shelley M. *Frankenshtein ili Sovremennyy Prometey* [Frankenstein or the modern Prometheus] Moscow, Nauka Publ., Lodomir Publ., 2010. 667 p. (In Russ.)
- Bakay G. *Venice as a "Sinister City" in Two Contemporary Novels: Jeanette Winterson's Passion and Ian McEwan's Comfort of Strangers. Images (IV). Images of the Other. Istanbul-Vienna-Venice*. Ed. by V. Bernard. Zurich, 2015, pp. 193–201. (In Eng.)
- Carter A. *Nights at the Circus*. London, Picador, 1985. 295 p. (In Eng.)
- Eugenides J. *Middlesex*. New York, Farrar, Straus and Giroux, 2002. 544 p. (In Eng.)
- Haffenden J. *Interview with Angela Carter. Novelists in Interview*. London, New York, Methuen, 2005, pp. 76–96. (In Eng.)
- Patterson C. *Of love and other demons. The Independent*. May 07, 2004. Available at: <http://www.jeanettewinterson.com/pages/content/index.asp?PageID=271>. (accessed 28.02.2017) (In Eng.)
- Reynolds M. *Interview with Jeanette Winterson. Reynolds M., Noakes J. Jeanette Winterson: The Essential Guide*. Vintage, 2003. (In Eng.)
- Winterson J. *The Passion*. New York, Grove Press, 1997. (In Eng.)

MONSTER AS THE OTHER IN MODERN LITERATURE IN ENGLISH

Liliya F. Khabibullina

Professor in the Department of Russian and Foreign Literature

Kazan Federal University, Leo Tolstoy Institute of Philology and Intercultural Communication

2, Tatarstan st., Kazan, 420021, Russian Federation. fuatovna@list.ru

SPIN-code: 3965-9624

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3550-1986>

ResearcherID: D-9403-2015

The author describes the evolution of the image of a monster in modern English-language literature. Special attention is given to literature of the 20th and 21st centuries, works of British writers such as Angela Carter and Jeanette Winterson, and American writer of Greek origin Jeffrey Eugenides. The central characters of these authors' novels, in different ways, possess some traits of monstrosity, which becomes a manifestation of their Otherness. Some novels show zoomorphic features (*Night at the Circus, Passion*), or special physiological characteristics (*Middlesex*). In each case, a monster realizes its otherness in a certain way and expresses it. In addition to the main character, there are other personages having traits of monstrosity, which provides the complexity and diversity of the problem raised. The methods of the representation of Otherness, the attitude to the Other and different ideas the author expresses through such a character are the subject of this research. The author uses these works as examples demonstrating the evolution of the values associated with the Other in contemporary literature. It is possible to trace evolution of the patterns of the gender Other image from the alien and hostile, being in the area of pathology and madness, to the exclusive, and not the same as others but still deserving recognition and respect. Particular attention is paid to the problem of relations between Otherness and Monstrosity in English and American literature of the 20th and 21st centuries.

Key words: English literature; American literature; image of a monster A. Carter; J. Winterson; J. Eugenides.

К 100-ЛЕТИЮ УНИВЕРСИТЕТА

УДК 82.001.8: 71
doi 10.17072/2037-6681-2017-2-117-130

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ДРУГИХ ИСКУССТВ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТИ (опыт кафедры мировой литературы и культуры Пермского государственного национального исследовательского университета)

Нина Станиславна Бочкарева

д. филол. н., профессор кафедры мировой литературы и культуры
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. nsbochk@mail.ru
SPIN-код: 5691-5020
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0518-9976>
ResearcherID: P-2300-2016

Ирина Александровна Новокрещенных

к. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и культуры
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. ira-tabunkina@mail.ru
SPIN-код: 6165-6981
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0877-4823>
ResearcherID: P-1752-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бочкарева Н. С., Новокрещенных И. А. Проблемы взаимодействия литературы и других искусств в контексте интермедиальности (опыт кафедры мировой литературы и культуры Пермского государственного национального исследовательского университета) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 2. С. 117–130. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-117-130

Please cite this article in English as:

Bochkareva N. S., Novokreshchennykh I. A. Problemy vzaimodeystviya literatury i drugikh iskusstv v kontekste intermedial'nosti (opyt kafedry mirovoy literatury i kul'tury Permskogo gosudarstvennogo natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta) [Problems of Relations between Literature and Other Arts in the Context of Intermediality (Research Experience of the Department of World Literature and Culture of the Perm State University)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 2, pp. 117–130. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-117-130 (In Russ.)

Статья посвящена проблеме взаимодействия литературы и других искусств в контексте интермедиальности. Обобщается опыт исследований кафедры мировой литературы и культуры Пермского государственного национального исследовательского университета, в этом аспекте обозначаются два этапа в становлении научной школы. В 1990-х гг. в Пермском университете на разных кафедрах наметилось несколько литературоведческих направлений, представляющих разные подходы к изучению проблем взаимодействия искусств: «типологические подобию» литературы и живописи (Н. В. Гашева); литература и искусство в символическом пространстве культуры (В. В. Абашев); образы произведений визуальных искусств в литературе, или экфрасис (Н. С. Бочкарева), как «вербальное изображение визуального изображения» (Дж. Хеффернан) и «воспроизведение одного искусства

средствами другого» (Л. Геллер). В настоящее время на кафедре мировой литературы и культуры ведется работа над проблемами исследования интермедиальных техник с позиций исторической поэтики с учетом их функций в художественном целом произведения. Результаты исследований отражены в научных проектах, диссертациях, докладах на ежегодных Международных конференциях «Иностранные языки и литературы в контексте культуры» (2009–2017), статьях научного журнала «Мировая литература в контексте культуры» и др. Проблематика интермедиальных исследований пермских ученых сегодня сосредоточена на таких дискуссионных аспектах, как архитектурный и музыкальный экфрасис, фотоэкфрасис и кинопоэтика, транспозиция экфрасиса из литературы в кинематограф и др. Изучается «роман о картине» и экфрастический роман на материале разных национальных литератур (английской, испанской и др.). В результате интермедиального анализа немецкой поэзии и музыки было обнаружено, что перевод на другой национальный язык влияет на характер исполнения музыкально-поэтического произведения. При кафедре мировой литературы и культуры создана Лаборатория сравнительно-исторических исследований и культурных инноваций, на базе которой собирается библиотека интермедиальных исследований и материалов.

Ключевые слова: взаимодействие литературы и других искусств; интермедиальность; экфрасис; кафедра мировой литературы и культуры; Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Проблемы взаимодействия литературы (поэзии) и других искусств, всегда волновавшие философов, писателей и художников, на рубеже XX–XXI вв. актуализировались в теориях интермедиальности [Ripple 2015: 1]. В век «электронной культуры» и компьютерных технологий обостряется «проблема взаимодействия различных средств массовой коммуникации, традиционных форм искусства и человека» [Тюрина 2005: 5]. Современная теория интермедиальности предполагает различные методики исследования в зависимости от типа взаимоотношений, возникающих между различными медиа (см. классификации И. Раевски, В. Вольфа и др.).

В отечественном литературоведении во второй половине XX столетия «специальный разговор» о «содружестве муз» и синтезе искусств возобновился на страницах журнала «Вопросы литературы» после Всесоюзной Пушкинской конференции (Ленинград, июнь 1963 г.), посвященной проблемам истолкования произведений Пушкина различными видами искусств [Мейлах 1964: 16], продолжился в монографиях [Дмитриева 1966] и сборниках статей [Литература и живопись 1982], а термины «экфрасис» и «интермедиальность» в их современном значении распространились только в 2000-х гг. после симпозиума в Лозанне [Геллер 2002], хотя и использовались в работах по классической филологии [Фрейденберг 1978, Брагинская 1977], по зарубежной [Тишунина 1998] и русской [Борисова 2000] литературе и культуре.

В Пермском университете на кафедре зарубежной литературы (возобновленной в 1964/1965 уч. году) еще в 1960-х гг. начала зарождаться основная научная проблема – «исследование закономерностей мирового литературного процесса в его основных проявлениях – эстетических системах, жанрах, поэтике, во взаи-

модействии с другими искусствами (выделено нами. – Н. Б., И. Н.), с общим культурным контекстом» [Проскурнин 2016: 161].

Научным коллективом кафедры была заложена традиция исследований образов художника и искусства в литературе. Этой проблеме посвящены работы Р. Ф. Яшенькиной «Тема искусства в романе Т. Манна “Доктор Фаустус”» [Яшенькина 1962: 84–101], Н. С. Лейтес о романах Г. Гессе [Лейтес 1975: 248–254, 1980: 77–81], А. Ф. Любимовой «Проблема героя в романе Р. Киплинга “Свет погас”» и «Художник и общество в рассказах Л. Н. Толстого “Люцерн” и Р. Л. Стивенсона “Провидение и гитара”» [Любимова 1976: 131–141, 1988: 72–77]. В работах Е. П. Ханжиной рассматривается живописное начало в американской романтической лирике и специально оговаривается термин «экфрастический сонет» [Ханжина 1995: 69–75, 1998: 46–77].

В 1990-е гг. в ПГУ оформились несколько литературоведческих направлений в изучении взаимодействия искусств. Первое представлено исследованиями «типологического подобия» литературы и живописи [Гашева 1990: 3]. В учебном пособии «Литература и живопись (опыт изучения взаимодействия искусств)», написанном под руководством Н. В. Гашевой и под редакцией Р. В. Коминой, применяются разные варианты сравнительно-типологического анализа к творчеству русских и зарубежных писателей и художников XIX–XX вв. В первом разделе (автор Н. Н. Гашева) сопоставляются вербальное и визуальное в творчестве Ф. М. Достоевского и Винсента Ван Гога на разных уровнях художественной структуры. Два других раздела (авторы Е. Ю. Белозерова, Г. Н. Плюснина) посвящены формально-содержательному анализу изображения разных аспектов войны в прозе А. Адамовича и

Ф. Абрамова в сопоставлении с живописью М. Савицкого, Г. Грундига и В. Попкова.

Второе направление носит подчеркнуто культурологический характер и использует семиотический подход, исследуя символическое пространство культуры через призму литературы и других искусств. Разные варианты такого подхода представлены в работах В. В. Абашева «Танец как универсалия культуры серебряного века» [Абашев 1993: 7–19], «Пермь как текст» [Абашев 2000], «Девушка с коробкой в сумерках Тифлиса: о роли киноцитаты в стихотворении Пастернака» [Абашев 2013: 120–129] и др. Материалы для изучения пермской культурной жизни XIX–XX вв. собираются и публикуются в рамках деятельности Пермского общественного фонда «Юрятин» и Лаборатории политики культурного наследия им. П. С. Богословского (науч. руководитель В. В. Абашев).

Третье направление сосредоточено на изучении образов произведений визуальных искусств в литературе. Их можно отнести к «интермедialным референциям» [Ripple 2015: 12] и обозначить древнегреческим термином «экфрасис», существенно изменившим свое значение от «яркой описательной речи» [Webb 1999: 11] до «вербального изображения визуального изображения» [Heffernan 2004: 3] и «всякого воспроизведения одного искусства средствами другого» [Геллер 2002: 13]. В кандидатской диссертации Н. С. Бочкаревой «Образы произведений визуальных искусств в литературе (на материале художественной прозы первой половины XIX века)» обоснована многоуровневая символическая природа «образа в образе» и показано его функционирование в романтической новелле об искусстве и «романе художественной культуры» на материале произведений Л. Тика, Э. Т. А. Гофмана, В. Гюго, Т. Готье, Э. По, Н. Готорна, Н. В. Гоголя и др. [Бочкарева 1996].

В начале XXI столетия на переименованной в 1999 г. кафедре мировой литературы и культуры традицию взаимодействия литературы и других искусств продолжают исследования сложившейся «научной школы, хорошо известные англистам по ряду глубоких статей и диссертаций, написанных на стыке литературоведения и искусствоведения» [Джумайло 2016: 228]. В докторской диссертации Н. С. Бочкаревой «Роман о художнике как “роман творения” в литературах Западной Европы и США конца VIII–XIX вв.: генезис и поэтика» обосновывается особый тип «романа творения», в котором герой творит «новый мир» в хронотопе культуры, обнаруживаются истоки «романа о художнике» в европейской литературе (Данте, Челлини, Гете), его становление в немецких и французских романах первой

половины XIX в. и модификации во второй половине столетия в европейской и американской литературах [Бочкарева 2001].

Различные варианты интермедialных взаимодействий нашли отражение в кандидатских диссертациях И. А. Пикулевой «Проблема синтеза в литературном наследии Обри Бердсли» [Пикулева 2008], К. В. Загородневой «Жанр эссе об искусстве в английской литературе второй половины XIX в.» [Загороднева 2010], В. С. Дарененковой «Символика цвета в “Маленькой черной книге рассказов” А. С. Байетт» [Дарененкова 2012], Д. С. Тулякова «Взаимодействие вербального и визуального в авангардной драме первой половины 1910-х годов» [Туляков 2013] и др. В коллективной монографии под редакцией Н. С. Бочкаревой «Экфрасиические жанры в классической и современной литературе» исследуются диалог поэтов с художником «перед картиной», жанровые эксперименты по преодолению границ между вербальным и визуальным на рубеже XIX–XX вв., экфрасиический дискурс в художественной прозе рубежа XX–XXI вв., разные варианты взаимодействия экфрасиса и иллюстрации [Экфрасиические жанры 2014].

В настоящее время продолжается работа над поставленными ранее проблемами с привлечением нового литературно-художественного материала. Интермедialные техники исследуются с позиций исторической поэтики и с учетом их функций в художественном целом произведения. Интермедialные референции помогают не только глубже изучить поэтику автора, но и обнаружить возможности новой интерпретации смысла произведения. При кафедре создана Лаборатория сравнительно-исторических исследований и культурных инноваций (науч. руководитель – Н. С. Бочкарева), на базе которой собирается библиотека интермедialных исследований и материалов. Недавно она пополнилась диссертациями по интермедialности на английском [Чуканцова 2010; Антонова 2011; Коврижина 2016] и немецкоязычном [Зюбина 2015; Виншель 2015] материале.

Проблемы взаимодействия литературы и других видов искусств в контексте интермедialности разрабатывались научным коллективом кафедры мировой литературы и культуры в рамках региональных и российских проектов: 1) тематический план АВИЦП «Развитие научного потенциала высшей школы, 2009–2011», научный проект «Формы выражения кризисного сознания в культуре и литературе рубежа веков» (рук. Н. С. Бочкарева); 2) региональный проект РГНФ «Языки региональной культуры: пермская художественная книга», № 10-04-82416 а/У (рук. И. А. Табункина, Н. С. Бочкарева); 3) грант Президента

Российской Федерации в рамках научного исследования «Поэтика русской и английской литературы рубежа XIX–XX вв.: традиции, рецепция, интерпретация», № МК–2181.2012.6 (рук. И. А. Табункина); 4) целевой конкурс РГНФ по поддержке молодых ученых «Экфрастические жанры в классической и современной литературе», проект № 12-34-01012a1 (рук. Н. С. Бочкарева). Результаты работы по проектам опубликованы в научных статьях, монографиях и учебных пособиях.

Члены научного коллектива кафедры мировой литературы и культуры традиционно в середине апреля принимают ученых из пермских вузов и вузов других городов и стран на ежегодной Международной научной конференции «Иностранные языки и литературы в контексте культуры» (2009–2017). Результаты творческого диалога участников конференции на секции, посвященной проблемам взаимодействия литературы и других искусств в диалоге культур, публикуются в специальном разделе ежегодных выпусков научного журнала «Мировая литература в контексте культуры», редактируемого специалистами и индексируемого в РИНЦ. Статьи по разным аспектам интермедиальности, подготовленные коллегами других кафедр и вузов, регулярно публикуются в рецензируемом журнале «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» [Брузгене 2009: 93–99; Фоминых, Постнова 2011: 165–174; Февр-Дюперг 2012: 180–193; Абашева, Чащинов 2015: 89–97 и др.].

Для практических занятий со студентами, углубленно изучающими иностранные языки, коллективом Лаборатории сравнительно-исторических исследований и культурных инноваций были разработаны программы и выпущены учебные пособия по экфрастической поэзии: «Мировая литература и другие виды искусства: экфрастическая поэзия» и «Эстетические взаимодействия в литературе и культуре: экфрастическая поэзия XIX века» [Бочкарева, Табункина, Загороднева 2012, 2016]. Дополнительные задания стимулируют учащихся разных ступеней обучения (бакалавриат, магистратура, аспирантура) к самостоятельной научной работе по исследуемой проблематике. Для студентов творческих специальностей (художников, актеров, режиссеров и др.) опубликовано учебное пособие по взаимодействию литературы и изобразительных искусств с привлечением драматического театра и кинематографа «Современная литература и изобразительное искусство» [Бочкарева, Загороднева 2016].

Расцвет Пермского книжного издательства во второй половине XX столетия дал интересный

материал для анализа интермедиальных «языков культуры». В главах коллективной монографии «Языки региональной культуры: пермская художественная книга» [Бочкарева и др. 2011] особое внимание было уделено взаимодействию текста и иллюстрации в разных жанрах: детская книга, серия, журнал, комикс и др. Перспективным представляется дальнейшее изучение на пермском материале «интермедиальной комбинации» в фоторомане (трилогия В. Бороздина «Грезы»), трансмедиальности в творчестве писателя и художника (ритм прозы и живописи Н. Горлановой), транспозиции (адаптации) литературы на театральных сценах Перми.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет архитектурный экфрасис, практически не упоминаемый в работах по интермедиальности [Ripple 2015]. Вместе с тем уже в византийской литературе VI в. известен «Экфрасис храма Св. Софии» Павла Силенциария и другие образцы [Фрейберг 1974: 55]. В английской литературе XVII в. в поэме Э. Марвелла «Эплтон-Хауз» дан развернутый экфрасис поместья лорда Фэрфакса [Баландин, Бочкарева 2016]. Проблема архитектурного экфрасиса поднимается искусствоведами, специалистами по античной архитектуре [Пучков 2008; Блинова 2010], но остается дискуссионной, поскольку архитектура не является изобразительным искусством.

Неоднократно отмечалось, что в готическом романе образ замка становится жанрообразующим элементом и выполняет хронотопическую функцию («Замок Отранто» Х. Уолпола, «Тайны Удольфо» А. Радклифф, «Замок Рэкрент» М. Эджворт и др.). Необитаемый мрачный замок противопоставляется современному поместью [Гилева, Бочкарева 2005: 12–17], пространственная структура готического замка повторяется с вариациями в образе монастыря [Пролюмова, Бочкарева 2008: 173–179], стилевые черты архитектуры выражают конфликт произведения и участвуют в создании характеров [Шалагинова, Бочкарева 2008: 196–197]. Экфрасис замка включает описание леса и / или сада, гор и скал, легенды о его обитателях.

В романтической поэзии получает распространение элегический образ замка («Горный замок» Гете, «Замок Бонкур» Шамиссо, «Элегия на Ньюстедское аббатство» Байрона и др.), в котором запечатлелись воспоминания об истории рода и страны [Струкова, Бочкарева 2014: 59–62; Снытникова, Бочкарева 2015: 295–301; Санникова, Бочкарева 2017]. Образ собора часто выступает не только как место действия, но и как главный герой исторического романа («Собор Парижской Богоматери» В. Гюго, «Старый собор Св. Павла» У. Эйнсворта и др.). В экфрасисе собора исполь-

зуются документальные источники по истории архитектуры и архитектурных стилей.

В XX в. экфрасис собора и замка существенно переосмысливается в составе новых жанровых форм («Замок» Ф. Кафки [Струкова, Бочкарева 2015: 311–316], «Шпиль» У. Голдинга [Владимирова 2001: 229–240], «Хоуксмур» П. Акройда [Липчанская 2014: 73–97]). Современная архитектура получает художественное отражение в романе А. Рэнд «Источник», участвует в создании конфликта и системы образов, служит обоснованием авторской философии объективизма [Ozpek 2006; Струкова, Бочкарева 2016: 260–265]. В литературе путешествий архитектурные сооружения являются составной частью топоэкфрасиса [Клинг 2002: 97–110; Порядина, Бочкарева 2016: 318–323].

Еще более дискуссионной оказывается проблема музыкального экфрасиса, хотя давно и плодотворно исследуются способы изображения музыки в литературе [Борисова 2007]. Другой вариант взаимодействия литературы и музыки – интермедийные трансформации поэтического текста в песню. Вопреки утверждению А. Шенберга о совершенной независимости музыки от поэтического текста [Махов 2005: 184–185], обнаружено, что даже перевод на другой язык влияет на характер исполнения музыкально-поэтического произведения [Викторова, Бочкарева 2016: 117–125].

Большинство исследователей фотоэкфрасиса закономерно обращаются к современной литературе, хотя фотография со времени своего возникновения в середине XIX столетия представлена в литературных текстах [Straub 2015]. Многократно проанализированная в ставших классическими трудах В. Бенямина, С. Сонтаг и Р. Барта двойственная природа фотографии используется в романе не только постмодернистами [Судленкова 2015: 97–98], но и писателями первой половины XX в., в частности Ф. С. Фицджеральдом в «Великом Гэтсби» [Бочкарева, Майшева 2017]. Особого упоминания в контексте интермедийности заслуживают эксперименты сотрудников и студентов РГГУ под руководством С. Лавлинского и В. Малкиной в области фотодрамы [Двойная экспозиция 2016].

Пожалуй, самыми популярными и востребованными сегодня можно считать исследования кинопоэтики в литературе и экранизации литературных произведений. На кафедре мировой литературы и культуры ПГНИУ эти исследования только начинаются. Материалом послужили не только произведения немецкого и американского писателей первой половины XX столетия Л. Фейхтвангера [Бочкарева, Пешкова 2016] и Дж. Дос-Пассоса [Дементьев, Проскурнин 2016],

но и роман современного бразильского прозаика М. Пуига [Чагина 2017]. Транспозиция (репрезентация) экфрасиса в кинематографе исследовалась на материале произведений О. Уайльда, Дж. Барнса и др. [Бочкарева 2015].

Внимание писателей, режиссеров и исследователей привлекает и такой якобы «вымирающий» литературный жанр, как «роман о картине». Многообразие его структурных вариантов (достаточно назвать «Чаттертон» П. Акройда, «Корабль дураков» Г. Норминтона, «Одержимость» М. Фрейна, «Девушка с жемчужной сережкой» Т. Шевалье) [Бочкарева 2010], широкое распространение в разных национальных культурах (например, романы А. Переса-Реверте и Д. Рубиной) [Бурдин 2017] усложняют проблему жанровой типологии. Интермедийальная природа «романа о картине» подчеркивается его востребованностью в современной массовой культуре, о чем свидетельствуют экранизации романов А. Переса-Реверте «Фламандская доска», Д. Брауна «Код да Винчи», Т. Шевалье «Девушка с жемчужной сережкой» и др.

Экспозиционная функция экфрасиса играет решающую роль в романе: «Пролог к этому сочинению [“Дафнис и Хлоя” Лонга] представляет собой описание некоей картины, и все повествование, все четыре книги – лишь экспликация этой картины» [Кассен 2000: 232]. Анализ терминов «экфрасис» и «экспозиция» обнаруживает их многозначность и близость. Экфрастическая экспозиция в литературном произведении имеет символическое значение, раскрывает суть конфликта и характер героя на метасюжетном уровне (пьеса О. Уайльда «Идеальный муж», роман Р. Чандлера «Глубокий сон»). «Музейная экспозиция» в произведениях Э. Т. А. Гофмана «Фермата», Г. Джеймса «Трагическая муза», Дж. Барнса «Метроленд», А. С. Байетт «Дева в саду», «Натюрморт», «Детская книга» с самого начала выявляет сложную интермедийность этих произведений и их структурную связь с «Картинами» Филострата [Бочкарева, Графова 2003: 174–179].

Сравнительный анализ экфрасиса в художественной литературе, эссеистике и искусствоведческих работах тоже вызывает целый ряд вопросов. «Парадоксальным образом значительно плодотворнее искусствоведческого утилитаризма» оказались те исследования, которые выясняли художественную функцию экфрасиса в литературном произведении [Брагинская 1977: 262]. Однако эссе об искусстве тесно связано, с одной стороны, с литературно-художественной критикой, а с другой стороны, часто неотделимо от собственно художественного творчества его создателей [Бочкарева 2016: 212–219]. Промежу-

точное положение жанров эссе об искусстве и биографии художника подчеркивает интермедальная природа экфрасиса как литературного описания произведений искусства.

Отмеченные проблемы и подходы не исчерпывают уже поставленных задач и возможных новых методов исследования литературы и других искусств в контексте интермедальности. Для плодотворной работы в этом направлении приглашаем всех заинтересованных коллег к сотрудничеству и созданию информационной базы интермедальных исследований. Границы современного искусства постоянно расширяются, выходя за рамки классических искусств, но роль художественного слова в новых интермедальных образованиях не только не снижается, но даже возрастает.

Список литературы

- Абашев В. В.* Девушка с коробкой в сумерках Тифлиса: о роли киноцитаты в стихотворении Пастернака // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 1(21). С. 120–129.
- Абашев В. В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000. 404 с.
- Абашев В. В.* Танец как универсалия культуры серебряного века // Время Дягилева. Универсалии серебряного века. Третьи Дягилевские чтения. Вып. 1. Пермь, 1993. С. 7–19.
- Абашева М. П., Чащинов Е. Н.* Экфрасис в романе А. Королева «Эфрон» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 4(32). С. 89–97. doi 10.17072/2037-6681-2015-4-89-97.
- Антонова К. Н.* Художественный мир прозы Д. Г. Лоренса 1910-х годов: интермедальный аспект: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 174 с.
- Баландин С. В., Бочкарева Н. С.* Поэма Эндрю Марвелла «Эпплтон-хауз» в англоязычном литературоведении // Актуальные проблемы изучения иностранных языков и литератур: сб. материалов студ. конф. Пермь, 2016. С. 351–358.
- Блинова М. Ю.* Древнегреческий и древнеримский архитектурный экфрасис как коммуникативный акт // Вісник ХДАДМ. 2010. № 5. С. 6–11.
- Борисова И. Е.* Интермедальный аспект взаимодействия музыки и литературы в русском романтизме: дис. ... канд. культурологии. СПб., 2000. 251 с.
- Борисова И.* Перевод и граница: Перспективы интермедальности // Toronto Slavic Quarterly. 2007. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/07/borisova07.shtml> (дата обращения: 12.09.2015).
- Бочкарева Н. С.* Жанровое своеобразие эссе А. С. Байетт «Портреты в литературе» // Мировая литература в контексте культуры. 2016. Вып. 5(11). С. 212–219.
- Бочкарева Н. С.* Образы произведений визуальных искусств в литературе (на материале художественной прозы первой половины XIX века): дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 155 с.
- Бочкарева Н. С.* Роман о художнике как «роман творения» в литературах Западной Европы и США конца VIII–XIX вв.: генезис и поэтика: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 390 с.
- Бочкарева Н. С.* Типология «романа о картине» в современной английской литературе // Жанр и его метаморфозы в литературах России и Англии. Владимир: Владимирский гос. гуманитарн-т, 2010. С. 87–91.
- Бочкарева Н. С.* Экфрастический дискурс в романе Дж. Барнса «Метроленд» и в одноименной экранизации Ф. Сэвилла // Проблемы национального глазами Старого и Нового Света: сб. ст.: в 2 ч. Ч. 2 / под ред. Ю. В. Стулова. Минск: МГЛУ, 2015. С. 146–151.
- Бочкарева Н. С., Графова О. И.* Экфрасис и экспозиция: музей в прологе (на материале романов А. С. Байетт и других произведений) // Мировая литература в контексте культуры. 2013. Вып. 2(8). С. 174–179.
- Бочкарева Н. С., Загороднева К. В.* Современная литература и изобразительное искусство: учеб. пособие / Перм. гос. ин-т культуры. Пермь, 2016. 100 с.
- Бочкарева Н. С., Майшева К. А.* Функции фотографии в романе Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» // Вестник Томского университета. Филология. 2017. В печати.
- Бочкарева Н. С., Пешкова М. А.* Киноэкфрасис в новелле Лиона Фейхтвангера «Броненосец “Потемкин”» // Практики и интерпретации. 2016. Т. 2(2). С. 87–98.
- Бочкарева Н. С., Табункина И. А., Загороднева К. В.* Мировая литература и другие виды искусства: экфрастическая поэзия. Пермь, 2012. 90 с.
- Бочкарева Н. С., Табункина И. А., Загороднева К. В.* Эстетические взаимодействия в литературе и культуре: экфрастическая поэзия XIX века [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2016. 1 CD-ROM. Загл. с этикетки диска.
- Бочкарева Н. С. и др.* Языки региональной культуры: пермская художественная книга / Н. С. Бочкарева, И. А. Табункина, Н. В. Казаринова, Б. М. Проскурнин, Е. А. Князева, К. В. Загороднева, Д. С. Туляков, И. И. Гасумова, Е. О. Пономаренко, А. Х. Мухаметзянова, А. А. Шевченко, А. А. Сидякина, Ю. Н. Баяндина; под общ.

ред. Н.С. Бочкаревой; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2011. 200 с.

Брагинская Н. В. Экфрасис как тип текста (К проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточно-славянские параллели. Структура текста. М.: Наука, 1977. С. 259–283.

Брузгене Р. Литература и музыка: о классификациях взаимодействия // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 6. С. 93–99.

Бурдин И. В. Жанр «роман о картине» в современной литературе: «Фламандская доска» А. Переса-Реверте и «Белая голубка Кордовы» Д. Рубиной // Гуманитарный трактат. 2007. № 7. С. 21–25.

Викторова Л. Ю., Бочкарева Н. С. Легенда о мертвом солдате» Б. Брехта и ее переводы на русский язык: музыкальный аспект // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 4(36). С. 117–125. doi 10.17072/2037-6681-2016-4-117-125.

Виниель А. В. Музыка и музыкант в немецкой литературе рубежа XX–XXI веков (П. Зюскинд «Контрабас», Х.-Й. Ортайль «Ночь Дон Жуана», Х.-У. Трайхель «Тристан-аккорд»): дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2015. 186 с.

Владимирова Н. Г. Поэтика и семиотика храма в романе Голдинга «Шпиль» // Владимирова Н. Г. Условность, созидаящая мир. Поэтика условных форм в современном романе Великобритании. Великий Новгород, 2001. С. 229–240.

Гашева Н. В., Гашева Н. Н., Белозерова Е. Ю., Плюснина Г. Н. Литература и живопись (опыт изучения взаимодействия искусств). Пермь, 1990. 80 с.

Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. М.: МИК, 2002. С. 5–22.

Гилева И., Бочкарева Н. С. Образ замка в романах Хораса Уолпола «Замок Отранто» и Анны Радклифф «Удольфские тайны» // Проблемы метода и поэтики в мировой литературе. Пермь, 2005. С. 12–17.

Дарененкова В. С. Символика цвета в «Маленькой черной книге рассказов» А. С. Байетт: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2012. 185 с.

Двойная экспозиция: фотодрамы / сост. и ред. С. П. Лавлинский, В. Я. Малкина. М.: РГГУ, 2016. 145 с.

Дементьев К. А., Проскурнин Б. М. Кинопоэтика «Рождения нации» Д. У. Гриффита в романе Д. Дос Пассоса «Три солдата» // Актуальные проблемы изучения иностранных языков и литературы. Пермь, 2016. С. 296–301.

Дмитриева Н. А. Изображение и слово. М.: Искусство, 1962. 316 с.

Джумайло О. А. Новые книги об экфрасисе // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2016. Т. 1, вып. 1. С. 225–234.

Загороднева К. В. Жанр эссе об искусстве в английской литературе второй половины XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2010. 231 с.

Зюбина Е. А. Искусство и художник в прозе Артура Шницлера: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2015. 313 с.

Кассен Б. Эффект софистики / пер. с фр. Л. Россиуса. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 240 с.

Клинг О. Топоэкфрасис: место действия как герой литературного произведения (возможности термина) // Экфрасис в русской литературе: труды лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. М.: МИК, 2002. С. 97–110.

Коврижина Я. С. Проза Вирджинии Вулф: интермедийный аспект: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 219 с.

Лейтес Н. С. Немецкий роман 1918–1945 годов (эволюция жанра). Пермь, 1975. 325 с.

Лейтес Н. С. Черты поэтики немецкой литературы нового времени. Пермь, 1980. 91 с.

Липчанская И. В. Образ Лондона в творчестве Питера Акройда: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2014. 184 с.

Литература и живопись: сб. ст. Л.: Наука, 1982. 288 с.

Любимова А. Ф. Проблема героя в романе Р.Киплинга «Свет погас» // Проблемы метода, жанра и стиля в прогрессивной литературе Запада XIX–XX вв. Пермь, 1976. С. 131–141.

Любимова А. Ф. Художник и общество в рассказах Л. Н. Толстого «Люцерн» и Р. Л. Стивенсона «Провидение и гитара» // Традиции и взаимодействия в зарубежной литературе XIX–XX вв. Пермь, 1988. С. 72–77.

Махов А. Е. Musica Literaria: Идея словесной музыки в европейской поэтике. М.: Intrada, 2005. 224 с.

Мейлах Б. Взаимодействие искусств и задачи изучения художественного творчества // Вопросы литературы. 1964. № 3. С. 3–16.

Пикулева И. А. Проблема синтеза в литературном наследии Обри Бердсли: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2008. 254 с.

Порядина А. А., Бочкарева Н. С. Религия в зеркале архитектурного экфрасиса поэмы Байрона «Паломничество Чайльд Гарольда» // Актуальные проблемы изучения иностранных языков и литературы. Пермь, 2016. С. 318–323.

Проломова Л., Бочкарева Н. С. Функции архитектурного экфрасиса в романе Мэтью Грегори Льюиса «Монах» // *Мировая литература в контексте культуры*. Пермь, 2008. С. 173–179.

Проскурнин Б. М. Изучение мировой литературы в Пермском государственном университете: исторический взгляд в будущее // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2016. Вып. 4(36). С. 156–165. doi 10.17072/2037-6681-2016-4-156-165.

Пучков А. А. Поэтика античной архитектуры. Киев: Феникс, 2008. 992 с.

Санникова О. В., Бочкарева Н. С. Архитектурный экфрасис в «Элегии на Ньюстедское Аббатство» Дж. Г. Байрона // *Актуальные проблемы изучения иностранных языков и литератур*. Пермь, 2017. В печати.

Снытникова Д. И., Бочкарева Н. С. Архитектурный экфрасис в балладе А. Шамиссо «Исчезнувший замок» // *Актуальные проблемы изучения иностранных языков и литератур*. Пермь, 2015. С. 295–301.

Струкова А. А., Бочкарева Н. С. Архитектурный экфрасис в романе Ф. Кафки «Замок» // *Актуальные проблемы изучения иностранных языков и литератур*. Пермь, 2015. С. 311–316.

Струкова А. А., Бочкарева Н. С. Функции архитектуры в романе Айн Рэнд «Источник» // *Мировая литература в контексте культуры*. 2016. Вып. 5(11). С. 260–265.

Струкова А. А., Бочкарева Н. С. Экфрасис замка в стихотворении И. В. Гете «Горный замок» и А. Шамиссо «Замок Бонкур» // *Актуальные проблемы изучения иностранных языков и литератур*. Пермь, 2014. С. 59–62.

Судленкова О. А. Английская поэзия романтизма и современная проза. Минск: МГЛУ, 2015. 152 с.

Тишунина Н. В. Западноевропейский символизм и проблема взаимодействия искусств: опыт интермедиального анализа. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. 159 с.

Туляков Д. С. Взаимодействие вербального и визуального в авангардной драме первой половины 1910-х годов (на материале сценической композиции В. Кандинского «Желтый звук», оперы А. Крученых «Победа над солнцем» и пьесы У. Льюиса «Враг звезд»): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 231 с.

Тюриня И. О. Великое пророчество: Философская концепция Маршалла Маклюэна // *Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего* / пер. с англ. И. О. Тюриной. М.: Академический проект: Фонд «Мир», 2005. С. 5–18.

Фоминых Т. Н., Постнова Е. А. Образ Италии в повести В. А. Каверина «Косой дождь» // *Вест-*

ник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 4(16). С. 165–174.

Фрейберг Л. А. Византийская поэзия IV–X вв. и античные традиции // *Византийская литература / под ред. С. С. Аверинцева*. М.: Наука, 1974. С. 24–76.

Фрейденоберг О. М. Образ и понятие. II. Метафора // *Фрейденоберг О. М. Миф и литература древности*. М.: Наука, 1978. С. 180–205.

Фэвр-Дюпэрг А. Пастернаковская «Баллада» 1916 года: импровизация в поисках подходящей формы // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2012. Вып. 1(17). С. 180–193.

Ханжина Е. П. Сонет о произведении визуальных искусств в романтической поэзии США // *Проблемы метода и поэтики в зарубежной литературе XIX–XX вв.* Пермь, 1995. С. 69–75.

Ханжина Е. П. Романтическая поэзия США: жанры, поэтика, стиль. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. 196 с.

Чагина А. П. Поэтика кино в романе Мануэля Пуига «Поцелуй женщины-паука» // *Мировая литература в контексте культуры*. 2017. Вып. 6(12). В печати.

Чуканцова В. О. Проблема интермедиальности в повествовательной прозе Оскара Уайльда: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 199 с.

Шалагинова А., Бочкарева Н. С. Функция архитектурного экфрасиса в новелле Э. Т. А. Гофмана «Церковь иезуитов в Г.» // *Мировая литература в контексте культуры*. Пермь, 2008. С. 196–197.

Экфрасические жанры в классической и современной литературе / Н. С. Бочкарева, К. В. Загороднева, Е. О. Пономаренко, А. Г. Рогова, И. А. Табункина, Д. С. Туляков, И. И. Тулякова; под общ. ред. Н. С. Бочкаревой. Пермь, 2014. 204 с.

Яшенькина Р. Ф. Тема искусства в романе Т. Манна «Доктор Фаустус» // *Ученые записки Пермского университета*. 1962. Т. 23, вып. 2. С. 84–101.

Heffernan J. A. W. Museum of Words: The Poetics of Ekphrasis from Homer to Ashbery. Chicago; L.: University Chicago Press, 2004. 249 p.

Ozpek B. B. Ayn Rand, Objectivism and Architecture: A Thesis. Middle East Technical University, 2006. 115 p.

Rippl G. Introduction // *Handbook of Intermediality. Literature – Image – Sound – Music / ed. by G. Rippl*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2015. P. 1–34.

Straub J. Nineteenth-century Literature and Photography // *Handbook of Intermediality. Literature – Image – Sound – Music / ed. by G. Rippl*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2015. P. 156–172.

Webb R. Ekphrasis Ancient and Modern: the Invention of a Genre // *Word & Image*. 1999. 15: 1. P. 7–18.

References

Abashev V. V. Devushka s korobkoy v sumerkakh Tiflisa: o roli kinotsitaty v stikhotvorenii Pasternaka [The girl with a hatbox in the dusk of Tbilisi: on the role of cinematic citation in the poem by Boris Pasternak]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2013, issue 1(21), pp. 120–129 (In Russ.)

Abashev V. V. *Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature 20-go veka* [Perm as text. Perm in Russian culture and literature of the 20th century]. Perm, 2000. 404 p. (In Russ.)

Abashev V. V. Tanets kak universalija kul'tury serebryanogo veka [Dance as a universal of the culture of the Silver Age]. *Vremya Dyagileva. Universalii serebryanogo veka. Tret'i Dyagilevskie chteniya*. [Diaghilev's time. Universals of the Silver Age. The third Diaghilev's Readings], 1993, issue 1, pp. 7–19. (In Russ.)

Abasheva M. P., Chashchinov E. N. Ekfrasis v romane A. Koroleva «Eron» [Ekphrasis in Anatoly Korolev's novel "Eron"]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2015, issue 4(32), pp. 89–97. doi 10.17072/2037-6681-2015-4-89-97. (In Russ.)

Antonova K. N. *Khudozhestvennyy mir prozy D. G. Lorensa 1910-kh godov: intermedial'nyy aspekt*. Diss. kand. filol. nauk [The artistic world of D. G. Lawrence's prose of the 1910s: the intermedial aspect. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2011. 174 p. (In Russ.)

Balandin S. V., Bochkareva N. S. Poema Endryu Marvella «Eppilton-khauz» v angloyazychnom literaturovedenii ["Upon Appleton House" by Andrew Marvell in English Literary Studies]. *Aktual'nye problemy izucheniya inostrannykh yazykov i literatur: sb. materialov studencheskoy konferentsii* [Current problems of studying foreign languages and literatures: proc. of student conf.]. Perm, 2016, pp. 351–358. (In Russ.)

Blinova M. Yu. Drevnegrecheskiy i drevnerimskiy arkhitekturnyy ekfrasis kak kommunikativnyy akt [Ancient Greek and ancient Roman architectural ekphrasis as a communicative act]. *Visnik KhDADI* [Bulletin of KhSADA], 2010, issue 5, pp. 6–11. (In Russ.)

Borisova I. E. *Intermedial'nyy aspekt vzaimodeystviya muzyki i literatury v russkom romantizme*. Diss. kand. kul'turo. nauk [Intermedial aspect of the interaction of music and literature in Russian

Romanticism. Cand. culturo. sci. diss.]. St. Petersburg, 2000. 251 p. (In Russ.)

Borisova I. E. Perevod i granitsa: perspektivy intermedial'nosti [Translation and Border: prospects of intermediality]. *Toronto Slavic Quarterly*, 2007. Available at: <http://www.utoronto.ca/tsq/07/borisova07.shtml> (accessed 12.09.2015) (In Russ.)

Bochkareva N. S. Zhanrovoe svoeobrazie esse A. S. Bayett «Portrety v literature» [Genre peculiarity of the essay «Portraits in Literature» by A. S. Bayette]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World literature in the context of culture], 2016, issue 5(11), pp. 212–219. (In Russ.)

Bochkareva N. S. *Obrazy proizvedeniy vizual'nykh iskusstv v literature (na materiale khudozhestvennoy prozy pervoy poloviny 19 veka)*. Diss. kand. filol. nauk [Images of visual art works in literature (a case study of fiction of the first half of the 19th century). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1996. 155 p. (In Russ.)

Bochkareva N. S. Roman o khudozhnike kak «roman tvoreniya» v literaturakh Zapadnoy Evropy i SShA kontsa 8–19 vv.: genezis i poetika. Diss. dokt. filol. nauk [A novel about the artist as a “novel of creation” in literatures of Western Europe and the USA of the late 8th – 19th centuries: genesis and poetics. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2001. 390 p. (In Russ.)

Bochkareva N. S. Tipologiya «romana o kartine» v sovremennoy angliyskoy literature [Typology of the “novel about the picture” in modern English literature]. *Zhanr i ego metamorfozy v literaturakh Rossii i Anglii* [Genre and its metamorphosis in the literature of Russia and England]. Vladimir, Vladimir State Humanitarian University Press, 2010, pp. 87–91. (In Russ.)

Bochkareva N. S. Ekfrasticheskiy diskurs v romane Dzh. Barnsa «Metrolend» i v odnoimennoy ekranizatsii F. Sevilla [Ekphrastic discourse in the novel «Metroland» by J. Barnes and in F. Saville's screen adaptation of the same name]. *Problemy natsional'nogo glazami Starogo i Novogo Sveta: sbornik statey: v 2 chastyakh. Chast' 2*. Pod red. Yu. V. Stulova [Problems of the National through the Eyes of the Old and New Worlds: a collection of articles: in 2 ps. Pt. 2. Ed. by Yu. V. Stulov]. Minsk, Minsk State Linguistic University Press, 2015, pp. 146–151. (In Russ.)

Bochkareva N. S., Grafova O. I. Ekfrasis i ekspozitsiya: muzey v prologe (na materiale romanov A. S. Bayett i drugikh proizvedeniy) [Ekphrasis and exposition: a museum in prologue (based on novels by A. S. Bayette and other works)]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World literature in the context of culture], 2013, issue 2(8), pp. 174–179. (In Russ.)

Bochkareva N. S., Zagorodneva K. V. *Sovremennaya literatura i izobrazitel'noe iskusstvo*. Uchebnoe posobie [Modern Literature and Visual Arts. A Tutorial]. Perm, Perm State Institute of Culture Press, 2016. 100 p. (In Russ.)

Bochkareva N. S., Maysheva K. A. Funktsii fotografii v romane F. S. Fitsdzheral'da «Velikiy Getsbi» [Functions of photography in the novel “The Great Gatsby” by F. S. Fitzgerald]. *Vestnik Tomskogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal. Philology], 2017. (in print). (In Russ.)

Bochkareva N. S., Peshkova M. A. Kinoekfrasis v novelle Liona Feykhtvanger «Bronenosets “Potemkin”» [Kinoekfrasis in the novel The Battleship “Potemkin” by Lion Feuchtwanger]. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy* [Practices and Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies], 2016, vol. 2(2), pp. 87–98. (In Russ.)

Bochkareva N. S., Tabunkina I. A., Zagorodneva K. V. *Mirovaya literatura i drugie vidy iskusstva: ekfrasticheskaya poeziya*. Uchebnoe posobie [World literature and arts: ekphrastic poetry. Textbook]. Perm, 2012. 90 p. (In Russ.)

Bochkareva N. S., Tabunkina I. A., Zagorodneva K. V. *Esteticheskie vzaimodeystviya v literature i kul'ture: ekfrasticheskaya poeziya 19 veka*. Uchebnoe posobie [Aesthetic interactions in literature and culture: ekphrastic poetry of the 19th century. Textbook], Perm, Perm State University Press, 2016. (In Russ.)

Bochkareva N. S. i dr. *Yazyki regional'noy kul'tury: permskaya khudozhestvennaya kniga*. Kollektivnaya monografiya [Languages of regional culture: Permian art book. Collective monograph]. N. S. Bochkareva, I. A. Tabunkina, N. V. Kazarinova, B. M. Proskurnin, E. A. Knyazeva, K. V. Zagorodneva, D. S. Tulyakov, I. I. Gasumova, E. O. Ponomarenko, A. Kh. Mukhametzyanova, A. A. Shevchenko, A. A. Sidiyagina, Yu. N. Bayandina; Ed. by N. S. Bochkareva. Perm, Perm State University Press, 2011. 200 p. (In Russ.)

Braginskaya N. V. Ekfrasis kak tip teksta (K probleme strukturnoy klassifikatsii) [Ekphrasis as a type of text (To the problem of structural classification)]. *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Karpato-vostochno-slavyanskii paralleli. Struktura teksta* [Slavonic and Balkan linguistics. Carpathian-Eastern Slavic parallels. Text structure]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 259–283. (In Russ.)

Bruzgene R. Literatura i muzyka: o klassifikatsiyakh vzaimodeystviya [Literature and music: to the classifications of the relations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and

Foreign Philology], 2009, issue 6, pp. 93–99. (In Russ.)

Burdin I. V. Zhanr «roman o kartine» v sovremennoy literature: «Flamandskaya doska» A. Peresa-Reverte i «Belaya golubka Kordovy» D. Rubinoy [The genre “novel about the picture”: “The Flanders Panel” by A. Pérez-Reverte and “The White Pigeon of Cordova” by D. Rubina]. *Gumanitarnyy traktat* [Humanist treatise], 2007, issue 7, pp. 21–25. (In Russ.)

Viktorova L. Yu., Bochkareva N. S. «Legenda o mertvom soldate» B. Brekhta i ee perevody na russkiy yazyk: muzykal'nyy aspekt [“The legend of the dead soldier” by B. Brecht and its translations into Russian: musical aspect]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2016, issue 4(36), pp. 117–125. doi 10.17072/2037-6681-2016-4-117-125. (In Russ.)

Vinshel' A. V. *Muzyka i muzykant v nemetskoj literature rubezha 20–21 vekov* (P. Zyuskind «Kontrabas», Kh.-Y. Ortayl' «Noch' Don Zhuana», Kh.-U. Traykhel' «Tristan-akkord»). Diss. kand. filol. nauk [Music and a musician in German literature at the turn of the 20th and 21st centuries (“Contrabass” by P. Süskind, “The Night of Don Juan” by H.-J. Ortheil, “Tristan-chord” by H.-U. Treichel). Cand. philol. sci. diss.]. Tambov, 2015. 186 p. (In Russ.)

Vladimirova N. G. Poetika i semiotika khrama v romane Goldinga «Shpil'» [Poetics and semiotics of the temple in the novel “The Spire” by Golding]. Vladimirova N. G. *Uslovnost', sozidayushchaya mir. Poetika uslovnnykh form v sovremennom romane Velikobritanii* [Conventionality, creating the world. Poetics of conditional forms in the modern British novel]. Veliky Novgorod, 2001, pp. 229–240. (In Russ.)

Gasheva N. V., Gasheva N. N., Belozerova E. Yu., Plyusnina G. N. *Literatura i zhivopis' (opyt izucheniya vzaimodeystviya iskusstv)* [Literature and painting (experience of studying the interaction of arts)]. Perm, 1990. 80 p. (In Russ.)

Geller L. Voskreshenie ponyatiya, ili Slovo ob ekfrasis [The resurrection of the concept, or the Word about ekphrasis]. *Ekfrasis v russkoy literature: trudy Lozanskogo simpoziuma*. Pod red. L. Gellera [Ekphrasis in Russian literature: Works of the Lausanne Symposium. Ed. by L. Geller]. Moscow, MIK Publ., pp. 5–22. (In Russ.)

Gileva I., Bochkareva N. S. Obraz zamka v romanakh Khorasa Uolpola «Zamok Otranto» i Anny Radkliff «Udol'fskie tayny» [The image of the castle in the novel “The Otranto Castle” by Horace Walpole and “The Mysteries of Udolpho” by Anna Radcliffe]. *Problemy metoda i poetiki v mirovoy literature* [Problems of Method and Poetics in World Literature], Perm, 2005, pp. 12–17. (In Russ.)

Darenenkova V. S. *Simvolika tsveta v «Malen'koy chernoy knige rasskazov» A. S. Bayett*. Diss. kand. filol. nauk [The symbolism of color in the “Little Black Book of Stories” by A. S. Byatt. Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2012. 185 p. (In Russ.)

Dvoynaya ekspozitsiya: fotodramy. Sost. i red. S. P. Lavlinskiy, V. Ya. Malkina [Double exposition: photodramas. Ed. by S. P. Lavlinskiy, V. Ya. Malkina], Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2016. 145 p. (In Russ.)

Dement'ev K. A., Proskurnin B. M. Kinopoetika «Rozhdeniya natsii» D. U. Griffita v romane D. Dos Passosa «Tri soldata» [Film Poetics of “The Birth of a Nation” by D. W. Griffith in the novel “Three Soldiers” by D. Dos Passos]. *Aktual'nye problemy izucheniya inostrannykh yazykov i literatur: sb. materialov studencheskoy konferentsii* [Current problems of studying foreign languages and literatures: proc. of student conf.]. Perm, 2016, pp. 296–301. (In Russ.)

Dmitrieva N. A. *Izobrazhenie i slovo* [Image and word]. Moscow, Art Publ., 1962. 316 p. (In Russ.)

Dzhumaylo O. A. Novye knigi ob ekfrasis [New books on ekfrasis]. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy* [Practices and Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies], 2016, vol. 1, issue 1, pp. 225–234. (In Russ.)

Zagorodneva K. V. *Zhanr esse ob iskusstve v angliyskoy literature vtoroy poloviny 19 veka*. Diss. kand. filol. nauk [Essay genre on art in English literature of the second half of the 19th century. Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2010. 231 p. (In Russ.)

Zyubina E. A. *Iskusstvo i khudozhnik v proze Artura Shnitslera*. Diss. kand. filol. nauk [Art and an artist in the prose of Arthur Schnitzler. Cand. philol. sci. diss.]. Saratov, 2015. 313 p. (In Russ.)

Kassen B. *Effekt sofistiki*. Per. s fr. L. Rossiusa [The effect of sophistry. Transl. from French by L. Rossius]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2000. 240 p. (In Russ.)

Kling O. Topoekfrasis: mesto deystviya kak ge-roj literaturnogo proizvedeniya (vozmozhnosti termina) [Topoekphrasis: the scene of action as the hero of a literary work (the possibility of a term)]. *Ekfrasis v russkoy literature: trudy Lozanskogo simpoziuma. Pod red. L. Gellera* [Ekfrasis in Russian literature: Works of the Lausanne Symposium. Ed. by L. Geller]. Moscow, MIK Publ., pp. 97–110. (In Russ.)

Kovrizhina Ya. S. *Proza Virdzhinii Vulf: intermedial'nyy aspekt*. Diss. kand. filol. nauk [Virginia Woolf's prose: the intermedial aspect. Cand. philol. sci. diss.]. St. Peterburg, 2016. 219 p. (In Russ.)

Leites N. S. *Nemetskiy roman 1918–1945 godov (evolyutsiya zhanra)* [The German novel of 1918–1945 (the evolution of the genre)]. Perm, 1975. 325 p. (In Russ.)

Leites N. S. *Cherty poetiki nemetskoy literatury novogo vremeni* [The features of the poetics of German literature of modern times]. Perm, 1980. 91 p. (In Russ.)

Lipchanskaya I. V. *Obraz Londona v tvorchestve Pitera Akroyda*. Diss. kand. filol. nauk [The image of London in Peter Ackroyd's works. Cand. philol. sci. diss.]. Saratov, 2014. 184 p. (In Russ.)

Literatura i zhivopis' [Literature and painting]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 288 p. (In Russ.)

Lyubimova A. F. Problema geroya v romane R. Kiplinga «Svet pogas» [The problem of the hero in the novel «The Light That Failed» by R. Kipling]. *Problemy metoda, zhanra i stilya v progressivnoy literature Zapada 19–20 vekov* [Problems of method, genre and style in the progressive literature of the West of the 19th–20th centuries]. Perm, 1976, pp. 131–141. (In Russ.)

Lyubimova A. F. Khudozhnik i obshchestvo v rasskazakh L. N. Tolstogo «Lyutsern» i R. L. Stivenzona «Providenie i gitara» [An artist and society in stories «Lucerne» by L. N. Tolstoy and “Providence and the Guitar” by R. L. Stevenson]. *Traditsii i vzaimodeystviya v zarubezhnoy literature 19–20 vekov* [Traditions and interactions in foreign literature of the 19th–20th centuries]. Perm, 1988, pp. 72–77. (In Russ.)

Makhov A. E. *Musica Literaria: ideya slovesnoy muzyki v evropeyskoy poetike* [Musica Literaria: The idea of verbal music in European poetics]. Moscow, Intrada Publ., 2005. 224 p. (In Russ.)

Meylakh B. *Vzaimodeystvie iskusstv i zadachi izucheniya khudozhestvennogo tvorchestva* [The interaction of arts and the study of artistic creativity]. *Voprosy literatury* [Voprosy literatury], 1964, issue 3, pp. 3–16. (In Russ.)

Pikuleva I. A. *Problema sinteza v literaturnom nasledii Obri Berdsli*. Diss. kand. filol. nauk [The problem of synthesis in Aubrey Beardsley's literary heritage. Cand. philol. sci. diss.]. Ivanovo, 2008. 254 p. (In Russ.)

Poryadina A. A., Bochkareva N. S. *Religiya v zerkale arkhitekturnogo ekfrasisa poemy Bayrona «Palomnichestvo Chayl'd Garol'da»* [Religion in the mirror of the architectural ekphrasis of “Childe Harold's Pilgrimage” by Byron]. *Aktual'nye problemy izucheniya inostrannykh yazykov i literatur: sb. materialov studencheskoy konferentsii* [Current problems of studying foreign languages and literatures: proc. of student conf.]. Perm, 2016, pp. 318–323. (In Russ.)

Prolomova L., Bochkareva N. S. *Funksii arkhitekturnogo ekfrasisa v romane Met'yu Gregori*

L'yuisa «Monakh» [Functions of architectural ekphrasis in the novel “Monk” by Matthew Gregory Lewis]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World literature in the context of culture]. Perm, 2008, pp. 174–179. (In Russ.)

Proskurnin B. M. Izuchenie mirovoy literatury v Permskom gosudarstvennom universitete: istoricheskiy vzglyad v budushchee [World literature teaching and studies at Perm State University: historical view into the future]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2016, issue 4(36), pp. 156–165. doi 10.17072/2037-6681-2016-4-156-165. (In Russ.)

Puchkov A. A. Poetika antichnoy arkhitektury [The Poetics of Ancient Architecture]. Kiev, Feniks Publ., 2008. 992 p. (In Russ.)

Sannikova O. V., Bochkareva N. S. Arkhitekturnyy ekfrasis v «Elegii na N'yustedskoe Abbatstvo» Dzh. G. Bayrona [Architectural ekphrasis in «Elegy on the Newstead Abbey» by G. G. Byron]. *Aktual'nye problemy izucheniya inostrannykh yazykov i literatur: sb. materialov studencheskoy konferentsii* [Current problems of studying foreign languages and literatures: proc. of student conf.]. Perm, 2017. (in print). (In Russ.)

Snytnikova D. I., Bochkareva N. S. Arkhitekturnyy ekfrasis v ballade A. Shamisso «Ischeznuvshiy zamok» [Architectural ekphrasis in the ballad “The Vanished Castle” by A. Chamissot]. *Aktual'nye problemy izucheniya inostrannykh yazykov i literatur: sb. materialov studencheskoy konferentsii* [Current problems of studying foreign languages and literatures: proc. of student conf.]. Perm, 2015, pp. 295–301. (In Russ.)

Strukova A. A., Bochkareva N. S. Arkhitekturnyy ekfrasis v romane F. Kafki «Zamok» [Architectural ekphrasis in the novel “The Castle” by F. Kafka]. *Aktual'nye problemy izucheniya inostrannykh yazykov i literatur: sb. materialov studencheskoy konferentsii* [Current problems of studying foreign languages and literatures: proc. of student conf.]. Perm, 2015, pp. 311–316. (In Russ.)

Strukova A. A., Bochkareva N. S. Funktsii arkhitektury v romane Ayn Rend «Istochnik» [Functions of architecture in the novel «The Source» by Ayn Rand]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World literature in the context of culture], 2016, issue 5(11), pp. 260–265. (In Russ.)

Strukova A. A., Bochkareva N. S. Ekfrasis zamka v stikhotvorenii I. V. Gete «Gornyy zamok» i A. Shamisso «Zamok Bonkur» [The ekphrasis of the castle in the poems “The Mountain Castle” by I. Goethe and “Boncourt Castle” by A. Chamissot]. *Aktual'nye problemy izucheniya inostrannykh yazykov i literatur: sb. materialov studencheskoy konferentsii* [Current problems of studying foreign lan-

guages and literatures: proc. of student conf.]. Perm, 2014, pp. 59–62. (In Russ.)

Sudlenkova O. A. Angliyskaya poeziya romanizma i sovremennaya proza [English poetry of romanticism and modern prose]. Minsk, Minsk State Linguistic University Press, 2015. 152 p. (In Russ.)

Tishunina N. V. *Zapadnoevropeyskiy simvolizm i problema vzaimodeystviya iskusstv: opyt intermedial'nogo analiza* [Western European Symbolism and the Problem of the Interaction of the Arts: Experience of Intermedial Analysis]. St. Petersburg, Herzen University Press, 1998. 159 p. (In Russ.)

Tulyakov D. S. *Vzaimodeystvie verbal'nogo i vizual'nogo v avangardnoy drame pervoy poloviny 1910-kh godov (na materiale stsenicheskoy kompozitsii V. Kandinskogo «Zheltyy zvuk», opery A. Kruchenykh «Pobeda nad solntsem» i p'esy U. L'yuisa «Vrag zvezd»)*. Diss. kand. filol. nauk [The interaction of verbal and visual in the avant-garde drama of the first half of the 1910s (based on the scenic composition «The Yellow Sound» by V. Kandinsky, the opera «Victory over the Sun» by A. Kruchenykh and the play «The Enemy of the Stars» by W. Lewis). Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2013. 231 p. (In Russ.)

Tyurina I. O. Velikoe prorochestvo: Filosofskaya kontseptsiya Marshalla Maklyuena [The Great prophecy: the philosophical concept of Marshall McLuhan]. *Maklyuen M. Galaktika Gutenberga: Stanovlenie cheloveka pechatayushchego*. Per. s angl. I. O. Tyurinoy [McLuhan M. Gutenberg's galaxy: genesis of the typographic man. Transl. from English by I. O. Tyurina]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., Fond «Mir» Publ., 2005, pp. 5–18. (In Russ.)

Fominykh T. N., Postnova E. A. Obraz Italii v povesti V. A. Kaverina «Kosoy dozhd'» [The image of Italy in V. A. Kaverin's “The Slanting Rain”]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2011, issue 4(16), pp. 165–174. (In Russ.)

Freiberg L. A. Vizantiyskaya poeziya 4–10 vv. i antichnye traditsii [Byzantine poetry of the 4–10 centuries and ancient traditions]. *Vizantiyskaya literatura*. Pod red. S. S. Averintseva [Byzantine literature. Ed. by S. Averintsev]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 24–76. (In Russ.)

Freidenberg O. M. Obraz i ponyatie. II. Metafora [Image and concept. II. Metaphor]. Freidenberg O. M. *Mif i literatura drevnosti* [Myth and literature of antiquity]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 180–205. (In Russ.)

Faivre Dupaigne A. Pasternakovskaya «Ballada» 1916 goda: improvizatsiya v poiskakh podkhodyashchey formy [B. Pasternak's 1916 «Ballade»: improvisation in search of appropriate form]. *Vestnik*

Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2012, issue 1(17), pp. 180–193. (In Russ.)

Khanzhina E. P. Sonet o proizvedenii vizual'nykh iskusstv v romanticheskoy poezii SShA [Sonnet about the works of visual arts in romantic poetry of the USA]. *Problemy metoda i poetiki v zarubezhnoy literature 19–20 vekov* [Problems of method and poetics in foreign literature of the 19th–20th centuries]. Perm, 1995, pp. 69–75. (In Russ.)

Khanzhina E. P. *Romanticheskaya poeziya SShA: zhanry, poetika, stil'* [Romantic poetry of the USA: genres, poetics, style]. Perm, Perm State University Press, 1998, 196 p. (In Russ.)

Chagina A. P. Poetika kino v romane Manuelya Puiga «Potseluy zhenshchiny-pauka» [Poetics of cinema in the novel «Kiss of the Spider Woman» by Manuel Puig]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World literature in the context of culture], 2017, issue 6(12). (in print). (In Russ.)

Chukantsova V. O. *Problema intermedial'nosti v povestvovatel'noy proze Oskara Uayl'da*. Diss. kand. filol. nauk [The problem of intermediality in Oscar Wilde's narrative prose. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2010. 199 p. (In Russ.)

Shalaginova A., Bochkareva N. S. Funktsiya arkhitekturnogo ekfrasisa v novelle E. T. A. Gofmana «Tserkov' iyezuitov v G.» [Function of the architectural ekphrasis in the novel «Jesuit Church in G.» by E. T. A. Hoffmann]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World literature in the context of culture]. Perm, 2008, pp. 196–197. (In Russ.)

Ekfrasticheskie zhanry v klassicheskoy i sovremennoy literature: monografiya. N. S. Bochkareva, K. V. Zagorodneva, E. O. Ponomarenko, A. G. Rogova, I. A. Tabunkina, D. S. Tulyakov, I. I. Tulyakova; pod obshch. red. N. S. Bochkarevoy. [Ekphrastic genres in classical and modern literature. Monograph. Ed. by N. S. Bochkareva et al.]. Perm, 2014. 204 p. (In Russ.)

Yashen'kina R. F. Tema iskusstva v romane T. Manna «Doktor Faustus» [The theme of art in the novel “Doctor Faustus” by Th. Mann]. *Uchenye zapiski Permskogo universiteta* [Proceedings of the Perm State University], 1962, vol. 23, issue 2, pp. 84–101. (In Russ.)

Heffernan J. A. W. *Museum of Words: The Poetics of Ekphrasis from Homer to Ashbery*. Chicago, London, University Chicago Press, 2004. 249 p. (In Eng.)

Özpek B. B. *Ayn Rand, Objectivism and Architecture: A Thesis*. Middle East Technical University, 2006. 115 p. (In Eng.)

Rippl G. Introduction. *Handbook of Intermediality. Literature – Image – Sound – Music*. Ed. by G. Rippl. Berlin/Boston, Walter de Gruyter GmbH, 2015, pp. 1–34. (In Eng.)

Straub J. Nineteenth-century Literature and Photography. *Handbook of Intermediality. Literature – Image – Sound – Music*. Ed. by G. Rippl. Berlin/Boston, Walter de Gruyter GmbH, 2015, pp. 156–172. (In Eng.)

Webb R. Ekphrasis Ancient and Modern: the Invention of a Genre. *Word & Image*. 1999, issue 15: 1, pp. 7–18. (In Eng.)

**PROBLEMS OF RELATIONS BETWEEN LITERATURE
AND OTHER ARTS IN THE CONTEXT OF INTERMEDIALITY
(Research Experience of the Department of World Literature
and Culture of the Perm State University)**

Nina S. Bochkareva

**Professor in the Department of World Literature and Culture
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. nsbochk@mail.ru

SPIN-code: 5691-5020

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0518-9976>

ResearcherID: P-2300-2016

Irina A. Novokreshchennykh

**Associate Professor in the Department of World Literature and Culture
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. ira-tabunkina@mail.ru

SPIN-code: 6165-6981

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0877-4823>

ResearcherID: P-1752-2016

The article elaborates on the problem of interrelations between literature and other arts in the context of intermediality. It provides an overview of the research experience of the Department of World Literature and Culture of the PSU, and distinguishes two stages in the formation of the school of thought. In the 1990s, in the PSU several literary directions with different approaches to the study of interrelationships among arts were formed: “typological similarities” of literature and painting (N. V. Gasheva); literature and art in the symbolic space of culture (V. V. Abashev); images of visual art works in literature, or ekphrasis (N. S. Bochkareva) as “verbal representation of visual representation” (J. Heffernan) and “reproduction of one kind of art by means of other arts” (L. Geller). At the moment, at the Department of World Literature and Culture the problems of intermedial techniques are addressed from the perspective of historical poetics with the account of their functions in the stylistic harmony of a literary work. The results of the investigations are reflected in research projects, theses, reports at the annual International conferences “Foreign Languages and Literatures in the Context of Culture” (2009–2017), articles in the scientific journal “World Literature in the Context of Culture” and others. The range of problems of intermedial investigations by Perm researchers is focused on such debatable aspects as architectural and musical ekphrasis, photo-ekphrasis and poetics of cinema, transposition of ekphrasis from literature to cinematography, etc. There are attempts to explore the “novel about the picture” and ekphrasis novel based on the materials of different national literatures (English, Spanish, and others). As a result of intermedial analysis of German poetry and music, it has been revealed that translation into another national language influences the manner of performing musical-poetic works. At the Department, the Laboratory for Comparative Historical Research and Cultural Innovation has been established, which serves as a base for the library of intermedial researches and materials.

Key words: relations between literature and other arts; intermediality; ekphrasis; Department of World Literature and Culture; Perm State University.

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

В журнале отражаются результаты научной деятельности российских и зарубежных филологов. Кроме научных статей, материалов конференций, симпозиумов и семинаров, журнал печатает рецензии на монографии, сборники научных трудов и т. п., опубликованные в России и за рубежом, тематические обзоры и развернутую информацию о событиях научной жизни по профилю издания.

Полнотекстовая версия выставляется на сайте <http://www.rfp.psu.ru> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

С 19.02.2010 журнал включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Каждая рукопись сопровождается внешней рецензией специалиста в исследуемой области, имеющего степень кандидата или доктора наук и не являющегося сотрудником вуза автора. Подпись рецензента заверяется в отделе кадров по месту работы. Авторы, не имеющие ученой степени, представляют, кроме внешней рецензии, отзыв научного руководителя, подписанный и заверенный по месту его работы. В рецензии и отзыве должны быть указаны полностью ФИО, ученая степень, должность, место работы и электронный адрес рецензента. Аспиранты дополнительно представляют официальную справку о сроках обучения в аспирантуре с указанием контактного телефона зав. отделом аспирантуры, подписавшим его документ.

Все три документа с печатями могут присылаться по почте или в сканированном виде отправляться на электронный адрес редакции вместе со статьей. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться следующим текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника” <http://rfp.psu.ru/>. Беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1–6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлегией и главным редактором. Члены международного редакционного совета или редколлегии даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи. В этом случае назначаются три эксперта из состава редколлегии или совета для подготовки обоснованного заключения. В случае отрицательного решения автору рукописи направляется мотивированный отказ от имени редколлегии. Рукопись, сопровождаемая внутренней рецензией, может быть отправлена автору на доработку для устранения замечаний. Срок доработки не ограничен. Статья, не соответствующая требованиям, предъявляемым к публикациям, вторично на доработку не отправляется. Статьи аспирантов, одобренные редколлегией, публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ и со всеми указанными выше документами по электронному адресу langlit2009@mail.ru. Чтобы убедиться в том, что Ваши материалы получены, попросите отправить подтверждение.

Основной текст может быть написан на русском или английском языках.

Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Правила оформления рукописей» и в прикрепленном файле ФОРМА.

Главный редактор – Ирина Александровна Новокрещенных.

Адрес редакции: 614990, Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 28 (лаборатория «Духовная культура Прикамья в лингвистическом аспекте», тел. (342)2396795), ауд. 111 (лаборатория «Сравнительно-исторических исследований и культурных инноваций», тел. (342)2396290). Зам. гл. редактора – *Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутемова*, ответственный за сайт – *Алексей Васильевич Пустовалов*.